1130

11.30

Періодическій сборникъ

МЛАДОРУСЬ

подъ редакціей Василія Ильинскаго.

КНИГА 1-ая.

Поэзія и беллетристика. Религія и философія. Славяновѣдѣніе. Критика и библіографія. Хроника русской академической жизни заграницей. Театръ и искусство.

ВЪ СБОРНИКѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Проф. Н. Н. Алексѣевъ, Богодаръ - Туркенстанцевъ, В. Р. Ваврикъ, проф Д. Н. Вергунъ, Сергѣй Водовъ, проф. С. К. Гогель, Ал. Гришинъ, Н. Демковъ, д-ръ К. П. Крамаржъ, Владимиръ Кадашевъ, проф. В. А. Косинскій, Д-ръ Фр. Кубка, И. Костюченко, проф. И. И. Лаппо, Борисъ Лаго, Гр. Медвѣцкій, С. К. Маковскій, Юрій Миролюбовъ, Евгеній Недзѣльскій, профессоръ Карлова унив. Нидерле, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. Карлова унив. Поливка, О. И. Панасъ, Н. П. Пашковскій, С Я. Савиновъ, П. Н. Савицкій, В. Саврукъ, Ю. Склабинскій, С. Склабинскій, Нина Снѣсарева-Казакова, прив.-доц. Г. В. Флоровскій, Е. Н. Чириковъ, проф. Н. В. Ястребовъ и другіе.

Адресъ редакціи и конторы: **Praha - Smíchov, Přemyslova ul. 16.**

Tel. 1708.

OLGA DIAKOW & CO.

АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО.

G. M. B. H.

BUCHHANDLUNG - VERLAG - BIBLIOTHEK

Славянское Издательство

ВЪ ПРАГѢ.

BERLIN W. 62

„МЛАДОРУСЬ“

ПЕРІОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

Цѣли и задачи сборника:
Идея Всеславянства,
Служеніе національной идеѣ и искусству,
Объединеніе и развитіе молодыхъ дарованій за рубежемъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРАГА
Славянское Издательство
1922.

Типографія Яна Іванка, Търновъ.

...„Если мусульманскій Востокъ совершенно уничтожаетъ человѣка и ушверждаетъ безчеловѣчнаго бога, то Западная цивилизація стремится прежде всего къ ушвержденію безбожнаго человѣка... Ашомизмъ въ искусствѣ — вотъ послѣднее слово Западной цивилизаціи... Историческія условія не позволяютъ намъ искать другого носителя шрешьей силы внѣ Славянства и его главнаго предсташителя — народа русскаго. . . . . .

. . . . . .

Ишакъ, повшоряю, или эшо есшь конецъ псшоріи, или неизбѣжное обнаруженіе всецѣлой шрешьей силы..."

Вл. Соловьевъ.

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/mladorusserialpe01andr

Наша обязанность.

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
А. С Пушкинъ.

Передъ нами сложная и отвѣтственная задача.

Надо разобраться въ хаосѣ совершающихся событій, въ наступающемъ съ неумолимой предначертанностью новомъ этапѣ человѣческаго бытія.

Куда и за кѣмъ идти, что дѣлать и во имя чье, какъ осмыслить и оправдать свою жизнь?

Эти роковые вопросы послѣднихъ дней огненными столбами стали на нашемъ пути.

Молчать дальше нельзя, отмахнуться, какъ отъ черныхъ назойливыхъ мухъ, отъ нихъ невозможно, они требуютъ отвѣта, они сами вопіютъ.

Да и надо же, наконецъ, осознать себя, отказаться отъ дряхлости и половинчатости, сбросить съ лицъ маски, честно и смѣло заявить, что безъ правды жить дальше нельзя!

Нельзя стать человѣкомъ-животнымъ, когда въ тебѣ протестуетъ душа живого Бога.

Намъ, русской молодежи, исторіей взвалена огромнѣйшая тяжесть.

Во имя великаго мистическаго грядущаго Россіи мы взяли на свои плечи крестъ и понесли.

Во имя той же великой тайны мы его понесемъ и дальше.

Но намъ бы хотѣлось сказать нѣсколько словъ. Въ то время когда пришелъ самый тяжелый часъ испытанія, когда многіе отреклись, забыли завѣты свыше, въ мелкомъ властолюбіи и эгоизмѣ продавали и предавали, — мы молча и покорно шли...

Есть великій Грѣхъ и въ немъ повинны всѣ!

Не мы, не другіе, никто не имѣетъ права сказать, что онъ чистъ и безгрѣшенъ, что онъ умываетъ руки отъ крови велиго безумія.

Всѣ неправы и всѣ виновны.

Мы остро чувствуемъ нашъ грѣхъ передъ Родиной.

Но мы его чувствуемъ такъ, какъ чувствуютъ дѣти, которыя участвовали въ зломъ дѣлѣ вмѣстѣ со взрослыми и только ждутъ часа когда смогутъ искупить свои ошибки передъ Матерью.

Мы еще почти не жили, мы молоды, но если всмотрѣться пристальнѣе въ наши лица, то они напомнятъ лица стариковъ, именно, стариковъ въ юности.

Кто-то однимъ жестокимъ росчеркомъ взялъ и вычеркнулъ золотую середину счастливой человѣческой поры — которой ужъ никогда не будетъ больше, а на ея мѣстѣ оставилъ отпечатокъ, который не спрячешь ни подъ какія румяна и бѣлила...

Утрата и гибель Родины, ужасъ горящихъ и разрушаемыхъ городовъ, селъ и деревень, звѣриная междоусобная бойня, разгулъ своеволія, разнузданности, ненависти, и всеотрицанія, въ вихрѣ котораго растаялъ Ликъ Бога, исчезла правда, стерлись грани, отдѣлявшія красоту отъ безобразія, истину отъ лжи; —

Вотъ что написала судьба на нашихъ лицахъ.

Въ душѣ же еще большій хаосъ и противорѣчіе.

Вокругъ насъ ложь и ложь безъ конца. Торгашество, издѣвательство надъ умирающей голодной Родиной, машинный хохотъ Запада, давно потерявшаго душу и совѣсть, и все яростнѣе и яростнѣе удесятиряющаго свою адскую, скорость къ конечному торжеству желѣза и цифръ съ одной стороны, и нестройнаго животнаго рева и гула людского съ Востока, съ родныхъ просторовъ — съ другой,— вотъ тотъ заколдованный кругъ, изъ котораго надо выйти!!!

Изъ насъ жизнь сдѣлала острыя и крѣпкія копья.

Взять и попробовать ихъ сталь въ бою, тянутся тысячи косматыхъ и пахнущихъ кровью рукъ.

И пока наши души не опутала паутина вѣковыхъ ошибокъ, пока мы еще не успѣли въ себя впитать всѣхъ вѣяній, утопій и всей новой лжи, пока мы ясно видимъ, что огромнѣйшія философскія системы, мечтавшія разрѣшить загадку, данную Богомъ отъ начала, нынѣ мечутся безсильныя въ огневомъ вихрѣ дней, когда въ Европѣ, въ шумѣ ея рынковъ и грохотѣ машинъ, умеръ Богъ, когда изъ Россіи гонятъ Бога штыками прочь, мы въ полночь выходимъ на распутье, на безлюдье, и сколько есть у насъ въ груди силъ зовемъ:

Люди, приготовьте пути Господу, ибо Онъ грядетъ.

Не гордитесь ни вашими знаніями, ни вашей силой, ни богатствомъ, все это ничто передъ Нимъ.

Что значите вы со всѣми вашими культурами и гордостью когда гибнетъ шестая часть свѣта?

Мы не боимся, что покажутся вамъ смѣшными наши голоса, насъ не пугаютъ никакіе страхи, намъ нечего больше терять, ибо у насъ потеряно все кромѣ Бога.

И пока сердца для чести живы, пока еще мы горимъ свободою, какъ сказалъ великій пророкъ-поэтъ, мы обязаны во имя Свѣта и Любви посвятить Отчизнѣ не только души прекрасные порывы, но и большее, мы изъ горѣнія и муки должны создать новое Евангеліе, стать Его Апостолами и бороться съ зломъ за торжество Добра.

Россія для насъ не географическое и не политическое понятіе, а Нѣчто Высшее, Духъ Божій, черезъ который должна перевоплотиться Истина Христа.

Христіанство гибнетъ.

Навстрѣчу другъ другу несутся два великіе варварства. Варварство культурное, утонченное и всеотравляющее, опутывающее человѣчество какъ Спрутъ и варварство грубое, злое, мстящее, ордовое, многоголовое многомилліонное.

Между ними щитомъ Христіанство.
Но щитъ выпалъ изъ рукъ...
Богатырь, державшій щитъ умираетъ...
. . . . . .

Сейчасъ мы собираемся въ Славянскую Прагу...

Мы заполнили Чешскіе Университеты.

Насъ тысячи и еще непрерывные волны льются въ землю братскаго народа.

Мы готовимся. Но къ чему?

Не къ тому же только, чтобы получить дипломы, чтобы знать и умѣть сдѣлать то или иное.

Нѣтъ, не въ этомъ вся наша обязанность.

Мы должны перевоспитать себя, создать новую идеологію, новую оцѣнку вещей, найти новые пути къ своему темному, но святому народу.

Если мы не найдемъ Россію, если мы не сольемся съ душой народа, не поймемъ его, какъ не понимали его и раньше, нѣтъ больше въ жизни цѣлей, нѣтъ больше смысла и какъ бы ни былъ великолѣпенъ міръ — мы будемъ одиноки и ненужны.

Мы собираемся со всѣхъ концовъ земного шара.

Намъ знакомы пути и перепутья Европы, Азіатскія безлюдья, африканскія пустыни, знойные пески Египта и множество весей и дорогъ, гдѣ мы разбросали наше русское горе, нашу русскую скорбь...

Мы узнали, что такое культура, въ которой умеръ Духъ Божій.

Мы видѣли людей всѣхъ вѣрованій и расъ.

Мы до сихъ поръ остро чувствуемъ ненависть тѣхъ, кому мы не сдѣлали никакого зла.

И теперь мы не хотимъ ничего кромѣ Родины, Ея воскресенія и выявленія новой силы Великаго Славянства.

Не къ примиренчеству, не къ самобичеванію и покою мы зовемъ, а къ борьбѣ.

Если сложенъ мечъ, пусть мечемъ станетъ слово.

Нашъ призывъ къ вамъ, молодыя чуткія души и сердца, къ вамъ, у кого горятъ искры Божьяго дарованія, въ комъ дремлетъ творческій талантъ, живой, гибкій, многообразный русскій мятущійся духъ! Давайте по крупинкамъ, по каплѣ соберемъ наше СКИТАЛЬЧЕСТВО, освятимъ красотой, опоэшемъ живой, смѣлой, юною мыслью и попытаемся донести его къ Утру Великому.

Дерзайте и не страшитесь, что можетъ-быть во многомъ не совершенны ваши произведенія, не блещутъ богатствомъ афоризмовъ ваши строки, стары формы и образы, оставьте все это алхимикамъ стилей.

Истинное и могучее творчество должно само создать формы, какія подскажетъ духъ, а все великое просто.

Не вѣримъ мы, чтобы такая великая эпоха не выдвинула-бы молодые колоссы, новые голоса и золотыя сердца.

Не бездаренъ же русскій народъ и не погибла же наконецъ его сила.

Пусть это будетъ пробой силъ въ чужбинѣ.

Всѣмъ кто хочетъ и можетъ мы широко открываемъ двери, на какомъ бы концѣ земного шара онъ не находился.

И къ вамъ молодые таланты, Братья Славяне, нашъ горячій призывъ! Волей судебъ мы въ вашихъ братскихъ земляхъ. Это не красивыя слова, это правда, ибо на названіе братское не всякій имѣетъ право.

Идеалъ Всеславянства, Единая СЛАВІЯ, это наша общая святая вѣковая мечта.

Забудемъ прошлое, всѣ недочеты и ошибки и попробуемъ найти общій тонъ и языкъ, онъ есть, надо только хотѣть.

Все наше горе и непониманіе въ томъ, что мы мало знали другъ друга.

Но еще не поздно. У насъ есть одно связующее насъ, это Великое Славянское СТРАДАНІЕ, къ истоку котораго придутъ новые поэты, пророки и мыслители.

Людямъ надо вернуть Бога, надо оправдать все зло сдѣланное вѣками и начать новую жизнь.

Такъ должно быть.

В. Ильинскій.

Прага 1922 г.

Изъ неизд. книги „ВѢНЕЦЪ СКОРБИ“

I

ВЕРНУТЬ

Вернуть, связать, что было прежде
Въ одну таинственную суть.
Ея порывъ, размахъ къ надеждѣ,
Вернуть, вернуть!
Не надо мщенія и жалобъ,
Любовью только дышетъ грудь
И одного душа желала бъ —
Вернуть, вернуть!
Вернуть разбѣгъ дорогъ родимыхъ,
Отгулье въ горахъ и лѣсахъ,
Колоколовъ непобѣдимыхъ
Хвалу о Богѣ въ вечерахъ.
Вернуть мужичію отсталость
И тишь запаханныхъ полей,
Вернуть юродивую жалость,
Глубинность Матери моей.
Вернуть, вернуть пока не поздно,
Пока замедлѣли Часы,
Пока разбой рукою грозной
Не бросилъ душу на Вѣсы!
Кто можетъ пойте, плачьте, вѣрьте...
Я всѣмъ кричу въ ночную жуть:
„Грядетъ Онъ, Судный День! Отъ смерти
Вернутъ мнѣ Родину, вернуть.“

II.

ЧЕШСКОМУ НАРОДНОМУ ГЕНІЮ ПОСВЯЩАЮ.

Цѣною рабства и лишеній
И униженій многихъ лѣтъ,
Купилъ свободу Чешскій Геній
И красоту своихъ побѣдъ...
И обрѣченный ужъ на гибель
И вымираніе Народъ,
Однимъ ударомъ рушилъ глыбы
И гордо двинулся впередъ.
Страданьемъ спаянъ воедино,
Раскинулъ въ краѣ шелкъ знаменъ,
И льется пѣсня Славянина —
Мечта прадѣдовскихъ временъ.
Забылись тягостные годы,
Но храмы знаній и труда,
У васъ, свободнаго Народа,
Остались ваши навсегда.
А мы? Насъ Дьяволъ ненарокомъ
Взмутилъ, поднявъ стихію бурь
Черня воинственнымъ Востокомъ
Руси славянскую лазурь.
Нашъ геній, творчество и славу
И нашу русскую красу,
Отняли нынѣ на забавы
Убійцы темные въ лѣсу.
Но вѣрю я, гдѣ есть Славяне—
Тамъ наша гордость мощь и щитъ,
Тамъ какъ прибой на океанѣ
Идея братская звучитъ.
И близки дни. Я вижу тропы
И новый бѣгъ большихъ дорогъ,
Куда по пажитямъ Европы
Прощать пойдетъ Великій Богъ.

Прага 1922г.

III.

ЧЕТЫРЕ СФИНКСА.

Есть въ Азіи мрачной, въ безмолвной пустынѣ
Четыре зловѣщіе СФИНКСА. Глядятъ
Упорно зорко на Западъ и стынетъ
На вѣкахъ у ВРЕМЕНИ взглядъ.
Не разъ подходили, шумя, караваны
Всѣхъ націй, нарѣчій и расъ и племенъ...
Но грозно молчатъ роковые ТИТАНЫ
У черныхъ распутій временъ.
Но люди, какъ звѣри, пьяны и жестоки,
Рубили подножья, копали и жгли,
Пытаясь алмазное сердце Востока
Достать изъ хранилищъ земли.
И падали царства и рушились троны
И книги судебъ раскрывалися въ Синь,
Лишь СФИНКСЫ, извѣчнымъ покорны законамъ,
Лелѣяли тайну пустынь.
И разъ лишь въ столѣтья свершалося чудо,
Вдругъ лапы вздымались, въ пространство грозя,
И чуяли въ мірѣ избранники люди,
Что Правды начнется стезя.
И въ часъ тотъ чудесный въ жемчужныхъ зарницахъ
Самъ Зодчій Вселенной, ликующій БОГЪ,
Въ одеждѣ пророка спѣшилъ преклониться,
Великій, у царственныхъ ногъ...
Есть въ мірѣ легенда, кто создалъ безвѣстно,
Что близится время и сбудется въ срокъ:
Надъ пропастью Запада душной и тѣсной
Четыре поднимутъ Востокъ.

Прага 1922 г.

IV.

Только тѣмъ я пѣснь пою,
Кто рожденъ въ огнѣ и бурѣ,
Имъ дарю тоску свою
Торжествующей лазури.
Вѣрю я, что голосъ мой
Всколыхнетъ сердца людскія,
Какъ раскатно-вѣчевой
Древній колоколъ Россіи.
Сильныхъ духомъ я люблю,
Гордыхъ Правдой возношу я,
Съ непокорными скорблю,
Съ непреклонными иду я.
Я мечтой соединилъ
Бѣгъ вѣковъ въ пути пространства
Я предвѣстникъ горнихъ СИЛЪ
Знойной миссіи Славянства!

Прага 1922 г.

V.

МОЙ ПУТЬ.

Равно пріемлю жало критикъ, —
Ничтожный шумъ земныхъ похвалъ,
Мой звучный ключъ отъ Бога вытекъ
И Богъ мнѣ гнѣвъ правдивый далъ.
Одинъ и первый вышелъ полночью
На роковой тупикъ дорогъ,
И свѣточъ Истины надсолнечной
Во мглѣ безвременья зажегъ.
И пусть кругомъ шумитъ развѣнчивая
Всеотрицающая чернь,
Я буду звать васъ неизмѣнчивѣе
Въ иной живой и свѣтлый День.
Мой крикъ — вашъ крикъ и онъ единственный
Незримый Гость кровавыхъ Чашъ.
Я вышелъ къ вамъ въ разбѣгъ таинственный,
Но плоть отъ плоти весь я вашъ.

Василій Ильинскій.

Прага 1922г.

ТАКЪ БУДЕТЪ.

ЗАПАДЪ И ВОСТОКЪ.

Два міра, чуждые другъ другу,
Какъ жизни смерть, какъ ледъ огню,
Идутъ къ очерченному кругу,
Въ свою закованы броню.
Одинъ, увѣшанный гербами,
Рѣзвя послушнаго коня,
Обвѣянъ сказками и снами
И славы яркими цвѣтами,
Сверкаетъ сталью въ блескѣ дня.
Другой въ невиданныхъ доспѣхахъ,
Съ скуластымъ каменнымъ лицомъ,
Досель на рыцарскихъ потѣхахъ
Герольдамъ вовсе не знакомъ.
Идутъ два міра въ бой смертельный,
Сразится съ витяземъ упырь...
Кто побѣдитъ: желѣзно-цѣльный
Могучій рыцарь или дикій
И въ первобытности великій
Монголо-скиѳскій богатырь?

Богодаръ Туркестанцевъ.

XI-1922 г.

СОНЕТЫ

I.

Н. Д. Сургучеву.

Предгорье, выбитое стадомъ, какъ душа,
Крымъ, розоватый ноготь сѣвера и скалы
Миндальныхъ облаковъ и васъ, круша,
Пройдутъ души тупѣющей вандалы...

Притушитъ море зорный отблескъ алый,
Небражной пѣной старчески шурша,
И трауръ дней заливы Сиваша
По лѣту отстоятъ въ соленые кристалы...

И хочется за море, за стада,
За кипарисовъ строгое качанье,
За завязь винограда разъ и навсегда

Умѣлой пулей убѣдить сознанье,
Что всѣ равны въ лазуряхъ міроздапья
Погоды родины, годины и года...

II.

Меня преслѣдуютъ воспоминанья. Сворой
Тяжелыхъ призраковъ дыханье застятъ, льнутъ,
Ведутъ по комнатамъ, гдѣ маятникъ, нескоро,
Киваетъ головой пережитыхъ минутъ.

Я, какъ бѣглецъ, ушедшій отъ дозора
Оглядываюсь, а мечты все жнутъ, все жнутъ
Снопъ за снопомъ колосья юныхъ путъ
Золотоглавыхъ нивъ воснѣвнаго узора!

Прорѣжется разсвѣтъ. Я вскинусь ото сна
Тащу кули отъ пристани. Что осень? Что весна?
Не золото, а зной на сердцѣ заскорузломъ.

И только утро, прояснившимся умомъ
Слѣдитъ, какъ прячутся терзавшіе шакалы за холмомъ
Далекой, пережитой, позабытой Тузлы.

Евгеній Недзельскій.

НА ЛОБНОМЪ МѢСТѢ.

Истерзанъ ликъ Руси, вѣками нерушимый.
Голгофы маревомъ окутанъ шаръ земной.
Распятой жертвы крестъ, мучителямъ незримый,
Маячитъ въ небесахъ багровой пеленой...

А на крестѣ виситъ, среди людскихъ отребій,
Всемірнымъ терніемъ вѣнчанная Любовь,
И распинатели о ризахъ мечутъ жребій,
Смакуя въ лоскутахъ запекшуюся кровь...

За счастье всѣхъ людей, за благо всѣхъ народовъ,
Святая Русь себя въ закланье обрекла,
Среди торгашества безчинствующихъ сбродовъ
Всечеловѣчества огниво сберегла...

Пусть слишкомъ тяжела Голгоѳы злая страда,
Мученіями Русь искупитъ міра грѣхъ,
И въ воскресеніи ея сыновъ отрада,
И Пасха русская — та будетъ Пасхой всѣхъ!

Развалитъ тѣсный гробъ побѣдная стихія,
Съ глаголомъ мира всѣмъ въ безтрепетныхъ устахъ
Возстанетъ въ третій день Славянская Россія
Съ вселенской правдою въ блистающихъ очахъ.

И вновь сомкнутся съ ней Славянъ родные братья,
На тризнѣ заключивъ свободный свой союзъ,
И новый ладъ внеся въ пожарище распятья
Любовныхъ и во-вѣкъ нерасторжимыхъ узъ...

И будетъ ихъ союзъ — прообразъ міру мира
И равновѣсія земныхъ племенъ залогъ,
Свободы, равенства — безъ всякаго кумира,
И Братства всѣхъ людей незыблемый чертогъ.

И въ немъ подымется все выше Мысль людская
На Человѣчности послѣднюю ступень,
Откуда заблеститъ заря десницы рая,
За нею всеблаженствъ желанный, вѣчный День...

Дмитрій Вергунъ.

Искуситель.

Очеркъ.

Теплый лѣтній вечеръ. Легкій вѣтерокъ, лаская поверхность воды, нагоняетъ мелкую рябь и шелестить листвою, склонившейся надъ водой. Тихо кругомъ, лишь кузнечики въ травѣ нарушаютъ спокойствіе уходящаго дня.

На берегу, въ тѣни развѣсистой старой вербы, сидятъ двое удильщиковъ. Они впились глазами въ застывшіе на водѣ поплавки и ждутъ клева. Но его нѣтъ.

Одинъ изъ удильщиковъ — студентъ Перепелкинъ—угрюмо молчитъ, а другой дьяконъ изъ сосѣдняго села, склонивъ голову, тихо подпѣваетъ;

У зори, у зореньки много ясныхъ звѣздъ,
А у темной ноченьки имъ и счета нѣтъ...

Бархатистые, мягкіе звуки широкой волной плывутъ въ спокойной тишинѣ и заполняютъ засыпающіе берега.

Перепелкина пѣніе раздражаетъ. Онъ бросаетъ сердитые взгляды въ сторону дьякона и бурчитъ:

— Всю рыбу разогналъ... Сидѣлъ бы лучше дома и басилъ...

А басъ, точно нарочно, ширился и ласково заполнялъ тишину, мѣшаясь съ шорохомъ листвы и пѣніемъ кузнечиковъ.

Звѣзды мои, звѣздочки;
Полно вамъ блистать,
Полно вамъ прошедшее
Мнѣ напоминать.

— Напоминать... — сердито повторяетъ Перепелкинъ и звѣремъ смотритъ на увлекающагося пѣвца.

И неожиданно замолчалъ басъ.

— Не клюетъ Михалычъ, совсѣмъ нѣтъ клева, а? — обращается онъ виновато къ Перепелкину.

Перепелкинъ молчитъ.

Жара еще не свалила, вотъ и клева нѣтъ... А мѣсто здѣсь рыбное, ай-ай рыбное... Третьяго дня окуней я здѣсь ловко таскалъ... Михалычъ, Михалычъ, можетъ покупаемся?!...

— У меня клюетъ... — бурчитъ Перепелкинъ.

— Клюетъ?!.. Рази это клюетъ, ежели поплавокъ мертвымъ лежитъ... Вотъ если забрасывать не будешь успѣвать — другая статья... давай-ка раздѣваться, а тамъ видно будетъ... Да!.. Въ семинаріи у насъ эту пѣсню любили, хоромъ пѣли, а хоръ былъ славный... давно это было, давно... Молодое растетъ, а старое старится, Михалычъ...

Непонятная нотка грусти дьякона захватила Перепелкина и захотѣлось ему сказать что-нибудь ласковое, пріятное... Захотѣлось искупить свою прошлую злобу.

Голосъ у васъ хорошій, отецъ дьяконъ, густой, сочный и пріятный... Вамъ бы артистомъ быть, въ оперѣ пѣть...

— Сказалъ?!.. Нашъ весь родъ по духовной шелъ, а ты— артистомъ, въ оперѣ пѣть...

— Представьте себѣ, отецъ дьяконъ, громадный залъ, залитый свѣтомъ электричества... Народу тьма-тьмущая, всѣ ждутъ начала оперы... Оркестръ ждетъ дирижера... Вышелъ онъ, взмахнулъ палочкой-чародѣйкой, смолкла публика и грянули звуки... Взвился занавѣсъ и вы въ блестящемъ костюмѣ, красавецъ, начинаете пѣть свою арію... — торжественно и съ воодушевленіемъ говоритъ Перепелкинъ.

— А ну тебя, Михалычъ, съ разсказами... Давай раздѣваться, покупаемся, а тамъ и клевъ будетъ... — перебиваетъ дьяконъ, снимая подрясникъ.

— Постойте, постойте, отецъ дьяконъ... Замеръ весь залъ, муха пролетитъ — слышно будетъ... Въ тишинѣ рыдаютъ и плачутъ скрипки, а вы, вы, отецъ дьяконъ чаруете... Сначала вы своими низами захватили публику и держите все вниманіе на себѣ... Оркестръ усиливаетъ свою мощь, а вы не поддаетесь и повышаете голосъ, а потомъ... Потомъ взяли сколько могли воздуху, вздохнули и дали, всю полноту...

— Далъ бы, вѣрное слово далъ... — вырывается у дьякона.

— Наступаетъ самый важный моментъ... Наступаетъ борьба... Оркестръ старается задавитъ вашъ голосъ, а онъ поднимается все выше и выше... Не выдержалъ оркестръ и вы побѣдили... Браво, браво... Бисъ, бисъ... ревѣла бы толпа... Вы были бы герой, чародѣй...

— Былъ бы, вѣрное слово былъ, — срывается у дьякона, но смутившись, онъ быстро сердито бурчитъ:

— Прадѣдъ былъ у меня протоіерей, дѣдъ протоіерей, отецъ іереемъ умеръ, а я вотъ въ санѣ діакона состою... Вся моя карьера въ большомъ городѣ... Попалъ бы въ городъ и дѣло въ шляпѣ, да!.. Не вамъ, молодой человѣкъ, меня уму разуму учить, не вамъ мое назначеніе опредѣлять...

— Ну и что же?!.. Были бы вы соборнымъ протодіякономъ и все... Особенной карьеры я не вижу, а вотъ артистомъ быть

съ вашимъ голосомъ, такъ это я понимаю... Сначало въ провинціи, а потомъ въ столицѣ...

— Столичнымъ протодіакономъ могу быть...

— Важность какая?!.. Артистомъ —это я понимаю, а то... протодіакономъ... — тянетъ Перепелкинъ.

— Что-о?.. Ты, мальчишка, санъ мой оскорбляешь, ты уваженія не чувствуешь, много понимать сталъ, студенческую фуражку надѣлъ, неподобные слова говорить можешь, я тебѣ покажу, я покажу...

— Отецъ діаконъ, отецъ діаконъ... — бормочитъ смущенный Перепелкинъ, — успокойтесь, отецъ діаконъ, я пошутилъ; честное слово пошутилъ...

— Пошутилъ?!.. — ревѣлъ діаконъ, — надъ моимъ саномъ шутить вздумалъ, діавола искусителя въ своемъ сердце носишь, праведныя души искушаешь... Вонъ!.. Вонъ отсюда съ берега, чтобы глаза мои не видѣли тебя... Вонъ!..

Ошеломленный Перепелкинъ торопливо собираетъ удочки и спѣшитъ оставить разбушевавшагося діакона.

— Странный, совсѣмъ странный человѣкъ и опасный, — рѣшаетъ онъ поднимаясь къ поселку.

А густой басъ звучалъ рѣзко въ тишинѣ вечера.

— Не потерплю искушеній... Изгоню...

Ал. Гришинъ.

Три конуса.

(НОВЕЛЛА)

Еще мальчикомъ любилъ я, ранней весной, когда голубая даль волнуется и неудержимо тянетъ къ себѣ, уходить въ поле, падать въ молодую траву и подолгу смотрѣть въ небо.

Барашки облаковъ, сверкающіе серебромъ, плывутъ веселой семьей, то распускаясь, какъ снѣжные цвѣты, то собираясь клубами и уходя другъ отъ друга...

Въ одинъ изъ свѣтлыхъ дней зашелъ я такъ далеко, что мой домъ уже казался маленькимъ, словно игрушечнымъ. Чуть замѣтно сверкали его окна.

А когда я погрузился въ цвѣтущую волну ржи и вовсе потерялъ изъ виду накатанную дорогу, рой мыслей и образовъ окружилъ меня и я не помню, какъ заснулъ...

И вотъ... Мнѣ кажется, какъ будто я, уже взрослый, глубокой ночью, стою одѣтый въ рубище, посреди шумнаго города. Высятся дома, объятые величіемъ. Они не похожи на тѣ, которые я видѣлъ въ нашемъ городѣ. Отъ нихъ вѣетъ какой-то древней, накопленной вѣками силой, а пятнистая мостовая, сложенная изъ разныхъ камней, неровно озарена ихъ окнами.

Я стою передъ ярко начищенной витриной и вижу три конуса, насыпанные изъ табаку, чаю и кофе. Въ глубинѣ, на нѣкоторомъ возвышеніи, сидитъ съ подобранными подъ себя ногами и завернутый въ чалму человѣкъ. Я не улавливаю его чернаго лица, а только чувствую, что оно красиво, и вижу глаза, обращенные въ мою сторону. Онъ смотритъ мнѣ въ душу.

Сильнѣе... Огненнѣй его взглядъ... Мнѣ жарко... Жилы точно наливаются расплавленнымъ металломъ, а отъ тѣла сразу протянулись къ нему нити... Все туже и туже стискивается ими мое сердце... Черный, какъ бы желѣзный, взглядъ впивается въ мой...

Хочу крикнуть, и не могу...

И вдругъ чувствую нѣчто странное... и уже не онъ, а я самъ... черный и закутанный въ чалму смотрю на улицу и вижу мое трепещущее лицо...

Я проснулся...

Крикъ, пугая меня самого, летѣлъ вослѣдъ, а я, не видя дороги, бѣжалъ...

„Что ты?.. Что ты?.. Дѣтка!..“ — крестилась мать, слушая мой перемежающійся слезами, разсказъ...

„Это — онъ... опять онъ!.. и ея послѣднія слова нагнали на меня такой ужасъ, что я не могъ ни спать, ни ѣсть... Я долго и тяжко болѣлъ...

Прошли годы, я забылъ объ этомъ.

Потомъ умерла мать. Я такъ и не спросилъ, что значили ея слова...

Волна революціи выбросила меня заграницу и я попалъ вмѣстѣ съ другими въ Египетъ.

Его ласкающія ночи, полныя луннаго свѣта, такого яркаго, какъ нигдѣ, журчащіе каналы и уходящая въ даль пустыня, въ которой одинокія пальмы кажутся гигантами, очаровали мою тонко настроенную душу.

Я бродилъ вокругъ колючей изгороди Тель-эль-Кебирскаго лагеря, зачастую, до самаго утра...

Въ ночь, когда царила полная луна, я ушелъ...

И когда взошло, какъ огненная роза, солнце, я увидѣлъ, что я уже далеко, одинъ среди тишины, среди охватывающей душу тишины.

На горизонтѣ плыли, не касаясь земли, оазисы, цѣлыя моморя влаги, плещущейся у ихъ подножія... Быть можетъ, эти зеленыя пальмы были въ сотняхъ километровъ отъ меня...

Я шелъ, не чувствуя ни голода, ни жажды.

Къ вечеру выросъ сразу, какъ изъ пропасти, городъ.

И пока я подходилъ къ нему, его огни зажглись, прорѣзая мракъ опустившейся ночи.

Улицы, улички и переулки, спутанныя и узкія, завели меня въ глубь базара, гдѣ грудами лежали бананы и кокосы.

Людей почти не было. Я шелъ, самъ не зная, куда приду.

И вдругъ, за угломъ я увидѣлъ... Увидѣлъ высокіе дома, пятнистую мостовую и яркую витрину...

Три конуса изъ чая, кофе и табаку и сидящаго за ними нубійца...

Это было „его“ лицо!..

Я сразу вспомнилъ мой сонъ и, точно окаменѣвъ, смотрѣлъ, какъ онъ поворачивалъ голову въ мою сторону...

Онъ низалъ меня сверкающимъ взглядомъ. Меня манили эти глаза...

Я открылъ двери...

И онъ не удивился, сдѣлалъ знакъ и, поднявшись, пошелъ къ выходу...

Я плелся вослѣдъ, путаясь въ своихъ ногахъ...

Мысли оставили меня...

Я проходилъ въ двери домовъ, видѣлъ комнаты, убранныя коврами и уставленныя дорогой утварью...

Потомъ раскрылась послѣдняя дверь и ко мнѣ вышла женщина.

Она была такъ прекрасна... такъ прекрасна...

Ея горячія руки обвились вокругъ моей шеи и я слышалъ стукъ ея сердца, порывистый и огненный...

Ночь прошла, какъ сонъ...

Дни рождались и умирали, какъ тѣни розовыхъ фонарей, какъ лепестки деревьевъ, никогда не перестающихъ цвѣсти...

Когда я научился говорить на ихъ языкѣ, ко мнѣ зашелъ ея отецъ и сказалъ:

—„Ты вкусилъ блаженства...

Я звалъ еще твою мать, но она не пришла... Теперь ты, ея сынъ здѣсь и моя дочь связана съ тобой. Велѣніе судьбы исполнено... Сынъ, котораго она родитъ, будетъ Великимъ...

...Хочешь — останься!..“

И немного помолчавъ, продолжилъ:

—„Мои богатства — твои. Я достану тебѣ лучшихъ скакуновъ!.. Въ мірѣ нѣтъ такихъ коней! За ними отовсюду пріѣзжаютъ, но никто ихъ не имѣетъ...

Ты будешь знатенъ!..

Предъ тобою раскроются тайны... По твоему велѣнію выростутъ цвѣты и краски неба будутъ твоими! Ты будешь играть въ морѣ звуковъ!..“

...Я остался...

Проходили дни, какъ улетающія пѣсни. Хмѣль все больше охватывалъ меня.

И не разъ, прикасаясь къ трепетной груди моей Азизе, я снова переживалъ все, что привело меня сюда.

И ея руки, зовущія, какъ стебли лотоса, я покрывалъ поцѣлуями и сплеталъ съ ихъ черной красотой мою жизнь...

Но незамѣтный ядъ впился уже въ мою душу. Тоска по волѣ и по-чему-то, чего я еще не видѣлъ, съ каждымъ днемъ по каплѣ, какъ влага въ чашѣ, собиралась въ ней. И когда ея наростающій зовъ коснулся моего сердца, когда я весь наполнился ею...

Я поцѣловалъ мою возлюбленную и, какъ будто кѣмъ то ведомый, оставилъ ея роскошныя хоромы...

Пропали за песчанымъ холмомъ пальмы города, а я, такой же нищій и такой же неудовлетворенный, уходилъ все дальше и дальше...

Ночами шелъ, а днемъ спалъ въ пальмовыхъ рощахъ или подъ обрывами овраговъ.

Въ Александріи, когда отходилъ пароходъ, въ толпѣ собравшейся на берегу, я вдругъ увидѣлъ ея лицо...

Но я напрегъ всѣ свои силы и отвернулся въ сторону

И только крикъ, полный боли, заставилъ, какъ въ пыткѣ, вздрогнуть мое сердце.

—„Вернись!..“ — донесло вѣтромъ.

Берегъ сталъ меньше, меньше, и наконецъ, растаялъ.

И теперь я брожу по гулкимъ городамъ Европы и думаю:

—„Какъ это было?..“

ДИКІЯ РОЗЫ.

Не вамъ расточающимъ Душу Народа,
Не вамъ, бичующимъ Ее ...

Россія, сосудъ Божій,
Подъ сѣнью Твоихъ ракитъ,
Въ глубинѣ Твоихъ бездорожій
Твой Нерушимый Скитъ.
И въ тайнѣ Твоихъ рожденій
И въ милліонахъ смертей,
Встаетъ огнеокій геній
У начала иныхъ путей.
Прими мои дикія розы,
Онѣ — мой юный даръ
Тебѣ, проливающей слезы,
Тебѣ, пріявшей пожаръ!..

Юрій Миролюбовъ.

Въ Золотой Прагѣ. Февраль 1922 г.

Случайно

Почти каждое утро, просыпаясь, Вѣра Павловна Строева слышала тревожные гудки завода. Сѣрая заводская стѣна начилась недалеко отъ студенческаго общежитія и уже съ шести часовъ утра мелькали мимо оконъ вооруженныя группы рабочихъ.

Вѣра Павловна привыкла къ этому. Она готовилась къ экзаменамъ, много занималась и кромѣ того, какъ медичка, практиковала въ больницѣ. Часто не оставалось времени для сна и усталый мозгъ не реагировалъ на окружающее.

Привыкла она и къ краснымъ флагамъ, и къ митингамъ, и къ перестрѣлкамъ на улицахъ, и къ броневымъ автомобилямъ, разъѣзжающимъ по городу. Выходя на работу, она постоянно спѣшила и боялась, чтобы какая-нибудь „непріятность“ не задержала ее по дорогѣ. Столько разъ, перепуганная выстрѣлами публика, разбѣгалась на ея глазахъ по домамъ или возвращалась съ полъ-пути по неожиданному приказанію „начальства“. Красный крестъ сестры хранилъ её до сихъ поръ и открывалъ дорогу черезъ самые усиленные потрули. Она смѣло шла мимо угрюмыхъ часовыхъ и столпившихся рабочихъ, часто подъ трескъ пулемета, заведеннаго гдѣ-нибудь въ переулкѣ. — Единственной радостью и отдыхомъ Строевой были студенческія вечеринки. Всѣ собирались тогда въ одной комнатѣ и въ дружной бесѣдѣ старались позабыть хоть на время кровавый кошмаръ за окномъ. Выпивалось неимовѣрное количество чая, выкуривалась масса папиросъ и молодежь расходилась далеко за полночь. Чаще всего собирались у Алеши Кутанина. Кутанинъ былъ жизнерадостный, краснощекій правникъ, единственный сынъ богатаго помѣщика. Два-три раза въ недѣлю у дверей интерната останавливалась его запылённая бричка, и добродушный старичокъ съ помощью студентовъ выгружалъ въ комнатѣ своего Алёшеньки всевозможные ящички и кулёчки: были тутъ домашнія колбасы, сахаръ съ чаемъ и бѣлый хлѣбъ, нигдѣ въ иномъ мѣстѣ невиданный. Въ тотъ же вечеръ начинался „Лукулловскій“ пиръ. Само собой разумѣется, что каждый изъ обитателей интерната получалъ отъ Алёши приглашеніе.

И сегодня, разбуженная по обыкновенію противнымъ гуд-

комъ завода и торопясь въ больницу, Строева неожиданно столкнулась въ корридорѣ съ Алешей: „А я къ Вамъ, Вѣрочка, боялся, что уже не застану... приглашаю Васъ вечеромъ... получилъ отъ папаши письмо!“ Юноша весело помахалъ конвертомъ и уже собирался исчезнуть, когда неожиданно вспомнилъ: „я буду цѣлый день въ бѣгахъ, голубочка... сзываю голодающихъ коллегъ... и потомъ экзамены... такъ ужъ вы того... помогите, Вѣра Павловна... приготовьте тамъ все... если немного запоздаю — начните сами“. Онъ стиснулъ ей руку, улыбнулся и исчезъ въ дверяхъ. Больница была далеко и на обратномъ пути Строева запоздала. Уже въ передней услышала она изъ комнаты Алеши радостный гулъ голосовъ. Маленькій, весь запыхавшійся старичокъ — отецъ Алеши, усиленно помогалъ молодежи распаковывать свертки. Лишнюю мебель вынесли въ корридоръ, и на трехъ составленныхъ вмѣстѣ столикахъ красовалось угощеніе: на переднемъ планѣ лежала нарѣзанная колбаса и огромный каравай домашняго хлѣба. Рядомъ на разнокалиберныхъ тарелочкахъ аппетитно выглядывали сыръ, масло и огромные „собственные“ яблоки; на отдѣльномъ столикѣ въ углу и какъ вѣнецъ всего стояли пузатыя бутылки съ вишневкой и лежали грудой папиросы. Нашелся къ радости студентовъ и сахаръ. Стулья были разставлены, и гости уже сходились, когда вошла Вѣра Павловна: „Кутанина еще нѣтъ?“ спросила она, здороваясь съ коллегами.

„Алешенька на экзаменѣ... скоро вернется!“ любезно отвѣтилъ ей старый Кутанинъ. „Homo sum und nihil humanum me alienum puto!“ богатырскимъ басомъ прогудѣлъ медикъ Рогожинъ, внимательно разглядывая противъ свѣта бутылку съ вишневкой. „Вся остановка за Алешей!“ звонко пропищала молоденькая курсистка, почти еще дѣвочка, и почему-то захлопала въ ладоши. „Начнемъ и безъ него!“ рѣшили студенты: „Алеша парень добрый и не обидится“. Толстая интернатская служанка внесла самоваръ и пиршество началось. Съ каждой минутой въ маленькой комнаткѣ становилось многолюднѣе, такъ какъ гостей прибывало. Большинство, какъ и Алеша, были правники — его коллеги. Но виднѣлись и блестящіе эполеты технологовъ, и черныя тужурки ветеринаровъ, и синія отложки филологовъ — неисправимыхъ спорщиковъ и идеалистовъ. „Благораствореніе воздуховъ и изобиліе плодовъ земныхъ“ говорили они входя, и съ восхищеніемъ разглядывали столы.

— „Оглашенные изыдите!“ привѣтствовалъ ихъ мрачный Рогожинъ, „ненавидящій идеалистовъ“. На всѣ ихъ пылкія „филологическія“ рѣчи онъ только презрительно усмѣхался изъ своего угла. „Убѣжденный медикъ и скептикъ“ Рогожинъ „физически не переваривалъ фантазіи“.

„Совершенствованіе... правда... прогрессъ... смыслъ жизни!“ ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, не отрывая взора отъ вишневки,

„здоровая печень да крѣпкій желудокъ — вотъ тебѣ и весь смыслъ съ его правдой!“ Курсистки смѣялись, слушая его воркотню. Силачъ-медикъ привлекалъ ихъ не одной своей внѣшностью русскаго красавца: на цѣлый университетъ славился Рогожинъ, какъ добрый товарищъ и самоотверженный будущій докторъ. Онъ былъ первымъ на всѣхъ эпидеміяхъ, работалъ дни и ночи, и теперь еще отъ его платья сильно пахло карболкой. Рогожинъ былъ любимымъ товарищемъ Алеши и теперь, не видя своего молодого друга, начиналъ скучать: „Ко всѣмъ чертямъ, куда же онъ застрялъ?“ Неожиданно заглушилъ его басъ всѣ остальные голоса: „Не могъ же онъ до десяти часовъ экзаменоваться!“ — „Нашъ „капиталистъ“ запоздалъ и если черезъ часъ не явится, мы реквизируемъ въ свои желудки все его имущество“, шутили „интеллигентные пролетаріи“. Всѣ собравшіеся студенты были по преимуществу бѣднота, принужденные сами зарабатывать себѣ на хлѣбъ; многіе мѣсяцами питались однимъ чаемъ, нѣкоторые и на вечеринку пришли безъ тужурокъ въ ситцевыхъ русскихъ рубашкахъ; одинъ не имѣлъ обуви и явился въ резиновыхъ калошахъ; были и такіе, которые не постѣснялись набросить на свои плечи дамскіе шали. „Интеллигентные пролетаріи“ не напрасно носили свое имя. — „Я пойду Алешѣ навстрѣчу!“ вызвался до сихъ поръ молчавшій старикъ Кутанинъ. Въ голосѣ его слышалась тревога. Студенты смѣялись: „Не бойтесь — вернется Алеша, мало-ли что задержало его на дорогѣ!“ Прерванное на минуту веселье возобновилось. Всѣ собрались въ кружокъ и запѣли хоромъ.

Кто-то открылъ окно, влажный осенній воздухъ вмѣстѣ съ голосами запоздавшихъ пѣшеходовъ ворвался въ комнату и заколебалъ пламенемъ свѣчи.

Быстры какъ волны
Дни нашей жизни,
Что часъ, то короче
Къ могилѣ нашъ путь!“

Мелодичные голоса дѣвушекъ сливались съ мягкими тенорами студентовъ, а прекрасный бархатный басъ Рогожина, казалось, кого-то тоскливо и настойчиво спрашивалъ:

„Кто знаетъ, что съ нами
Случится впереди?“
„Посуди, посуди, что случится впереди.“

Торопливо подхватывалъ хоръ, и грустная красивая студенческая пѣсня звенѣла дальше. Словно зачарованная звуками, Строева неподвижно стояла у окна: „тамъ за этими стѣнами терроръ и революція... обезумѣвшіе люди стрѣляютъ другъ въ друга... льется кровь... цѣлыми днями тревожно гудятъ заводы... а здѣсь въ этой студенческой комнаткѣ такъ тихо и

легко на душѣ; мы собрались сюда послѣ ужасовъ дня, полны молодой радости и вѣры въ жизнь; въ жизнь, которая не насиліемъ, а свѣтомъ знанія и взаимной любовью побѣждаетъ". „Милые коллеги" думала Строева, вглядываясь въ разгоряченныя лица поющихъ: „каждый изъ васъ въ глубинѣ души страдаетъ... и, можетъ-быть, многіе въ эти годы насилія и тьмы обвиняютъ отчасти и себя: „ты былъ одинъ изъ тѣхъ, который зналъ... отчего не указалъ слѣпымъ дорогу, отчего не помогалъ, не открывалъ глаза? Теперь уже поздно... поздно... И что значитъ капля противъ цѣлаго океана?!"

— „О чемъ замечтались, коллега?" нарушилъ ея думы Рогожинъ.

— „Gaudeamus igitur, juvenus dum sumus, матушка... революція къ намъ не придетъ... а если придетъ, мы сумѣемъ выгнать ее въ шею... не будь я Рогожинъ —будущій докторъ медицины!„ — Въ дверь громко постучали.

Студенты еще пѣли, когда на порогѣ ихъ комнаты появился вооруженный ночной патруль въ сопровожденіи комиссара: „здѣсь студенческое общежитіе № 3?" громко спросилъ онъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ:„ мои люди нашли на улицѣ убитаго студента... повидимому случайно... въ карманѣ его были визитная карточка и адресъ... Алексѣй Кутанинъ... знаете такого?"

И среди наступившей гробовой тишины комиссаръ подалъ знакъ и солдаты внесли на носилкахъ тѣло Алеши. Какъ маленькаго ребенка поднялъ его Рогожинъ, благоговѣйно поцѣловалъ и тихо отнесъ на постель.

И только теперь, словно сообразивъ случившееся, богатырь-студентъ навзрыдъ заплакалъ и, прежде, чѣмъ успѣли отгадать его намѣреніе, всей силой схватилъ за плечи комиссара: „Злодѣи, изверги!" изступленно закричалъ онъ, почти подымая тщедушнаго комиссара съ земли: „Будь же проклята ваша революція!"

„Алеша, сыночекъ мой!" отчаяннымъ воплемъ вырвалось изъ груди несчастнаго Кутанина и онъ упалъ на тѣло сына. Разгнѣванный комиссаръ освободился наконецъ изъ желѣзныхъ объятій студента, повелительно обернулся къ патрулю и, указывая имъ на рыдающаго Рогожина, приказалъ: „Арестуйте его! Этотъ человѣкъ осмѣлился поднять руку на представителя власти... Уведите его!" Солдаты звякнули ружьями и стали по бокамъ студента.

— „Но, Боже правый! Онъ же не зналъ, что говорилъ... онъ отъ отчаянія... пощадите!" раздались робкіе, испуганные голоса.

Комиссаръ (это былъ еще почти мальчишка) смѣрилъ студентовъ глазами, дерзко усмѣхнулся и, выходя вслѣдъ за аре-

стованнымъ, добавилъ грубо: „не долго будешь пѣть, голубчикъ... у насъ тебѣ покажутъ революцію!“ . . . . . .

Дверь захлопнулась... хлопнула еще разъ... удаляющіеся шаги затихли... Кто-то уронилъ со стола стаканъ и тотъ со звономъ разбился... кто-то истерически по дѣтски заплакалъ...

А въ углу на постели, слабо озаренный догорающей свѣчкой, лежалъ убитый Алеша съ широко—открытыми удивленными глазами...

Революція заглянула въ окно!

Нина Снѣсарева-Козакова.

Письмо.

РАЗСКАЗЪ.

Если бъ Вы знали, какъ я Вамъ благодаренъ за Вашъ приходъ! Тотъ часъ, который Вы провели въ моей комнаткѣ, всколыхнулъ такъ много стараго, что вотъ уже два дня, какъ я живу воспоминаньями.

Сегодня хмурый сѣрый день, порой брызгаетъ дождь; я сижу у окна и буквально живу былымъ. Отсюда, межъ сосенъ, видно море, острова... море сѣрое, съ бѣлыми барашками. Помните, какъ въ Туапсе изъ моего окна мы смотрѣли на море? Я теперь не могу говорить стихами, но грудь полна чувствъ, хочется молиться... кому, о чемъ, — я не знаю...

Да, я сказалъ Туапсе. Прошло три года, три суровыхъ года гражданской войны, въ которой я горѣлъ безпрерывно, и все же, черезъ всѣ три года, это слово прозвучало лаской и чѣмъ-то мучительно-сладкимъ.

Въ Туапсѣ я познакомился съ Вами, въ Туапсѣ и простился, правда? Прошло три года, только три года! Цѣлыхъ три года, ибо въ нихъ прожито десять, двадцать лѣтъ, а вспоминая наши встрѣчи, я снова чувствую себя молодымъ, безпечнымъ и сильнымъ,

Хотите, я разскажу Вамъ о моей встрѣчѣ съ Вами? Позволите Вы или нѣтъ, я буду говорить! Не знаю, откуда эта болтливость, но, право, не съ кѣмъ говорить, я боюсь, что разучился!

Итакъ (впрочемъ, если не хотите — порвите!), итакъ, былъ розовый, нѣжный апрѣль. Всѣ дорожки въ лѣсу заросли жимолостью, каприфоліей, распускались жасмины... Опираясь на палку, я осторожно шелъ по лѣсу. Сквозь густую зелень деревьевъ свѣтъ яркаго солнца пробивался золотыми столбами, въ которыхъ горѣли мошки и жучки, и весь лѣсъ былъ насыщенъ какимъ-то зеленоватымъ полумракомъ... такъ бываетъ передъ вечеромъ въ монастыряхъ или старыхъ замкахъ. Гдѣ-то въ разщелинѣ, далеко внизу, звонко журчалъ ручей, въ кустахъ пѣли соловьи, — лѣсъ былъ полонъ жизни и радости, зноя, отъ котораго не было жарко.

Вдругъ кто-то запѣлъ... чистый женскій голосъ, мелодія,

простая и красивая (почему-то вспомнилось: жилъ былъ въ Фулѣ король...), звучала совсѣмъ близко, еще нѣсколько шаговъ и я почти сталкиваюсь съ дѣвушкой? съ существомъ?

Я лучше опишу! Длинное, правильное личико съ темными бровями, почти черными глазами и алымъ ртомъ было какъ въ рамкѣ, какъ въ сіяніи цѣлой шапки ярко золотыхъ волосъ, чуть темнѣе спѣлой пшеницы.

Простое бѣлое платье, на босыхъ ножкахъ деревянныя сандаліи... Ей шелъ семнадцатый годъ! Она обѣими руками держала огромный пукъ разноцвѣтной ромашки и, замолчавъ, удивленно смотрѣла на меня. Ингеборгъ!

Вѣроятно я былъ удивленъ больше, чѣмъ она, потому что черезъ секунду она весело улыбнулась, а я, смущенно сторонясь, пробормоталъ:

— Простите, барышня, что я такъ нелѣпо смотрю на Васъ! Но не каждый день въ лѣсу встрѣчаешь Ингеборгъ!

Не переставая улыбаться, она просто сказала:

— Я не понимаю Васъ.

— Ингеборгъ — это дитя лѣса, любимица Бога, радость Міра! Есть такая книга, пояснилъ я, вотъ и Вы какъ она.

— Я тоже знаю, кто Вы! не вытерпѣла она и снова улыбнулась, — Вы — поручикъ Н.

А Вы откуда знаете?

— Мнѣ сестры разсказывали, что въ палатѣ лежитъ офицеръ съ большими глазами, я Васъ сразу узнала...

Я хотѣлъ что-то сказать ,но она привѣтливо кивнула головой и быстро пошла по дорожкѣ.

Черезъ минуту я сидѣлъ одинъ на травѣ и, радостно улыбаясь, вспоминалъ каждый мигъ неожиданной встрѣчи.

Черезъ два дня я ее встрѣтилъ снова, подошелъ, заговорилъ и мы были знакомы. Чуть ли не въ тотъ же день я досталъ ей „Ингеборгъ“, мы вмѣстѣ читали, говорили.

Таня меня спрашивала:

— Развѣ можно любить сразу двухъ? Какъ, любя Акселя, она могла полюбить Карла?

Я что-то говорилъ о любви и привязанности, но больше смотрѣлъ и любовался.

— А можно любя одну, цѣловать другую?

Что отвѣтишь? Но что-то отвѣчалъ.

Какъ-то мы пошли въ лѣсъ. Таня шла по лѣсу какъ дома — она знала каждый камень, перекликалась съ птицами, дразнила ихъ и онѣ отвѣчали ей. Она знала всѣ цвѣты и такъ мѣтко, такъ образно говорила о нихъ:

— Посмотрите, какая злая ромашка! И какой веселый макъ!

И дѣйствительно, казалось, что эта ромашка злая, а изъ всѣхъ маковъ самый веселый именно этотъ!

Отъ сестеръ Таня знала, конечно, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ за мной ухаживала все одна сестра, Елизавета Сергѣевна, что я, если не люблю ее, то сильно привязался къ ней, словомъ, что — мы оба страдаемъ извѣстнаго рода недугомъ, но бережно избѣгала этой темы.

Зато Лиза стала ревновать. Напрасно я доказывалъ, что Таня — рѣдкая картина, восхитительная книга, все было напрасно! Я сталъ рѣже встрѣчаться съ Таней, — Таня грустно говорила, что мнѣ, вѣрно, скучно съ ней...

Я окрѣпъ, подошло время отъѣзда. Меня отправляли на мѣсяцъ въ санаторію, оттуда я думалъ вернуться въ Туапсе, но уѣзжать было больно.

Лиза была грустна и задумчива, а Таня какъ-то сказала:

— Вы уѣдете и я опять останусь одна съ лѣсомъ! Онъ — мой вѣрный другъ.

— Я черезъ мѣсяцъ вернусь! Вы мнѣ будете писать, хорошо?

— Нѣтъ, нѣтъ, мы больше не увидимся!

Подошелъ день отъѣзда. Передъ вечеромъ я заходилъ къ Танѣ, ея не было дома; я оставилъ письмо, просилъ передать привѣтъ и сказалъ, что пароходъ уходитъ въ 9 часовъ утра.

Весь вечеръ я провелъ съ Лизой и поздно, за полночь, пришелъ въ палату, грустный, сосредоточенный. Дежурный санитаръ передаетъ записку.

—„Приходите рано утромъ къ двумъ кипарисамъ у дороги. Таня.“

Я каждое утро гулялъ по дорогѣ въ лѣсъ, это Таня знала и туда-то она и звала меня.

Часовъ въ 7 я подходилъ къ кипарисамъ.

Изъ-за кустовъ вдругъ выскочила съ букетомъ цвѣтовъ Таня и бросилась ко мнѣ, потомъ остановилась и отрывисто заговорила:

— Какъ я рада, что Вы пришли! Я думала, что вы не придете, а Вы пришли... Какъ я рада! Вотъ цвѣты, это Вамъ! Смотрите, какой гіацинтъ!

Мы сѣли на придорожные камни. Разговоръ не вязался; да и что скажешь? Вѣдь, въ сущности, передъ разлукой никогда не знаешь, что будетъ! Вдругъ Таня, видимо волнуясь, сказала:

— У меня есть къ Вамъ огромная просьба, только Вы не подумайте... Обѣщаете исполнить?

— Хорошо, все, что могу, — съ удовольствіемъ!

— Нѣтъ, удовольствіе тутъ... Я прошу Васъ...

Она встала, всталъ и я.

— Я прошу Васъ... на прощанье...

Она страшно волновалась и говорила, глядя въ землю.

— На прощанье... поцѣлуйте меня!

— Такъ вотъ вы какая, Таня? — пытался я, было, пошутить, но, замѣтивъ на ея глазахъ слезы, быстро привлекъ ее къ себѣ и крѣпко-крѣпко поцѣловалъ. Таня будто застыла, потомъ вырвалась и стремглавъ убѣжала въ чащу.

Въ 9 часовъ „Святой Николай“ увезъ меня изъ Туапсе. Прошло недѣли двѣ. Таня мнѣ не писала, а изъ писемъ Лизы я узналъ, что Таня должна уѣхать въ Ростовъ. Я написалъ ей короткое письмо, посылалъ привѣтъ и журилъ, что она мнѣ не пишетъ и вскорѣ получилъ четыре строчки:

„Я уѣзжаю, мы больше не увидимся.
Зачѣмъ Вы меня не поцѣловали на недѣлю
раньше? Я была бы счастлива на годъ, а
теперь цѣлый годъ я буду несчастна!

Таня.“

И вдругъ теперь Вы въ Константинополѣ! Въ ресторанѣ турки и греки смотрятъ на Васъ, на Ваши глаза, волосы и оцѣниваютъ.

Ингеборгъ въ Константинополѣ!

Простите, что я перешелъ на будни. Мы среди нихъ, живемъ и, какъ ни прячься, они вползутъ въ душу и оставятъ мокрый осадокъ!

Если мое письмо Васъ разсердитъ, порвите его и не пишите мнѣ, — я буду знать, что Ингеборгъ осталась тамъ, въ Туапсе, поетъ съ птицами, собираетъ цвѣты и не знала никогда меня.

Сергѣй Савиновъ.

Побѣгъ изъ плѣна генерала Корнилова черезъ Карпаты.

Еще сумерки лежатъ надъ землею и не скоро еще засіяетъ разсвѣтъ, а генералъ Корниловъ уже на ногахъ. Не спится ему въ старомъ, уныломъ замкѣ мадьярскаго графа. Невыносимая тоска гложетъ его сердце. Въ утомительной думѣ текутъ его невольные дни и ночи. Все гуще и гуще морщится его чело и тяжелое горе, повисшее надъ Родиной, тревожитъ его постоянно. Онъ слышитъ зловѣщія вѣсти и предчувствуетъ чуткой душою пучину злодѣяній, въ которую летитъ его дорогое отечество. Наединѣ, гдѣ его не замѣчаютъ, онъ молится могучему Богу русской земли: „Мнѣ не страшна тюрьма, заключившая меня въ неволю. Сердце и душу пополамъ разрывая, меня терзаетъ ужасная дума. Буря клокочетъ надъ русской землею. Зрѣетъ предательство и некому пресѣчь вериги, накинутыя на святую Русь. О, великій Боже, и ты, вѣтеръ родной Сибири, несите меня туда скорѣе...“

* * *

Генералъ Корниловъ изучилъ Карпаты въ совершенствѣ еще до того, какъ приближался къ нимъ со своими вѣрными полками. Въ плѣну онъ познакомился и съ ихъ исторіей. Онъ зналъ, что Днѣстръ съ Быстрицами — русская рѣка, что приросшій къ ногамъ Карпатъ старый Галичъ — одинъ изъ первыхъ русскихъ городовъ, въ которомъ какъ и въ Кіевѣ пѣли баяны о славѣ Владиміра, Ярослава, Осмомысла, Мстислава Удалого и звучали гусли въ честь Романовичей, князей Романа, Даніила, Льва и Юрія. Онъ собственными очами видѣлъ руины замка князя Льва, сохранившіяся какъ доказательство прошедшей независимости и свободы. Роемъ носились надъ нимъ воспоминанія о томъ, какъ онъ, не щадя себя, велъ свое войско, чтобы освободить и разъ навсегда присоединить къ Руси Теребовлю, Богородчаны, Бережаны, Сборовъ, Станиславовъ, Калушъ и престольные Галичъ и Львовъ. Неволя стала ему не подъ силу. Тревожные слухи о переворотѣ на родинѣ рѣшили его судьбу. Будучи человѣкомъ чрезвычайно выдержаннымъ, стойкимъ,

самоотверженнымъ и пренебрегающимъ смертью, онъ рѣшилъ бѣжать — бѣжать во что бы то ни стало.

Въ старой, сѣрой и грязной шинели и помятой шапкѣ австрійскаго солдата очитился генералъ Корниловъ на свободѣ съ вѣрнымъ и преданнымъ ему чехомъ Мрнякомъ. Въ своемъ пути онъ придерживался разной тактики. Сначала онъ шелъ прямо черезъ села и города, зная, что тамъ меньше смотрятъ, чѣмъ въ садахъ и огородахъ. Въ одномъ большомъ городѣ онъ зашелъ даже въ ресторанъ, гдѣ слышалъ о себѣ слѣдующій разговоръ двухъ нѣмцевъ.

— Читалъ ли ты, что генералъ Корниловъ бѣжалъ?—спросилъ первый.

— Да, читалъ — отвѣтилъ второй.

— Эхъ, если бы поймать и десять тысячъ получить! — крикнулъ первый.

— Не плохо бы! — замѣтилъ второй.

— У меня его снимокъ! — добавилъ первый, вынувши изъ кармана газету съ фотографіей генерала Корнилова, котораго въ то время никакъ нельзя было бы узнать по лицу. Онъ изсохъ, очи его глубоко впали въ ямы и жидкая борода росла безъ всякаго порядка. Австрійская шинель сдѣлала его несчастнымъ ландштурмистомъ, которыхъ полно было въ городѣ. Онъ незамѣтно вышелъ и направился въ горы.

* * *

Генералъ Корниловъ уже находился въ Карпатахъ, когда австрійскія и мадьярскія газеты доносили ежедневно, что онъ пойманъ и разстрѣлянъ. Весна была въ расцвѣтѣ. Пріученный суровой долей съ юныхъ лѣтъ, онъ терпѣливо выносилъ голодъ, жажду, холодъ и зной. Въ темнотѣ ночной онъ проходилъ потоки, пробирался черезъ скалы и болота, не зная отдыха. Сквозь листву безбрежнаго бора улыбалось ему ясное лицо неба. Кругомъ была жизнь и цѣлебный ароматъ цвѣтовъ наполнялъ его грудь. Шумѣли вѣтви, какъ волны моря. Быстрый и легкій соколъ, трепеща крылами, несся въ высь подъ голубыя облака. Живо играли ручейки и водопады. Пастушки пѣли заунывныя пѣсни, глядя на стада овецъ, бѣгающихъ по зеленой полонинѣ. Въ этой пѣснѣ такъ и льются тоска и горе, что искони русская земля — Карпаты несутъ подъ чужеплеменнымъ игомъ. Вслушиваясь, генералъ Корниловъ улавливалъ въ ней звуки родимой пѣсни и больно сжималось его сердце. Долго забывала Россія убогаго и замученнаго мадьярами и ляхами Прикарпатскаго горца, ушедшаго въ непроходимые боры и дебри. Тронутый горькою его участью, вольный козакъ клянется, что еще разъ вернется съ желѣзными своими полками въ Карпаты.

Послѣ недѣльнаго путешествія мадьяре поймали и разстрѣляли Мрняка, когда онъ пошелъ въ одну деревушку, чтобы до-

быть хлѣба. Генералъ Корниловъ слышалъ выстрѣлы и понялъ сразу, что больше не увидать ему вѣрнаго друга. Облокотясь на скалу, онъ погрузился въ какое-то тяжелое забвеніе. Сердце билось больно и на лицѣ изобразилась горькая грусть. Онъ вспомнилъ битву на карпатскомъ перевалѣ, гдѣ горсть его вѣрныхъ воиновъ, какъ встарь у Ѳермопилъ спартанцы, удерживали напоръ непріятеля. Вокругъ трупы и онъ раненъ, но не думаетъ сдаваться: „Перемогу себя. Я долженъ собою владѣть, только — не плѣнъ... пусть погибну, все же спасу честь русскаго воина. Достоинство и честь Руси прежде всего!“—сказалъ онъ твердо какъ и тогда, и опять закружились воспоминанія: „эхъ, полки мои стальные, гдѣ вы теперь? Знать, конь мой уже тоскуетъ по мнѣ... Да! надо скорѣе, одинъ шагъ впередъ равенъ сотнѣ верстъ отступленія. Цѣль должна быть достигнута. Впередъ!..“

Въ полузабытьѣ и шумѣ воспоминаній онъ не замѣтилъ, какъ къ нему подошелъ чабанъ (пастухъ). Онъ былъ старъ и сгорбленъ, лицо его было покрыто сѣдыми волосами. Черезъ плечо на овечьей кожѣ, вывернутой вверхъ шерстью, висѣла большая сума, а въ рукѣ торчалъ костыль. Онъ былъ похожъ на кудесника, встрѣтившаго князя Олега. Изъ-подъ соломенной шляпы выпадали длинные сѣдые волосы. Не мало удивился Корниловъ, увидѣвъ его передъ собою.

* * *

— А ты кто такой будешь? — ровнымъ голосомъ спросилъ чабанъ зашедшаго въ горы незнакомца.

— „Я русскій военноплѣнный. Бѣгу въ родной край“ — былъ отвѣтъ. Лицо чабана приняло сразу озабоченный видъ. Внезапный отвѣтъ, произнесенный рѣшительнымъ голосомъ, привелъ его въ изумленіе. Опытный полководецъ имѣлъ возможность изучить души людей и онъ былъ убѣжденъ, что съ простымъ человѣкомъ можно говорить откровенно.

— „Коли ты русскій и бѣжишь изъ неволи въ родной край, такъ будь у насъ гостемъ. Не бойся ничего. Сюда жандармы не заходятъ, а если даже пришли бы, то вокругъ насъ есть пещеры. Ступай за мною, отдохнешь въ колыбѣ. Вижу по лицу, что ты замучился порядочно“, — тихо сказалъ чабанъ и, стуча по камнямъ палкою, повелъ гостя къ своему жилищу.

Колыба находилась надъ маленькимъ ручейкомъ, падающимъ со скалъ и видно было по всему, что она недавно построена, такъ какъ не успѣла еще закуриться дымомъ. Сложена была крюками изъ большихъ и неотесанныхъ досокъ до самой крыши. На крышѣ лежала мурава и росъ разный бурьянъ. Чабанъ за руку ввелъ гостя въ колыбу. Внутри было темно. Чабанъ снялъ съ маленькаго оконца рогожу и хмурый свѣтъ наполнилъ избу. Взоръ Корнилова остановился на стѣнахъ, на

которыхъ кругомъ висѣли иконы, и какія! Всѣ русскія! Видъ Кіево-Печерской Лавры, преп. Іовъ, видъ Кремля, св. Николай Чудотворецъ, св. Петръ, митрополитъ московскій, Казанская Божья Матерь и другія... Корниловъ сдвинулъ гуще брови и подошелъ къ большой скрынѣ, на которой лежалъ псалтырь, изданіе Кіевской книгопечатни.

— Садись на ослонъ, вотъ здѣсь; я сейчасъ приду обратно, — сказалъ чабанъ и вышелъ въ сѣни. Думы повисли опять надъ вождемъ, слишкомъ уже утомленнымъ.

* *
*

Великій полководецъ сталъ на колѣни передъ иконами. Въ его очахъ блистали слезы. Ознаменовавъ грудь троекратнымъ крестомъ, онъ прошепталъ тихую молитву: „Молю Тебя, Святое Провидѣніе, не оставь насъ-многогрѣшныхъ и не откажи въ своей помощи. Помоги, Боже, русскому народу выйти на путь истины и вѣчной жизни. Чтобы онъ поборолъ зло и злобу и съ чистымъ сердцемъ совершилъ дѣла свои! Чтобы матушка Москва соединила всѣхъ дѣтей русскихъ...“

Чабанъ засталъ его на колѣняхъ и не подошелъ къ нему, пока генералъ не поднялся. Въ рукахъ старика былъ кусокъ печеной баранины, будза и кукурузный хлѣбъ.

— „Ой, слыхалъ я еще отъ отца, что у васъ крѣпко придерживаются вѣры православной. Ни молока, ни костяного сахару не кушаютъ въ постъ...“ — говорилъ чабанъ.

— „Скажи, старикъ, откуда взялись у тебя такія иконы?— спросилъ Корниловъ.

— „Еще мой отецъ принесъ отъ васъ. Онъ отправлялся потаенно нѣсколько разъ на моленіе въ Почаевъ и святой Кіевъ. Какъ станетъ, бывало, разсказывать, какая тамъ красота, то слезы такъ и текутъ, такъ и текутъ“, — оживился чабанъ.

— „А св. Петръ, митрополитъ московскій, какъ къ тебѣ попалъ?“ — спросилъ снова Корниловъ.

— „Тоже принесъ отецъ мой и объяснилъ потомъ, что онъ нашъ угодникъ изъ-за Карпатъ, по ту сторону, а чтить его надо за то, что любилъ Русскую землю... Преподобный Іовъ тоже нашъ...“ — отвѣтилъ чабанъ. Лицо Корнилова пуще омрачилось и онъ нѣсколько смущенно смотрѣлъ на горца, кладущаго все принесенное на скрыню.

— „Какой же ты вѣры?“

— „Такой же, какъ и ты: русской! Плохо у насъ... Мадьяре не любятъ насъ и издѣваются надъ нами...“—говорилъ старикъ ровнымъ голосомъ. Ген. Корниловъ задумался.

— „Знать, много насъ русскихъ... говорятъ, что много...„— продолжалъ чабанъ, но Корниловъ не отвѣчалъ уже ничего.

Чабанъ уложилъ своего гостя на постели, устланной свѣжимъ сѣномъ и на моховой подушкѣ. Сонъ его былъ крѣпокъ

и мучителенъ. Онъ видѣлъ безъ предѣла степь съ безчисленными курганами, подымающими свое чело изъ высокой пшеницы и травы. Широкая воля колыхалась надъ степью, по которой онъ мчался на быстромъ конѣ съ вѣрными текинцами. Куда онъ мчался — онъ самъ не зналъ, но онъ такъ спѣшилъ, ибо много пути еще было впереди. Много преградъ и много враговъ предстояло одолѣть. Кажись, вотъ-вотъ будетъ пойманъ и изрубленъ, но вотъ вдали ему навстрѣчу ѣдутъ Илья Муромецъ, Добрыня да Ермакъ и тьма-тьмущая казаковъ... Они подняли кверху свои каленыя шашки, зовутъ его къ себѣ на славный пиръ...

Генералъ часто вздрагивалъ, но не проснулся. Старый пастухъ сидѣлъ подъ колыбою всю ночь, не зажмуривъ ока ни на одно мгновеніе и прислушивался не идетъ ли кто-нибудь изъ непрошенныхъ гостей. Корниловъ проснулся съ сильной головной болью. Чабанъ стоялъ передъ нимъ.

— „Перекрестись и выпей, это ягодная вода“ — сказалъ онъ, подавая ему глиняную посуду.

Ген. Корниловъ пилъ съ большою жаждою и чувствовалъ, какъ живительная струя разливалась по его тѣлу. Затѣмъ пастухъ подалъ ему цѣлую сумку съ кукурузой, бринзой, будзомъ и бараниной, не забывъ вложить туда двухкопѣечный ножикъ, необходимый для крушенія окаменѣвшаго будза. Потомъ далеко-далеко проводилъ гостя.

— „Смотри, русскій! иди вотъ туда по той тропинкѣ и все держись лѣвѣе“, — сказалъ онъ.

— „Лѣвѣе Ужгорода, Мукачева, Мармарошскаго Сигота, что ли?“ — спросилъ генералъ Корниловъ. Чабанъ удивился.

— „Я и замѣтилъ сразу, что ты не изъ простыхъ. Такъ смотри, иди съ Богомъ и не забывай! Не забывай, что здѣсь тоже Русь Православная по всѣмъ Карпатамъ и внизъ по Бѣлую Воду“ — сказалъ онъ на прощаніе, приподнявши палку, будто бы грозилъ ею. Корниловъ понялъ, что чабанъ подъ „Бѣлою водою“ разумѣетъ Бѣлую Тиссу, куда въ самомъ дѣлѣ раскинулся Карпато-русскій народъ.

— „Не забывай!“ — крикнулъ еще разъ чабанъ съ высокой горы.

* * *

Прошло уже три недѣли, а генералъ Корниловъ все еще путешествовалъ. Несмотря на свою выносливость, онъ чувствовалъ, что его силы падаютъ, тѣмъ болѣе, что Карпаты покрылъ мокрый туманъ. Его шинель отяжелѣла; глина прилипала къ неуклюжимъ сапогамъ. По скалистымъ горамъ итти было почти невозможно. Ручейки переполнились водою. Подойдя къ Ужу, онъ увидѣлъ, что его можно было перейти только черезъ мостъ, охраняемый мадьярской заставой. Надвинувъ шапку на чело и

спрятавъ голову въ воротникъ шинели, онъ быстро зашагалъ по мосту. Часовой, согнувшійся въ три бѣды, его было не замѣтилъ, но на несчастье вышелъ изъ избы мадьярскій офицеръ.

— „Эй, ты... почему не отдалъ чести?“ — гаркнулъ онъ на генерала Корнилова, все еще неостанавливающагося.

— „Задержать и на гауптвахту!“ — еще громче закричалъ офицеръ.

Изъ-подъ моста выскочили два солдата съ винтовками на изготовку и задержали его. Въ очахъ его затмилось, сердце забилось лихорадочно: „прощай воля, прощай свобода, прощай родная, святая Русь!“

* * *

Шли вдоль рѣки, клокочущей и рвущейся впередъ. Генералъ Корниловъ думалъ тяжелую думу. Вдругъ его лицо просіяло.

— „Камрады, давайте зайдемъ въ корчму и согрѣемся“, — сказалъ онъ по нѣмецки.

Камрады согласились, ибо очень были голодны и лакомы на водку. Въ корчмѣ толкались солдаты и мужики, пившіе, не обращая ни на кого вниманія. Генералъ Корниловъ сталъ угощать своихъ камрадовъ, лишь дѣлая видъ, что пьетъ. Какъ-то случилось, что въ корчмѣ служила русская дѣвка изъ подъ Мармарошскаго Сигота. Подавая водку генералу Корнилову, она сразу угадала, что онъ русскій военноплѣнный и сейчасъ пойманъ. Это было при дневномъ освѣщеніи. Она сразу же рѣшила ему помочь и потому не жалѣла солдатамъ водки. Они скоро свалились на скамьи и въ пьяномъ бреду пѣли что-то непонятное и дикое.

— „Идите за мною“ — сказала тихо дѣвка.

Генералъ Корниловъ пошелъ въ другую комнатку и маленькій корридорчикъ. Открывъ двери, дѣвка сказала:

— Идите этимъ полемъ. Черезъ три дня будете на румынской границѣ. А это возьмите на дорогу. Я вижу, вы — человѣкъ необыкновенный. Вернувшись въ Россію, разскажите, что здѣсь любятъ русскихъ, любятъ и ждутъ. Съ Христомъ въ путь!..“

Двѣ большія слезы выступили на лицѣ закаленнаго воина. Онъ схватилъ руку дѣвки и поцѣловалъ жарко. Черезъ часъ онъ опять находился подъ безопасной пеленою Карпатъ. Силы въ немъ ожили. Дуновеніе вѣтра съ русскаго востока овѣяло его животворящею бодростью и обласкало его, словно нѣжная рука родной матери. Онъ чувствовалъ, что вскорѣ кончится его горе и, молча, благословлялъ лѣсистые, чудные Карпаты.

г. Прага, 29 января 1922 г.

В. Р. Ваврикъ.

Къ столѣтію „Славіи.“

(По случаю 70 лѣтней годовщины смерти ея автора, чехословацкаго поэта Яна Колара, творца поэмы „Дочь Славы“.

„Slavme slavně slávu slavných Slávů!“
Jan Kolár.

„Славимъ славно славу славянъ славныхъ“ завѣщалъ онъ грядущимъ славянскимъ поколѣніямъ. Исполнены ли его завѣты? Въ годовщину его кончины и въ столѣтіе появленія его величайшей поэмы, много-ли было откликовъ въ печати? Кажется, кромѣ одной, да и то нѣмецкой газеты въ Прагѣ, нигдѣ не вспомнили о родоначальникѣ панславизма! Что это, ранній плющъ ли забвенья или мохъ нерадѣнья надъ этою великою могилой? Всего двадцать лѣтъ, какъ его останки перенесены изъ Вѣнскаго Маркова кладбища на Пражскія Ольшаны. Неужели и это литературно-національное событіе уже забыто? Быльемъ поросло?

Дѣло, вѣдь, идетъ объ одномъ изъ знаменитѣйшихъ возродителей чехо-словацкаго народа! Объ одномъ изъ тѣхъ національныхъ геніевъ, духъ которыхъ переживаетъ вѣка.

Вѣдь самый фактъ его кончины семьдесятъ лѣтъ тому назадъ столь необычаенъ, что заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ лѣтописяхъ литературы. Онъ умеръ, какъ герой. Погибъ, какъ рыцарь на полѣ брани. Въ одинъ изъ сумрачныхъ январьскихъ дней онъ взошелъ на кафедру въ вѣнскомъ университетѣ, чтобы начать обычную лекцію изъ области славянской миѳологіи, и умеръ отъ разрыва сердца. Непріятное извѣстіе изъ текущей славянской политики, о которомъ онъ узналъ, идя на лекцію, столь взволновало его душу, что сердце не выдержало. Оно перестало биться, какъ только онъ вступилъ на каѳедру, онъ, живой примѣръ научнаго героизма и племенного сознанія.

Но какъ ни поучительна его смерть, еще назидательнѣе вся его скорбная жизнь. Его дѣтство напоминаетъ біографію Ломоносова. Какъ и великій родоначальникъ новой русской словесности, Коларъ бѣжитъ изъ крестьянской хаты своего отца, бѣднаго словака, бѣжитъ тайкомъ, чтобы расплавитъ свое сердце въ горнѣ знанія. Его юность, съ несчастною, нераздѣленной любовью къ лужицкой сербкѣ Минѣ, — это юность Петрарки

съ б зсмертной Лаурой. Его скитальческая молодость имѣетъ много общаго съ біографіей Байрона. Коларъ, какъ и Байронъ, испыталъ гоненіе правительства и нелюбовь части общества.

Все это его біографъ, проф. Якубецъ, прослѣдилъ какъ въ жизнеописаніи, такъ и въ творчествѣ Яна Колара. Въ его „Дочери Славы“ — сонеты Петрарки, описаніе скитаній славянскаго Чайльдъ-Гарольда и распредѣленіе цикла сонетовъ по образцу „Божественной Комедіи“ Дантэ.

Но его безсмертной поэмы нп одинъ литературный историкъ не смѣлъ назвать подражаніемъ. Проф. Мурко доказалъ степень вліянія на его творенія нѣмецкаго романтизма, Карасекъ упрекалъ его въ дидактизмѣ. Но Пыпинъ, не обинуясь, называетъ его „однимъ изъ самыхъ крупныхъ явленій всей ново-чешской литературы и наиболѣе характернымъ произведеніемъ всей эпохи возрожденія“. „Дочь Славы“, прибавляетъ онъ, остается единственнымъ поэтическимъ кодексомъ панславизма — правда, замѣчаетъ онъ, далеко не столь страшнаго, какъ изображали его противники...“

Сто лѣтъ тому назадъ въ Прагѣ появился его первый сборникъ стихотвореній. Съ его легкой руки вошло въ литературу понятіе „Славія“. Правда, проф. Якубецъ доказалъ, что не Коларъ изобрѣлъ это слово. Его употребляли раньше менѣе извѣстные поэты Богуславъ Таблицъ и Антонъ Марекъ. Но Коларъ первый вдохнулъ въ это понятіе такую жизненную силу, что „Славія“ пережила уже вѣкъ. Она олицетворяла въ себѣ скорѣе подсознательную, но неясно выраженную тоску славянскихъ людей по взаимному сговору, общей свободѣ и совмѣстному домостроительству.

Пусть же переводъ его типичныхъ трехъ сонетовъ, посвященныхъ „Прагѣ“, „Москвѣ“ и „Славіи“, будетъ, скромнымъ русскимъ вѣнкомъ на могилѣ великаго славянскаго баяна, основоположника чехо-словацкаго возрожденія. Онъ предсказалъ въ своемъ геніальномъ прологѣ въ „Дочери Славы“ моментъ возрожденія чехо-словацкой независимой государственности.

„То, что пожрала вѣковъ безпощадныхъ несытая бездна,
Можетъ, по волѣ небесъ, мигомъ воскреснуть и жить!“

Этотъ предчувствованный Коларомъ мигъ, наконецъ, насталъ. Сбылись его пророчества въ одной части славянства, отчего же имъ не осуществиться и во всѣхъ остальныхъ!

Буди, буди!

Д. В.

ПРАГА.

Вотъ она, прославленная Прага,
Чеховъ стародавняя столица,
Башенъ исполинскихъ вереница,
Въ камень воплощенная отвага.

Градчаны, дворцы родного блага,
Пражуровъ замшенная гробница,
Карловъ мостъ, гдѣ нѣкогда юница
Пѣла славу доблестнаго стяга.

Блескъ твоихъ жезловъ давно угасъ,
Мечъ тупѣетъ, что и Римомъ трясъ,
Выщербленъ балтійскою бойницей...

Но ты вѣчнымъ Славы будешь храмомъ,
Противъ нѣмцевъ смѣлою истицей,
Побѣдивъ и въ пораженьи самомъ...

(Дочь Славы. II. Сонетъ 111)

МОСКВА.

О, ты, краса полуночнаго края!
Россіи всей и сердце и глава,
Блистаешь, златоверхая Москва,
Кремлевскими святынями сверкая.

О, какъ ты занялась, огнемъ пылая,
Ростопчина рукой подожжена,
Какъ запылала вся твоя страна,
Повсюду искры—пламя разсыпая...

Повѣдай же, зачѣмъ сама сожгла
Въ пожарѣ дерзкомъ, среди снѣжной дали,
Ты созданія былыхъ столѣтій?

— Слѣпцамъ я свѣточъ на весь міръ зажгла,
Чтобы яснѣй при заревѣ читали,
Кто — я и кто — мои родныя дѣти!..

(Дочь Славы, II. Сонетъ 137).

СЛАВІЯ.

О, если бы племенъ славянскихъ стая
Сребромъ и золотомъ передо мной
Блеснула разомъ — въ статуѣ одной
Я изваялъ бы ихъ, не раздѣляя.

И во главу пошла-бы Русь святая
Изъ Ляховъ станъ сковалъ бы огневой.
Изъ Чеховъ руки, стержень боевой,
Изъ Сербіи двуножье отливая.

А меньшіе народы всѣ Славянъ,
Пошли-бы на броню, доспѣхи, тѣни,
И всталъ бы передъ міромъ великанъ.

Европа вся склонила бы колѣни...
Предъ статуей до неба вышиной
Затрепеталъ бы и весь шаръ земной!

(Дочь Славы, III. Сонетъ 7.

Перевелъ Дмитрій Вергунъ.

О прозрѣніяхъ Ѳ. М. Достоевскаго.

О Достоевскомъ написано много книгъ. Несомнѣнно будетъ написана еще одна, ненаписанная пока, на тему о его соціальныхъ прозрѣніяхъ. Я хочу дать нѣсколько штриховъ именно на эту животрепещущую для переживаемаго нами времени тему... Я хочу заглянуть въ тотъ уголокъ пророческой души русскаго національнаго генія, который касается судебъ русскаго соціализма и эволюціи революціонной интеллигентской идеологіи.

Какъ Толстой, такъ и Достоевскій мучительно искали правды Божіей на землѣ и въ путяхъ своихъ были глубоко народны, національны, ибо въ этомъ отношеніи они являются точнымъ отраженіемъ души русскаго народа и антиподами нашей космополитической интеллигенціи. Толстой, конечно, былъ прекрасно знакомъ со всѣми соціалистическими ученіями и тѣмъ не менѣе онъ строилъ соціальную правду, какъ и нашъ народъ, (предъ которымъ втеченіе вѣковъ наука оставалась книгою за семью печатями), только путемъ религіозныхъ исканій. Тоже и Достоевскій. Увлеченный во дни молодости освободительными идеями западнаго соціализма, онъ вскорѣ сбросилъ съ себя его чары и сталъ искать правды въ религіозномъ сліяніи съ народомъ.

Интеллигентскій путь исканій правды Божіей на землѣ, хотя вначалѣ и имѣлъ источникомъ своимъ чисто моральную подоплеку Христовой морали, но быстро свернулъ въ сторону псевдо-научныхъ теоретическихъ построеній космополитическаго характера.

Окно въ Европу было прорублено еще Петромъ Великимъ, но свѣтъ изъ этого окна свѣтилъ лишь немногимъ избраннымъ, да и тѣ были мало подготовлены къ самостоятельной переработкѣ сложныхъ соціально-политическихъ и моральныхъ проблемъ западно-европейской мысли. На западѣ эти новыя идеи вырабатывались вѣками и поколѣніями людей науки и мысли на различныхъ поприщахъ умственнаго труда.— Къ намъ они явились въ готовомъ видѣ и зажигали огнемъ мечтательной фантазіи сердца и души избранныхъ единицъ. Охваченные этими новыми соціально-политическими и моральными идеями, такіе люди поневолѣ становились мечтателями и

фантазерами по отношенію къ русской дѣйствительности, ибо въ мечтахъ своихъ они переросли ее на цѣлое столѣтіе, а иногда и на два. Наша малочисленная интеллигенція сидѣла у окна въ Европу, смотрѣла и слушала, что говорится и дѣлается въ разныхъ „царствахъ-государствахъ“, думала и чувствовала ...

А тамъ было много источниковъ для упражненія въ разныхъ высокихъ чувствахъ и матеріяхъ. Съ жадностью поглощая эти идеи объ окончательномъ освобожденіи человѣчества, эта интеллигенція оставалась на родинѣ, въ своемъ государствѣ, на рабскомъ положеніи, а путемъ чисто умозрительнымъ начинала себя чувствовать гражданиномъ всего міра, гражданиномъ отъ человѣчества!

Въ какихъ радужныхъ краскахъ долженъ былъ рисоваться русскому интеллигенту этотъ „обновленный міръ“ и что онъ долженъ былъ чувствовать, возвращаясь изъ міра прекрасныхъ идеологическихъ построеній и отвлеченій въ міръ дѣйствительности, въ свой рабскій домъ?! Какой ироніей въ ея ушахъ звучалъ Кармазинскій призывъ къ „любви къ отечеству“ и къ народной гордости!

Государство рабовъ, насилія и произвола, государство безъ гражданъ. Дома они —„лишніе“ люди, дома имъ нечего дѣлать, ибо нельзя употребить въ дѣло благопріобрѣтенныя новѣйшія радикальныя освободительныя идеи. Оставалось только сперва мыслить, разсуждать и страдать, потомъ—отрицать, разрушать и уходить въ крысиную подпольную работу.

Вотъ откуда истекаетъ космополитичность, умозрительность, радикальная мечтательность и антигосударственность нашей будущей партійно-соціалистической интеллигенціи!

— Я уже въ 1846 году, — говоритъ Достоевскій — былъ посвященъ во всю правду грядущаго обновленія міра и въ святость будущаго коммунистическаго общества. Всѣ эти убѣжденія о безнравственности самыхъ основаній современнаго общества, о вредѣ религіи, семьи, права собственности, всѣ эти идеи объ уничтоженіи національности во имя всеобщаго братства, о презрѣніи къ отечеству, какъ тормазу всеобщаго развитія и пр. и пр. все это были такія вліянія, которыхъ мы, молодежь, преодолѣть не могли и которые захватывали наши сердца и умы во имя какого-то великодушія!“

Такъ творились космополитическіе умозрительные мечтатели и фанатики, дошедшіе до нашего времени. Смѣнялись эпохи, мѣнялись идеологіи, но какъ онѣ не назывались и какія программы не строили, изъ нихъ всегда выглядывалъ не гражданинъ опредѣленнаго мѣста и времени, не сынъ своей Родины, а прежде всего общечеловѣкъ, космополитическій гражданинъ, который орломъ парилъ надъ русской дѣй-

ствительностью и считалъ для себя тѣсными не только рамки своего, но и вообще всякаго государства.

Достоевскій такъ охарактеризовалъ русскаго человѣка.

Ужъ если русскій человѣкъ чему-нибудь повѣритъ, такъ не просто повѣритъ, а *увѣруетъ*. Если онъ, напримѣръ, перестанетъ вѣритъ въ Бога, то сдѣлается не просто атеистомъ, а сдѣлаетъ себѣ изъ атеизма вѣру!

Такое свойство русскаго человѣка, примѣненное къ идеямъ отрицанія религіи, національности, семьи, отечества и собственности, при умозрительной радикальной мечтательности русскаго интеллигентскаго типа, вселяло великое смущеніе въ прозорливую душу русскаго генія... Фанатизмъ вѣры, какова-бы ни была Она, могъ родить въ русской соціальной жизни какъ великодушнаго, идущаго на самопожертвованіе героя, такъ и самаго страшнаго и кровожаднаго прямолинейнаго деспота. Достоевскій хорошо зналъ и ярко изображалъ какъ высоту подъема, такъ и глубину паденія русскаго человѣка...

Первоначальный русскій соціализмъ, какъ я упомянулъ, исходилъ изъ постулатовъ Христовой морали: „любовь къ ближнему, къ униженнымъ и оскорбленнымъ, нѣсть-бо ни эллинъ ни іудей, сознаніе нравственнаго долга передъ народомъ и жажда жертвеннаго подвига“— вотъ основы перваго русскаго соціализма.

— Зарождавшійся у насъ соціализмъ 40-хъ годовъ — говоритъ Достоевскій,—даже нѣкоторые изъ коноводовъ его не принимали, какъ исправленное, согласно требованіямъ вѣка и цивилизаціи, *христіанство*. Въ сущности и все наше революціонное народничество было пропитано чисто христіанскимъ моральнымъ основаніемъ и религіознымъ пафосомъ. Наши первые революціонеры называли Христа первымъ революціонеромъ. Но скоро они перешагнули чрезъ Христа и его мораль въ ея главной основѣ и заповѣди по отношенію ближняго.

Въ 1866 году раздался первый революціонный выстрѣлъ *Каракозова*, поставившій передъ русскими революціонерами впервые вопросъ: *можно-ли* въ видахъ политическихъ цѣлей нарушить основную заповѣдь Христа, не любить, а убить ближняго?

Въ 1871 году этотъ теоретическій вопросъ получаетъ свое разъясненія на *Нечаевскомъ* процессѣ. Убійца-революціонеръ Успенскій сказалъ на судѣ, что одного человѣка можно и даже должно убить, если этимъ способомъ можно спасти 20 или 30 другихъ человѣческихъ жизней.

Уже самый фактъ постановки вопроса свидѣтельствуетъ о томъ, что для тогдашнихъ революціонеровъ, хотя-бы и именовавшихъ себя атеистами, основа Христовой морали еще не

была буржуазнымъ и рабьимъ предразсудкомъ... Но вотъ чрезъ Христа перешагнули.

— Хотя мы — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ народникъ-революціонеръ Дебагоріо-Мокріевичъ, и отрицательно отнеслись къ мистификаціямъ (провокаціямъ), практиковавшимся Нечаевымъ, ибо по нашему мнѣнію нельзя было обманывать своихъ товарищей, но въ вопросѣ объ убійствѣ мы признали справедливымъ принципъ — цѣль оправдываетъ средства!

Про Нечаева Бакунинъ писалъ Герцену: „Нечаевъ способенъ на все: украсть чужой кошелекъ, нарочно внести въ семью раздоръ, обмануть, оклеветать самихъ близкихъ людей, стащить чужія письма, совершить подлогъ, однимъ словомъ все, что ему кажется полезнымъ для революціи!“

И все это какъ цѣль оправдывающая средства, было принято народниками-революціонерами, за исключеніемъ особой морали по отношенію къ своимъ единомышленникамъ!

Этотъ новый догматъ революціонной вѣры, вошедшій потомъ въ уставы всѣхъ нашихъ идеологическихъ партійныхъ монастырей (кстати сказать, пышнымъ цвѣтомъ распустившійся въ нашемъ большевизмѣ), произвелъ на Достоевскаго потрясающее впечатлѣніе и надолго приковалъ къ себѣ мысль и художественное творчество нашего генія. Отнынѣ онъ сталъ прозрѣвать всю страшную эволюцію русскаго соціализма, освобожденнаго отъ всякой морали, перешагнувшаго черезъ Христа, чрезъ правду, долгъ совѣсти, честность и стремящагося очиститься отъ идей отечества и національности...

Отъ этихъ мукъ и прозрѣній мы получили крупнѣйшія изъ произведеній Достоевскаго: „Преступленіе и наказаніе“, „Бѣсы“ и отчасти „Братья Карамазовы“, гдѣ главное вниманіе отводится вопросамъ русской вѣры и невѣрію и предсказывается въ разговорѣ Ивана Карамазова съ чертомъ появленіе будущаго сверхчеловѣка или „человѣкобога“, которому все позволено...

Глубокое знаніе души человѣческой и души русской, глубокое знаніе свойствъ и характера русскаго интеллигента-революціонера и знаніе условій русской дѣйствительности и души народной дѣлаютъ Достоевскаго прозорливымъ пророкомъ нашей будущей, нынѣ происходящей—революціи. Въ герояхъ романовъ „Преступленіе и наказаніе“ и „Бѣсы“ мы нынѣ наглядно видимъ фанатиковъ нашего большевизма. Какъ ученый геологъ, по отдѣльнымъ костямъ ископаемаго животнаго возстановляетъ предъ нами полный рисунокъ, полную фигуру исчезнувшаго типа, такъ прозорливый пророкъ, Достоевскій по первымъ типамъ нашихъ революціонеровъ далъ намъ картину будущей русской революціи и ея героевъ, далъ конечную стадію эволюціи революціонныхъ идей.

Раскольниковъ, еще неудачно питавшійся перешагнуть черезъ Бога и мораль, уже имѣетъ въ зародышѣ чисто большевитскія черты:

— О, какъ я понимаю пророка съ саблей на конѣ! —говоритъ онъ — Велитъ Аллахъ и повинуйся, дрожащая тварь! Правъ, правъ пророкъ, когда ставитъ гдѣ-нибудь поперекъ улицы хорошую батарею и дуетъ въ праваго и виноватаго, не удостаивая даже и объясняться! Повинуйся, дрожащая тварь, и не желай, потому это не твое дѣло!

Въ основу соціалистической тактики уже Раскольниковъ вкладываетъ безпощадное насиліе и раздѣленіе человѣчества на толпу и кучку героевъ, на безличный матеріалъ и творящихъ жизнь геніевъ, которымъ все дозволено!

— Ну, а дѣйствительно-то геніальные люди, спрашиваетъ Разумихинъ Раскольникова — вотъ тѣ, которымъ рѣзать-то позволено, такъ тѣ не должны страдать совсѣмъ, даже за пролитую кровь?

— Зачѣмъ тутъ слово „должны!“ — возражаетъ Раскольниковъ — тутъ нѣтъ ни позволенія, ни запрещенія. Пусть страдаютъ, если жаль жертву! Истино-великіе люди, мнѣ кажется, должны ощущать на свѣтѣ великую грусть.

Какъ тутъ не вспомнить М. Горькаго, который жалѣетъ Ленина, вынужденнаго убивать однихъ для блага другихъ, и называетъ его и его сотоварищей по убійствамъ „мучениками!“

Путемъ ходожественной интуиціи Достоевскій дѣлается буквально пророкомъ нашей коммунистической революціи. Перечитывая теперь его романы — „Преступленіе и наказаніе“ и „Бѣсы“, иногда въ испуганномъ изумленіи останавливаешься и думаешь: „да, вѣдь, именно это и происходитъ теперь на нашихъ глазахъ. Предсказанія сбылись почти въ мельчайшихъ подробностяхъ!

Вотъ эти предсказанія:

— Начнутъ строить гордую башню Вавилонскую, а кончатъ антропофагіей!

— Разрушатъ храмы, зальютъ міръ кровью и потомъ сами испугаются.

— Агитаторы пролетаріевъ будутъ звать своихъ послѣдователей просто на грабежъ!

А вотъ вамъ сонъ Раскольникова:

... „Люди становились бѣсноватыми и сумасшедшими, но никогда еще не считали они непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ убѣжденій и вѣрованій. Люди убивали другъ друга въ какой-то безсмысленной злобѣ, собирались другъ на друга цѣлыми арміями, но арміи уже въ походѣ начинали вдругъ терзать себя, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга. Люди оставили са-

мыя обыкновенныя ремесла и остановилось земледѣліе... Начались пожары, начался голодъ, всѣ и все гибли!

Развѣ это не пророчество, нынѣ полностью сбывшееся на несчастной нашей родинѣ, очутившейся во власти партійныхъ фанатиковъ безъ Бога, религіи, морали, отечества и національности? Это, къ нашему ужасу и несчастію, — сонъ на яву! изъ тѣхъ которыя не снились другимъ мудрецамъ, кромѣ нашего генія.

Пришелъ предсказанный Достоевскимъ „сверхчеловѣкъ", которому все дозволено. Мы своими глазами узрѣли проэктъ Шигалева изъ „Бѣсовъ", нынѣ приводимый въ Россіи въ исполненіе. Исполнилось слово, реченное пророкомъ нашей революціи: Русская соціалистическая партійная идеологія и тактика завершились въ большевизмѣ полнымъ кругомъ. Выйдя изъ безграничной свободы, русскій соціализмъ кончилъ безграничнымъ деспотизмомъ. Большевизмъ привелъ въ точное исполненіе весь планъ героя „Бѣсовъ" Шигалева. А тотъ, по словамъ Достоевскаго, проэктировалъ такъ:

Раздѣлить человѣчество на двѣ неравныя части. Одна десятая часть народа получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми. Послѣдніе должны потерять личность и обратиться въ родѣ какъ-бы въ стадо и, при безграничномъ повиновеніи, достигнутъ первобытной невинности. Средства перевоспитанія — отнятіе у девяти десятыхъ человѣчества воли и шпіонство. Каждый членъ общества смотритъ за другимъ и обязанъ доносить. Всѣ рабы и въ рабствѣ равны. Въ крайнихъ случаяхъ — клевета и убійство, а главное—равенство. Первымъ дѣломъ пониженіе уровня образованія, наукъ, талантовъ. Безъ деспотизма не можетъ быть ни свободы, ни равенства. Мы уморимъ всякое желаніе и приведемъ все къ одному знаменателю!"

Развѣ не жутко намъ читать теперь это пророчество? Вѣдь, это подлинный большевизмъ и его достиженія!

Развѣ не подлинная „шигалевщина" звучитъ вотъ въ такихъ стихахъ большевистскаго поэта Князева:

Сердца единой вѣрой сплавимъ,
Пусть насъ немного,—не бѣда!
Мы за собой идти заставимъ
Къ бичу привыкшія стада!...

Вѣчная память и вѣчная слава нашему національному генію Ф. М. Достоевскому! Въ свое время мы имѣли уши и не слышали, имѣли глаза и не видѣли. Нынѣ мы прозрѣли и стали слышать на оба уха. Нынѣ мы горькимъ и страшнымъ опытомъ большевизма убѣдились, что Достоевскій былъ глубоко правъ. Отрицаніе религіи, національности, отечества, семьи, морали и собственности разрушило нашъ родной національно-государственный Домъ... И мы поняли, что вернуть его можно лишь путемъ возстановленія разрушеннаго...

Евгеній Чириковъ.

Завѣты Московскаго Университета.

(Изъ рѣчи на собраніи профессоровъ и студентовъ 12/25 января 1922 года въ Прагѣ).

Давно уже Татьянинъ день, праздникъ Московскаго Университета, сталъ праздникомъ просвѣщенія для всей Россіи, давно уже при имени Московскаго Университета сердце каждаго русскаго согрѣвается особой теплотой, особой нѣжностью.

Почему? Что сдѣлало изъ этого именно университета общерусскій центръ? Почему въ этотъ день мы обращаемъ къ этому университету свои лучшія пожеланія и связываемъ съ нимъ свои лучшія воспоминанія? Неужели только потому, что это старѣйшій нашъ университетъ, связанный своимъ возникновеніемъ еще съ памятью перваго богатыря русскаго просвѣщенія Ломоносова? Неужели потому, что въ этомъ университетѣ училось наибольшее число студентовъ, и что всего больше и до сихъ поръ разсѣяно ихъ по лицу русской земли? Нѣтъ, эти количественныя опредѣленія намъ еще ничего не объясняютъ. Слава учрежденій, какъ и слава людей, не зависитъ отъ количества лѣтъ, которое они прожили: она получаетъ объясненіе изъ нѣкоторыхъ внутреннихъ свойствъ и внутреннихъ причинъ. И я думаю, что и слава, и значеніе Московскаго Университета объясняются тѣмъ, что за время своего существованія онъ успѣлъ выработать свои особые пути, свои завѣты, что въ немъ создался особый духъ, направлявшій его просвѣтительную дѣятельность. Что же это за духъ и какіе это завѣты?

Первый завѣтъ, который мы воспринимали, вступая въ Московскій университетъ, заключался въ томъ, что университетъ есть храмъ науки, что это мѣсто торжественное и священное, что здѣсь не мѣсто ни для будничной суеты, ни для дешевыхъ эффектовъ. Нигдѣ такъ часто, какъ въ Московскомъ Университетѣ, я не слышалъ этого выраженія: храмъ науки! Я вовсе не слышалъ его ни въ Берлинѣ, ни въ Гейдельбергѣ, ни въ Парижѣ. Тутъ сказывался не только особый піэтетъ къ наукѣ, особое торжественное признаніе ея величія и силъ, тутъ былъ еще и особый взглядъ на задачи университета, какъ на торжественное служеніе, которое не терпитъ праздности и суеты.

Этотъ торжественный взглядъ на университетъ и науку отражался и на всемъ отношеніи къ жизни и къ міру. Универси-

тетъ есть храмъ, но и міръ есть храмъ, и человѣкъ призванъ въ этомъ храмѣ прежде всего къ служенію, къ труду, а потомъ уже ко всему другому. Позднѣе стали говорить, что міръ есть не храмъ, а мастерская. Конечно, въ извѣстномъ смыслѣ міръ есть и мастерская, но если бы онъ былъ только ею, если бы надъ человѣкомъ простирался не сіяющій куполъ неба, а закоптѣлый сводъ мастерской, если бы человѣкъ былъ только работникомъ, безсильнымъ поднять сердце и взоры къ небу, вѣчно прикованный къ станку, къ тачкѣ, къ землѣ, какъ бы могъ удержаться онъ надъ бездной страданья и горя, которыя по временамъ надъ нимъ нависаютъ, которыя разбиваютъ иногда лучшія мечты? Откуда бы могъ онъ взять свои надежды и силы въ минуты унынія и отчаянія?

Но если университетъ есть храмъ и міръ есть храмъ, то значитъ задача университета — таковъ былъ нашъ третій завѣтъ — воспитать своихъ питомцевъ къ служенію въ этомъ храмѣ, сдѣлать ихъ людьми идеала, такъ чтобы они имѣли предъ собой высшія цѣли, умѣли связывать настоящее съ прошлымъ и будущимъ, умѣли понимать свой трудъ, свою жизнь, какъ долгъ, какъ обязанность. Позднѣе стали говорить о томъ, что намъ нужны люди дѣла, и такъ часто слышится это слово теперь. Но когда мы говорили о людяхъ идеала, мы полагали, что они должны быть также и людьми дѣла. И если кто хотѣлъ бы противопоставить одно выраженіе другому, значитъ ли это, что дѣло противополагается идеалу, и что настоящій работникъ тотъ, у кого нѣтъ сознанія идеальной цѣли, кто живетъ и работаетъ изо дня въ день?

И, наконецъ, былъ въ Московскомъ Университетѣ и еще одинъ завѣтъ — онъ заключался въ томъ, чтобы любить Россію, родину-мать, любить русскую культуру и русскій народъ. Университетъ, основанный въ Москвѣ, — въ сердцѣ Россіи, всегда хотѣлъ стоять въ центрѣ русской жизни, быть прежде всего русскимъ университетомъ, передовымъ носителемъ русской культуры. И это сознаніе онъ передавалъ своимъ питомцамъ.

Таковы были завѣты Московскаго Университета, таковъ его духъ. Въ этой то атмосферѣ торжественнаго служенія наукѣ и Россіи, рождались тѣ разнообразныя направленія мысли, тѣ различныя школы и ученія, которыми славился нашъ университетъ.

Университетъ есть храмъ науки, движеніе науки свободно и непрерывно — вотъ почему тутъ совершается постоянное движеніе, постоянная смѣна теченій. Но завѣты Московскаго Университета не мѣнялись, они оставались непоколебимыми.

Обнаружила ли жизнь ихъ недостаточность? Часто думаютъ, что наше время требуетъ какихъ-то болѣе практическихъ

взглядовъ, что и воспитанникамъ высшей школы надо прежде всего стать практиками жизни.

Но не забывайте, что мы живемъ въ такое время, которое требуетъ прежде всего пониманія, которое требуетъ самаго серьезнаго углубленія въ науку. Мы живемъ въ такую минуту, когда все шатается вокругъ, всюду почва колеблется подъ ногами. Можно, конечно, пройти мимо всего этого, отвернуться, забыться въ профессіональной работѣ. Но значитъ ли это понять то время, въ которое мы живемъ? И значитъ ли это понять нужды и задачи Россіи?

Я во всякомъ случаѣ думаю, что въ этотъ торжественный день я не могу сказать вамъ ничего лучшаго, какъ напомнить старые завѣты Московскаго Университета.

Помните, что учиться это значитъ служить истинѣ и искать истину, что это служеніе требуетъ самаго серьезнаго напряженія силъ и величайшаго уваженія къ знанію.

Помните, что міръ есть не только мастерская, но и храмъ, и что жизнь ваша въ немъ есть служеніе, есть выполненіе долга.

Помните, что вы должны быть не только людьми дѣла, но и людьми идеала.

И, наконецъ, помните, что ни при какихъ условіяхъ вы не должны забывать вашу родину-мать, Россію.

И если вы примете всѣ эти завѣты въ сердце свое, тогда обычный возгласъ нашъ, обращаемый въ этотъ день къ Московскому Университету — Vivat, crescat, floreat! — раздастся со всей силой своего смысла и значенія.

П. Новгородцевъ.

Человѣческая мудрость и Премудрость Божія.

Кто не со Мною, тотъ противъ Меня; и кто не собираетъ со Мною тотъ расточаетъ. — Лк. XI. 23.

I.

Въ самый разгаръ позитивистическихъ увлеченій русскаго общества, когда всѣ вопросы казались разрѣшимыми и уже разрѣшенными наукой, а вѣра представлялась пройденнымъ, изжитымъ и устарѣлымъ этапомъ историческаго развитія человѣчества, двадцатишестилѣтній Владиміръ Соловьевъ выступилъ въ Петербургѣ съ публичными „Чтеніями о Богочеловѣчествѣ". Это была вдохновенная апологія христіанской вѣры. Съ одной стороны, Соловьевъ показывалъ, что только въ религіозномъ міросозерцаніи достигается подлинное оправданіе жизни, раскрывается и утверждается ея смыслъ и цѣнность. Съ другой, онъ, такъ сказать, оправдывалъ Богооткровенныя истины передъ лицемъ человѣческаго разумѣнія, раскрывая глубинное совпаденіе содержанія христіанской догматики съ высшими достиженіями философскаго умозрѣнія.

Соловьевъ самъ называлъ свое міровоззрѣніе „философіей цѣльнаго знанія" и именно въ такомъ качествѣ всеобъемлющаго синтетическаго замысла противопоставлялъ его исторически сложившимся системамъ „отвлеченныхъ началъ". Не рискуя впасть въ грубую ошибку, можно сказать, что Соловьевъ не признавалъ существованія заблужденій. Ложность какого-либо сужденія, утвержденія или оцѣнки заключается не въ его положительномъ содержаніи, не въ его природѣ (physis), а въ его недолжномъ положеніи (thesis) въ системѣ знанія, т. е. въ неполнотѣ или односторонности. Ни одинъ мыслитель, по оцѣнкѣ Соловьева, не заблуждался вполнѣ, не высказывалъ лжи по существу; ошибочно бывало только превращеніе частичной правды въ правду исключительную и всецѣлую. Одно и то же положеніе можетъ быть и истинно, и ложно въ зависимости отъ того, съ какими другими оно сочетается. Поэтому Соловьевъ воспринимаетъ въ свое построеніе почти что всѣ историче-

ски сложившіяся ученія, начиная Библіей и кончая соціализмомъ и теоріей Дарвина. Въ его пониманіи и Богъ именно оттого есть Истина, Добро и Красота, что Онъ абсолютенъ, безусловенъ, безконеченъ, что Онъ „все Собою наполняетъ, объемлетъ, двигаетъ, созидаетъ", что внѣ Его нѣтъ ничего, иными словами, онъ есть Всеединое начало, средоточіе и цѣль всяческаго бытія. Соотвѣтственно, и религія есть высшая истина именно потому, что она объемлетъ собою все и притомъ въ надлежащей перспективѣ, — и, стало-быть, то, что, будучи взято само по себѣ, въ отдѣльности, было бы ложно, въ религіозномъ контекстѣ становится истиннымъ.

Отсутствію абсолютной лжи соотвѣтствуетъ отсутствіе абсолютнаго зла. Опять таки, по природѣ нѣтъ ничего злого, и дурнымъ то или другое движеніе человѣческой воли является не само по себѣ. „Я не признаю существующаго зла вѣчнымъ", писалъ онъ, „я не вѣрю въ черта". Зло заключается тоже въ неправильномъ распорядкѣ цѣнностей, въ искаженіи перспективы. Соловьевъ усматриваетъ сущность зла въ постановкѣ ограниченнаго на мѣсто безусловнаго, въ утвержденіи самости, т. е. въ отпаденіи отъ Всеединства. Зло, такимъ образомъ, не обладаетъ подлинной реальностью, не есть даже нѣчто самостоятельное, а есть лишь искаженная форма Добра. И преодолѣніе зла сводится не къ его искорененію, а къ разрушенію его односторонности, къ возстановленію нарушенныхъ гармоническихъ соотношеній.

Но этого мало. Стараясь объяснить существованіе зла въ мірѣ, созданномъ и управляемомъ Премудрымъ и Всеблагимъ Творцомъ, Соловьевъ приходитъ къ утвержденію необходимости зла или грѣха. Міросозерцаніе Соловьева все насыщено духомъ историзма, заимствованнымъ отчасти изъ нѣмецкой идеалистической философіи, отчасти изъ гностической мистики древнехристіанской поры и предреформаціоннаго времени (въ особ. у Якоба Бёме). Основная идея этой исторіософіи заключается въ томъ, что вся исторія разумна и при этомъ въ ней осуществляется нѣкоторый доступный человѣческому постиженію планъ. Говоря кратко, разумный смыслъ временнаго бытія міра усматривался здѣсь въ томъ, чтобы осуществилось свободное Всеединство. Въ силу творенія міръ осуществлялъ бы божественный планъ по принужденію, такъ сказать, насильно, цѣлостность и единство были бы слѣпы и механичны. И нужно было, чтобы эта первозданная гармонія распалась; чтобы всѣ свободныя существа довели до предѣла свое своеволіе, испытали всю тягость неупорядоченнаго хаоса и уже свободнымъ избраніемъ, свободнымъ актомъ самоотрекающейся воли вернулись къ утраченному Всеединству. Иными словами, безъ грѣхопаденія и отступленія отъ Бога не могъ

міръ стать тѣмъ, къ чему его предназначалъ Богъ. Именно не могъ, ибо все происшедшее фактически было разумно, логически необходимо, не только для конечнаго разума, но и для Разума вообще, — и въ качествѣ такового предвѣчно предусмотрѣно Богомъ.

Историческій процессъ, слѣдовательно, представлялся Соловьеву въ видѣ изогнутой линіи: сперва раздробленіе, распаденіе бытія должно было, наростая, дойти до крайнихъ предѣловъ хаотичности, чтобы потомъ постепенно происходило вторичное объединеніе существующаго. Въ концѣ стоитъ то же, что въ началѣ: единство; но въ началѣ было голое единство, а въ концѣ единство синтетическое, единство многаго, pan kai'en Исторія, по изображенію Соловьева, есть „Богочеловѣческій процессъ", процессъ постепеннаго установленія Богочеловѣчества, глубиннаго и свободнаго единенія Божескаго и человѣческаго. Предустановленное предвѣчно въ Софіи, какъ идеальной сущности тварнаго міра, оно вторично возстановилось въ Богочеловѣческой личности Христа. Но далѣе оно должно распространиться на весь міръ, и въ этомъ сущность христіанской исторіи; здѣсь снова повторяется тройственный ритмъ: человѣчество должно снова отпасть отъ единства, снова пройти черезъ бездны своевольнаго самоутвержденія, чтобы на послѣдокъ дней своихъ придти къ совершеннѣйшему свободному Богочеловѣчеству, когда будетъ Богъ всяческая во всемъ, и утвердится всесовершенное Царство Божіе на землѣ, т. е. „полнота естественной человѣческой жизни, соединяемой черезъ Христа съ полнотою Божества".

Въ этой идеѣ Царства Божія получаютъ крайнее свое развитіе всѣ основныя идеи Соловьева. Это должна быть „полнота" человѣческой жизни, т. е. вся человѣческая жизнь, нисколько не урѣзанная, должна войти въ завершающій міровой синтезъ. Ничто не будетъ выключено, какъ недостойное, все будетъ освящено. — Поэтому то будущее и рисовалось Соловьеву въ яркихъ земныхъ краскахъ. И отъ вѣка уготованное Царство оказывалось въ его изображеніи земнымъ государствомъ, возглавляемымъ земнымъ Царемъ, земнымъ Первосвященникомъ и земнымъ Пророкомъ. Въ этотъ моментъ Соловьевъ ставилъ точку и выходило, что именно объ этомъ царствѣ обѣтовано, что ему не будетъ конца... И здѣсь Соловьевъ вполнѣ сходился съ теоретиками безбожнаго общественнаго идеала, тоже чаявшими преодолѣнія всѣхъ жизненныхъ дисгармоній здѣсь, а не тамъ, за историческимъ горизонтомъ, у Отца свѣтовъ... И такъ же, какъ они, вѣровалъ въ концѣ концовъ въ „естественное теченіе вещей", въ незыблемые законы имманентнаго развитія міра, „лучшаго изъ возможныхъ".

II.

Соловьева часто обвиняли въ пантеизмѣ. Но не въ этомъ лежалъ proton pseudos его религіозно-философскаго построенія. Грань между вѣчнымъ безначальнымъ и тварнымъ, между безусловнымъ и конечнымъ никогда не стиралась въ его сознаніи; и онъ неоднократно, даже съ преувеличеніемъ подчеркивалъ противоположность этихъ началъ. Коренной изъянъ его міроощущенія заключался въ другомъ, въ полномъ отсутствіи трагизма въ его религіозномъ воспріятіи жизни. Грѣхъ онъ воспринималъ слишкомъ узко, однимъ умомъ, и для преодолѣнія его ему не казалось нужнымъ разрывать непрерывность естественнаго природнаго порядка. Міръ представлялся ему въ видѣ идеально построеннаго механизма, неуклонно и точно повинующагося безупречнымъ законамъ, даннымъ Всемогущимъ и Премудрымъ Творцомъ. Оттого его такъ привлекала эволюціонная гипотеза, и онъ примѣнялъ ее для... доказательства Воскресенія Христова. его необходимости и, слѣдовательно, реальности. Вѣдь его „ждетъ и томится природа."

Нравственный дуализмъ Добра и Зла воспринимался имъ слишкомъ абстрактно, реальности „идеала Содомскаго" онъ не ощущалъ. Искушенія и соблазны казались ему лишь необходимыми моментами осуществленія свободы, неотразимость котораго для него была обезпечена разумностью сущаго, предвѣчнымъ изволеніемъ Бога. И предъ лицомъ неминуемаго торжества всеобщаго преображенія исчезали живыя конкретныя личности человѣческія, и все вниманіе оттягивалось въ сторону отвлеченныхъ формъ общественнаго и космическаго бытія. Для Соловьева цѣннѣе было соединеніе церквей, т. е. формальное объединеніе всѣхъ подъ единою теократической властью, чѣмъ спасеніе индивидуальной души, мятущейся и озлобленной. Идея дороже лица.

Нужно оговориться, — сказанное о Соловьевѣ относится лишь къ первому періоду его жизни. Въ послѣдніе свои годы онъ прошелъ черезъ трудный религіозный кризисъ, въ очистительномъ огнѣ котораго сгорѣли всѣ его гностическія и теократическія утопіи. Онъ почувствовалъ не только остроту грѣховнаго жала въ индивидуальной душѣ, но и реальность, самостоятельность зла, какъ космическаго начала. Онъ ощутилъ катастрофическій пульсъ исторіи и вмѣсто посюсторонняго Царства увидѣлъ „конецъ исторіи" — Страшный Судъ и второе пришествіе Христово.

„Все великое земное разлетается, какъ дымъ" — на этомъ откровеніи оборвалась его здѣшняя жизнь.

III.

Соловьевъ, Толстой, Достоевскій были предтечами и пророками того періода новаго религіознаго подъема, въ который русская мысль послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій безбожныхъ и богоборческихъ блужданій вступила съ началомъ нынѣшняго вѣка. — „Новое религіозное сознаніе“ складывалось въ „пылу освободительнаго движенія,“ когда завѣтныя, наслѣдственныя надежды, казалось, готовы были вотъ-вотъ осуществиться, — обстановка благопріятствовала возникновенію утопій. И дѣйствительно въ возбужденномъ ожиданіями сознаніи „русская революція,“ — движеніе политическое и соціально-экономическое по происхожденію и своему непосредственному содержанію, — выростала до размѣровъ апокалиптическаго сдвига. Но это была хиліастическая, чувственная апокалиптика, совершенно не осязающая грани, hiatus'a между „здѣсь“ и „тамъ,“ пламенно „взыскующая града,“ но града здѣшняго. Идеалъ свободнаго всеединства повторялся здѣсь снова въ другихъ формахъ, но со всѣми его прелестями и обольщеніями. Религія должна стать всѣмъ, воспринять полноту человѣческой жизни, плотяной и плотской, — для „богоискателей“ этотъ постулатъ превращался въ заданіе — совмѣстить язычество съ „историческимъ,“ „церковнымъ“ христіанствомъ, умирающаго Пана съ Воскресшимъ Христомъ. И, казалось, при дверяхъ уже эпоха Третьяго Завѣта, мистическаго Царства Духа. Въ немъ должна сочетаться правда эллинскаго чувственнаго натурализма съ правдою аскетическаго спиритуализма, свобода и святость плоти съ свободою и святостью духа. — Соловьевъ ждалъ идеальнаго религіознаго государства, Мережковскій, Гиппіусъ, Минскій, Вяч. Ивановъ, Свенцицкій „богопьяной“ (Gottgetrunken) анархической общины. И то, и другое одинаково — рай на землѣ. „Еще немного, еще одно усиліе добра, — восклицалъ одинъ изъ крупныхъ представителей этого теченія, Свенцицкій, — и раздвинутся своды небесные, міръ содрогнется, какъ умирающій больной, и разомъ засіяетъ новое небо надъ новой, прекрасной, нетлѣнной, вѣчной землей“

Религіозная мысль движется здѣсь всецѣло въ предѣлахъ идеи Царства Божія на землѣ: „христіанская общественность занимаетъ мѣсто соціалистическаго общества или идеальной демократіи прежнихъ внѣрелигіозныхъ общественно-историческихъ построеній. Предметомъ желаній по прежнему является здѣсь строй, идеальный порядокъ, какъ таковой. И это несмотря на то, что остро ставится проблема личности, несмотря на увлеченіе индивидуалистической религіозностью внѣцерковныхъ мистическихъ

сектъ. Мало того, несмотря на зарождающееся ощущеніе мірового трагизма „Жизнь," говоритъ Свенцицкій, „не гармоническій аккордъ, а бурный, душу надрывающій диссонансъ". И вмѣстѣ съ тѣмъ отказъ „религіозно осмыслить исторію" по его мнѣнію былъ бы „самымъ безусловнымъ отрицаніемъ Бога," ибо Богъ не могъ создать безсмысленнаго, калейдоскопически-пестраго, безсвязно эпизодическаго, не цѣльнаго міра. Либо исторія — „органическій ростъ Космоса", либо Бога нѣтъ.

Такъ возстановленіе нарушенной вселенской гармоніи заслоняетъ задачу просвѣтленія и спасенія отдѣльныхъ индивидуальныхъ душъ.

Причина этого ясна: между смысломъ міра и его разумностью ставится знакъ равенства, а разумность измѣряется конечнымъ, человѣческимъ масштабомъ. Разумность исторіи отождествляется съ ея планомѣрностью, логичностью въ предѣлахъ человѣческой, „аристотелевской" логики. „Религіозное осмысливаніе жизни превращается въ одинъ изъ варіантовъ теоріи прогресса, словно между разумомъ человѣческимъ и Разумомъ Божественнымъ различіе только количественное, какъ между конечнымъ и безконечнымъ, и въ хрупкія рамки человѣческаго познанія вмѣстима и уловима вся Тайна Божіей Премудрости...

Преодолѣніе раціоналистической ограниченности религіознаго сознанія было возможно только черезъ систематическій философскій анализъ исторической проблемы, и онъ привелъ въ результатѣ къ обостренной постановкѣ вопроса о взаимоотношеніи знанія и вѣры, иначе говоря, Премудрости Божіей, оть вѣка сокровенной, и мудрости человѣческой. Въ отчетливой и ясной постановкѣ вопроса о сущности религіознаго пониманія исторіи, во вскрытіи неизбѣжно присущихъ ему антиномій и заключается главная философская цѣнность русскаго „богоискательства".

IV.

„Знать разумъ всего сущаго, понимать одинаково и въ полѣ каждую былинку и въ небѣ каждую звѣзду" доступно лишь всевѣдѣнію Божію", писалъ въ 1902 г. С. Н. Булгаковъ (тогда профессоръ политической экономіи, теперь — также протоіерей). Для насъ же отдѣльныя событія какъ нашей собственной жизни, такъ и исторіи навсегда останутся ирраціональны. Для нравственнаго дѣйствованія „увѣренность въ томъ, что прогрессъ осуществляется съ механической необходимостью," и ненужна и излишня; „никакіе костыли не нужны для нравственнаго закона!" Ибо не гарантирующее знаніе, а дерзающая вѣра должна лежать въ основѣ жизни. Другими словами, опредѣляющее и направляющее значеніе должно принадлежать не лежащему гдѣ-то впереди, въ предѣлахъ исторической перспективы идеальному строю, а внѣвременной и вѣчной нормѣ, абсолютнымъ нравственнымъ постулатамъ.

Возможно исторію разсматривать двояко: либо смотрѣть на нее, какъ на „процессъ, ведущій къ достиженію нѣкоторой предѣльной, однако исторіи еще имманентной и ея силами достигаемой цѣли;“ либо „усматривать надъ собой и за предѣлами этого міра съ его исторіей сверхприродную цѣль:“ тогда „предъ лицомъ вѣчности блѣднѣютъ и испаряются или же радикально переоцѣниваются всѣ историческія цѣнности.“ „Міръ созрѣваетъ для своего преображенія творческой силой Божества“, исторія „всецѣло есть дѣло воли и всемогущества Небеснаго Отца“ и ея цѣль для человѣка и совершенно непостижима, и не досягаема. Булгаковъ обозначаетъ эти точки зрѣнія соотвѣтственно какъ хиліазмъ и эсхатологію. Хиліазмъ — пассивно-детерминистиченъ, строгая опредѣленность всего происходящаго въ исторіи, „фатумъ закономѣрности“ — для него наивысшая реальность; „исторія берется здѣсь въ такихъ раккурсахъ, что въ ней не остается мѣста свободной человѣческой личности.“ Такова идеологія марксизма, таковъ мусульманскій фатализмъ, такова была апокалиптика не-каноническихъ іудейскихъ пророковъ. И съ этимъ связана абстрактность хиліастическихъ идеаловъ и откровеній: рѣчь идетъ всегда не о конкретныхъ фактахъ, не объ опредѣленныхъ эпохахъ, а о типахъ или схемахъ, о будущемъ вообще, — ибо все другъ на друга похоже и повторяется. Эсхатологія — существенно трансцендентна, она живетъ мыслью о другомъ мірѣ и о предстоящемъ уходѣ изъ этого. И потому она лежитъ въ совершенно отличной религіозно-метафизической плоскости — пути Промысла несоизмѣримы человѣческимъ путямъ, тамошнее не похоже на здѣшнее. Зло ощущается здѣсь, какъ реальная самоутверждающаяся сила, и міровой и историческій процессы — какъ метафизически-реальная трагедія. Но разыгрывается она за предѣлами эмпирической исторіи. — „Для христіанъ,“ говоритъ В. Ф. Эрнъ, близко подходящій въ этомъ смыслѣ къ Булгакову, — „будущее — не мирный культурный процессъ постепеннаго наростанія всякихъ цѣнностей, а катастрофическая картина все растущихъ взрывовъ; наконецъ, послѣдній взрывъ, послѣднее напряженіе — и тогда конецъ этому міру, начало Новаго, Вѣчнаго, абсолютнаго Царствія Божія.“ И „будетъ нѣкогда день, и погибнетъ въ громахъ и молніяхъ великаго Страшнаго Суда старый міръ, Ангелы вострубятъ, небеса совьются, какъ свитокъ, Время исчезнетъ, Смерть побѣдится, и изъ пламени преображенія возникнетъ новая земля подъ новыми небесами. Тогда этого міра уже больше не будетъ.“

Въ такой перспективѣ совершенно ясно, что „собирать сокровища“ нужно не на землѣ, гдѣ все тлѣнно, а на небесахъ... И переводя это на языкъ обыденный, нужно сказать — цѣнность не въ тѣхъ или иныхъ формахъ эмпирическаго существованія, а — въ душѣ человѣческой. Мѣняется способъ оцѣнки:

на смѣну прежнему, хронологическому, когда достоинство историческаго достиженія однозначно опредѣлялось его разстояніемъ во времени отъ вѣнчающей идеальной цѣли, приходитъ внѣвременный, — и приговоръ произносится въ зависимости отъ того, какое содержаніе воплощено въ данныхъ формахъ. Этимъ личность окончательно изъемлется изъ-подъ владычества времени и рока. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ оказываются возможными праведники. Каждая эпоха оцѣнивается сама по себѣ, измѣряется однимъ и тѣмъ же не мѣняющимся въ исторической перспективѣ мѣриломъ — абсолютной, религіозно-нравственной нормой.

И все-таки время существуетъ. Мы живемъ въ исторіи. И хотя исторія не поддается безвредному раціонализированію, не можетъ быть „осмыслена“ логически, безъ того чтобы не обезсмыслиться этически,—все же какой-то „смыслъ“ она имѣетъ, если только міромъ правитъ Богъ. Но этотъ смыслъ не можетъ быть постижимымъ, не можетъ сполна исчерпываться никакими человѣческими опредѣленіями. Это по истинѣ — тайна.

Такъ вопросъ о смыслѣ исторіи приводитъ къ вопросу о вѣрѣ. — Исторія имѣетъ смыслъ и исторія непостижима, загадочна. Эта антиномія разрѣшается тогда, когда, расчленяется смыслъ познаваемый отъ смысла вѣруемаго.

V.

Въ основѣ противоположенія знанія и вѣры лежитъ глубокая психологическая и этико-метафизическая противоположность — свободы и необходимости. Знаніе и вѣра рождаются изъ различныхъ міроощущеній, въ разныхъ плоскостяхъ: какъ удачно выражается Н. А. Бердяевъ, если вѣра есть „вещей обличеніе невидимыхъ“, то знаніе слѣдуетъ назвать“ обличеніемъ вещей видимыхъ“. „Знаніе — принудительно, вѣра — свободна“; „знаніе носитъ характеръ насильственный и безопасный“, пишетъ Бердяевъ, „въ вѣрѣ, въ обличеніи невидимыхъ вещей, въ волевомъ избраніи иныхъ міровъ есть рискъ и опасность. Въ дерзновеніи вѣры человѣкъ какъ бы бросается въ пропасть, рискуетъ или сломать себѣ голову или все пріобрѣсти... Требованіе отъ вѣры, гарантій, даваемыхъ знаніемъ, представляется похожимъ на желаніе пойти ва банкъ въ азартной игрѣ, предварительно подсмотрѣвъ карту“. Психологическую природу вѣры характеризуетъ знаменитое Тертулліановское выраженіе „credo quia absurdum.“ „Нужно рискнуть, согласиться на абсурдъ, отречься отъ своего разума, все поставить на карту и броситься въ пропасть...“—только этотъ подвигъ самоотреченія и самоотдачи переводитъ за „слишкомъ человѣческіе“ предѣлы. И раскрывается разумность міра, но не человѣческая, а Высшая, Вѣчная, Божественная. „Я вѣрю въ

Бога моего," формулируетъ Бердяевъ религіозную установку сознанія, „не потому, что доказано мнѣ бытіе Его, что я принужденъ къ принятію Его, что гарантированъ я залогами съ небесъ, а потому, что я люблю Его"..

Такъ знаніе и вѣра сводятся соотвѣтственно къ покорности и дерзновенію. И вмѣстѣ съ тѣмъ лишь въ вѣрѣ постиженіе смысла связывается жизненно съ познающей личностью, только вѣра есть событіе, глубоко и широко врѣзывающееся въ ея жизнь. А знаніе — скользитъ по поверхности. И мало того, односторонній интеллектуалистическій идеалъ познанія возводитъ эту поверхность въ норму: онъ настаиваетъ на внѣреальности, на „идеальности" познанія, на томъ, что знаніе не есть событіе, что въ немъ не происходитъ существеннаго касанія съ дѣйствительностью, съ „мірами иными." Въ глубинѣ чувствуется духъ отчужденія, холодности, равнодушія, — тогда какъ истинная вѣра всегда пламенна, всегда — любовь.

Съ наибольшею яркостью и полнотою этотъ циклъ мыслей раскрывается въ религіозно-философской концепціи священника о. П. А. Флоренскаго, книга котораго „Столпъ и Утвержденіе истины."

Опытъ православной Θеодицеи" является безъ сомнѣнія самымъ значительнымъ фактомъ въ русскомъ религіозномъ движеніи послѣдняго времени. Здѣсь совмѣщается необычный захватъ философской и богословской эрудиціи и сила и гибкость діалектики съ высокой напряженностью интуитивныхъ прозрѣній и глубиною непосредственнаго религіознаго чувства. „Живой религіозный опытъ, какъ единственный законный способъ познанія догматовъ" — такъ мнѣ хотѣлось бы выразить общее стремленіе моей книги" — начинаетъ о. Флоренскій свое вводное обращеніе къ читателю; и вся его книга написана именно на основѣ такого „живого религіознаго опыта", опирается на „опытныя данныя" и при томъ на данныя опыта церковнаго.

Основная идея Флоренскаго это противоположность познанія разсудочнаго и познанія духовнаго, которую онъ раскрываетъ прежде всего примѣнительно къ словамъ Христа: „утаилъ се отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ" (Мѳ. XI. 25). „Истинная человѣческая мудрость, истинная человѣческая разумность недостаточна по тому самому, что она человѣческая. И, въ тѣ-же время, умственное„ младенчество," отсутствіе умственнаго богатства, мѣшающаго войти въ Царство Небесное, можетъ оказаться условіемъ стяжанія духовнаго вѣдѣнія. Но полнота всего — въ Іисусѣ Христѣ, и потому вѣдѣніе можно получить лишь чрезъ Него и отъ Него." Оттого то „изъ рожденныхъ женами не возставалъ большій Іоанна Крестителя, но меньшій въ Царствѣ Небесномъ больше его" (Мѳ. XI. II).

Для человѣческаго разума познаніе истины, какъ обрѣтеніе

непререкаемой достовѣрности, рѣшительно недоступно, и единственный достижимый имъ результатъ, это—скептическое epochè, воздержаніе отъ всякаго утвержденія; психологически это вовсе не ataraxia, не „глубокое спокойствіе отказавшагося отъ какихъ бы то ни было высказываній духа," а — невыносимое духовное бореніе среди неизвѣстностей, „какой-то нечленораздѣльный философскій вопль," „поистинѣ огненное терзаніе." Выходъ только въ вѣрѣ; для этого надо отказаться отъ догматической предпосылки, будто „изъ недостовѣрнаго не можетъ получиться достовѣрнаго," и — дерзать. „Кто не хочетъ погубить душу свою, тѣ пусть же пребываютъ въ геенѣ, въ неугасимомъ огнѣ epochè, „гдѣ червь ихъ не умираетъ, и огонь ихъ не угасаетъ" (Мр. IX. 44, 48, 46)." Такъ поступали аріане, соблазнявшіеся разсудочною непонятностью никейскаго символа, логическимъ безсмысліемъ omoousios; слова упрека, брошенныя Евноміемъ братьямъ-каппадокійцамъ, „вы дерзаете учить и мыслить невозможное" — есть типическое выраженіе разсудочнаго соблазна предъ откровенной Истиной, выраженіе худшаго изъ видовъ безбожія, такъ называемой „разумной" вѣры. Здѣсь непризнаніе „вещей невидимыхъ" лицемѣрно маскируется, — признается бытіе Бога, но отвергается самое существо Его — „невидимость." Вѣрить надо „вопреки стонамъ разсудка," мало того, именно потому, что разсудокъ къ данному утвержденію вѣры враждебенъ. — „Обливаясь кровью буду говорить въ напряженіи: Credo quia absurdum est. Ничего, ничего не хочу своего, — не хочу даже разсудка. Ты одинъ, — Ты только. Dic animae meae: Salus ta Ego sum! Впрочемъ, не моя, а Твоя воля да будетъ..." „Надобно стать на вполнѣ новую землю, о которой у насъ нѣтъ и помину. Мы даже не знаемъ, есть ли въ дѣйствительности эта новая земля, — не знаемъ, ибо блага духовныя, которыхъ мы ищемъ, находятся внѣ области плотскаго познанія: они — то, — „чего око не видѣло и ухо не слышало, и что на сердце человѣку не восходило (I Кор. II 9; срв. Ис. LXIV. 4)." „Чтобы придти къ Истинѣ, надо отрѣшиться отъ самости своей, надо выйти изъ себя; а это для насъ рѣшительно невозможно," но „Богъ Авраама, Исаака, Іакова, а не Богъ философовъ и ученыхъ" [слова Паскаля] приходитъ къ намъ, приходитъ къ одру ночному, беретъ насъ за руку и ведетъ такъ, какъ мы не могли бы и подумать. „Человѣкамъ это невозможно, Богу же все возможно (Мѳ. XIX; 26 срв. Мр. X. 27)." „Не интуиція и не дискурсія даютъ вѣдѣніе Истины. Оно возникаетъ въ душѣ отъ свободнаго откровенія самой Тріипостасной Истины, отъ благодатнаго посѣщенія души Духомъ Святымъ." А путь къ стяжанію Духа — путь умнаго дѣланія, внутренняго подвига духовнаго. Христіанская философія есть „философія личности и творческаго подвига."

По содержанію озаренія Духа, религіозныя откровенія рѣши-

тельно не вмѣстимы въ логическія рамки, для мысли — они антиномичны, внутренне противорѣчивы. И въ этомъ фактѣ противорѣчій, пронизывающихъ всю область религіозной догматики, обнаруживается не ея, а наша слабость, нашъ грѣхъ. И только потому, что догматы противорѣчивы, въ нихъ можно (фактически возможно) вѣрить; — будь они понятны, „вѣрить тутъ (было бы) нечему, очищать себя и творить подвигъ — не для чего:“ все было бы легко и просто общедоступно. И Флоренскій показываетъ дѣйствительную наличность „догматическихъ антиномій,“ между прочимъ, у апостола Павла. Эти видимыя непросвѣщенному взгляду противорѣчія претворяются въ цѣльность для духоноснаго взора. — Самый яркій примѣръ являетъ собою эсхатологическій догматъ: если исходить изъ понятія о Богѣ, какъ Любви, то „невозможна невозможность всеобщаго спасенія;“ если исходить изъ идеи твари, какъ свободнаго созданія Божія, то нельзя „допустить, чтобы могло быть спасеніе безъ отвѣтной любви къ Богу“, и при этомъ любви свободной, не принужденной Богомъ, т. е. „возможна невозможность всеобщаго спасенія.“ Идеи прощенія и воздаянія неизбѣжно предполагаютъ другъ друга и въ то же время другъ друга исключаютъ. Одинаково несомнѣнно и то, что будутъ вѣчныя муки, — ибо вѣдѣніе Истины и общеніе съ нею можетъ быть только вольнымъ,— и то, что будетъ всеобщее возстановленіе, apokatastasis, — ибо Богъ любовь. И лишь вѣрѣ открываются ta eschata.

Но вѣра не есть преходящее, мимолетное состояніе человѣческой души, а постоянный опредѣленный ея укладъ, опредѣленный tonos ея, — цѣлостность или цѣломудріе духа. Достижима эта ступень духовнаго строя лишь въ Церкви. Но Церковь не есть нѣчто поддающееся формально-логическому опредѣленію. „Нѣтъ понятія церковности, но есть сама она, и для всякаго живого члена Церкви жизнь церковная есть самое опредѣленное и осязательное, что знаетъ онъ.“ „Самая эта неопредѣлимость церковности, ея неуловимость для логическихъ терминовъ, ея несказанность не доказываетъ ли, что церковность — это жизнь, особая новая жизнь, данная человѣкамъ...“ И можно ли Тѣло Христово, „полноту наполняющаго все во всемъ“ (Еф. I, 23) уложить „въ узкій гробъ логическаго опредѣленія?“ Въ этомъ смыслѣ познаніе истины и есть истинная жизнь.

Познать истину въ подлинномъ и глубочайшемъ смыслѣ, это значитъ не скопировать или пассивно отобразить въ своемъ сознаніи что-то, стоящее внѣ познающаго и ему въ существѣ своемъ чуждое и безразличное. Познать истину значитъ — стать истиннымъ, т. е. осуществить свое идеальное, предвѣчное Божественное назначеніе или, какъ выражается В. Ф. Эрнъ, найти и выявить свой „софійный ликъ,“ найти свое под-

линное „мѣсто во вселенной и Богѣ.“ „Истина,“ по его выраженію, „можетъ быть доступна человѣку только потому, что въ человѣкѣ есть мѣсто Истинѣ,“ т. е. онъ есть образъ Божій, и ему доступенъ безконечный и постоянный ростъ въ осуществленіи вѣчной идеи своего существа. Единственный путь истиннаго вѣдѣнія это путь христіанскаго подвижничества. Познать истину можетъ лишь тотъ, кто раскроетъ въ себѣ „внутренняго человѣка,“ кто станетъ тѣмъ, чѣмъ ему предназначено быть таинственнымъ изволеніемъ Божіимъ и чѣмъ онъ былъ бы, если бы не было грѣхопаденія.

VI.

Таковы предѣльныя достиженія русской религіозно-философской мысли.

Начавъ замысломъ всеобъемлющаго религіознаго синтеза, пріятія и освященія всей жизни въ ея теперешнемъ, эмпирически-данномъ видѣ, она кончаетъ полнымъ отреченіемъ отъ міра и всего, „еже въ немъ,“ тѣмъ болѣе полнымъ, что оно совершается не во имя отрицательнаго нравственнаго значенія „міра,“ а во имя его полной безцѣнности. Борьба со зломъ переносится въ новую плоскость: религіозно-воспринимаемое зло отлично отъ того, что признается зломъ въ предѣлахъ „естественной“ жизни: — мы видѣли, что знаніе, мудрость есть зло предъ судомъ вѣры. И въ глубинахъ религіознаго сознанія совершается духовный нравственный подвигъ: отреченіе отъ с в о е г о разума, отъ „п о н и м а н і я“ — его первый шагъ; о т к р о в е н і е — его содержаніе.

Въ исходномъ пунктѣ —ощущеніе божественнаго элемента въ человѣческомъ разумѣ; въ заключительномъ прозрѣніи — исповѣданіе тщетности и суетности человѣческой мудрости. „Проповѣдуемъ премудрость Божію, тайную, сокровенную, которой никто изъ властей вѣка сего не позналъ... А намъ Богъ открылъ это Духомъ Своимъ, ибо Духъ все проницаетъ, и глубины Божіи“ (I Кор. II. 7. 8. 10).

Мы безконечно далеки отъ того, чтобы приписывать значеніе безусловной, канонической достовѣрности результатамъ и достиженіямъ русскаго религіознаго исканія. Но необходимо признать принципіальную правильность вновь избраннаго пути. Его сила не въ самоутвержденіи логическаго познанія, а въ смиреніи самоотреченія предъ тайною Божіей и въ жаждѣ подвига. — И не рискуя ошибиться, можно сказать, что одинъ, по крайней мѣрѣ, совершенно не подлежащій сомнѣнію урокъ вынесла изъ этого процесса исканій и бореній православная богословская мысль: за образецъ и источникъ вдохновенія христіанское умозрѣніе должно брать не тѣ богодухновенныя начальныя слова Благовѣстія Евангелиста-Богослова, которыми вдохновлялась свято-

отеческая мысль первохристіанской эпохи, а, такъ сказать, болѣе элементарныя, ближе подходящія къ ограниченнымъ силамъ падшаго созданія слова, которыя писалъ коринѳской церкви Апостолъ Языковъ. На вершинахъ Богомудрія ощущается и осязается Логосъ, раскрывается Премудрость Божія. Но начинать сразу съ такихъ высотъ и непосильно, и небезопасно. Въ началѣ должно стоять покаянное сознаніе немощи своего разумѣнія, трепетъ тайны."

„Ибо написано: погублю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ отвергну" (Исаія XXIX. 14)... потому что немудрое Божіе премудрѣе человѣковъ, и немудрое Божіе сильнѣе человѣковъ (Кор. I. 19. 25).

Приватъ-доцентъ Георгій В. Флоровскій.

Чему можетъ поучиться русская молодежь у Чеховъ.

Чешскій народъ оказываетъ широкое гостепріимство русской студенческой молодежи, онъ взялъ на себя всѣ матеріальные расходы молодежи и раскрылъ передъ нимъ двери всѣхъ высшихъ чешскихъ учебныхъ заведеній.

Не сомнѣваюсь, что чувство благодарности останется у этихъ молодыхъ людей на всю жизнь, что изъ прекрасныхъ чешскихъ школъ они увезутъ обширныя познанія.

Но все же этого мало.

Надо чтобы наши молодые люди вдумались въ культуру чешскаго народа, въ самый народъ и въ его государственный строй такъ, какъ онъ дѣйствуетъ въ жизни. Только тогда они увезутъ изъ Чехіи настоящее богатство и при томъ именно то, которое имъ необходимо.

Въ чехахъ мы видимъ рѣдкій для насъ примѣръ. Сохранивъ всю широту мысли, всю ласковость сердца, свойственныя славянамъ, они сумѣли подъ игомъ нѣмецкимъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій сковать себѣ желѣзный настойчивый характеръ.

Они не только не утратили своей національности, но въ борьбѣ упорной, объединенной, добились равноправія съ нѣмцами еще гораздо ранѣе, чѣмъ случился развалъ австрійской имперіи; они заставили себя уважать, уважать свою культуру, взрощенную при столь неблагопріятныхъ условіяхъ.

Вотъ примѣръ для всѣхъ славянскихъ племенъ. Для отчаянія и гибели вѣдь было слишкомъ много данныхъ въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. Въ борьбѣ обрѣтешь ты свое право. И потому, смотря на окружающую кипучую жизнь, исполненную радости и торжества, не надо забывать, что все это добыто настойчивой борьбой и тяжкими страданіями многихъ поколѣній. Радости и торжество съ неба не сваливаются.

Первый неоцѣнимый для насъ урокъ и въ особенности для нашей интеллигенціи, неумѣющей и по нынѣ объединяться для борьбы и бороться не истерически-эффектно, а буднично-настойчиво.

Чувство національное, любви къ родинѣ и гордости народной у насъ совсѣмъ отсутствовало до послѣдняго времени. Не

только племена одного русскаго народа разошлись въ разныя стороны, но собственно какъ то и слова „Россія“ не сохранилось, повидимому оно никому и дорого то не было.

Здѣсь въ Чехо-Словакіи національное чувство пылаетъ. Здѣсь помнятъ твердо и при томъ всѣ каждаго выдающагося чеха. Весь городъ, каждая улица, каждая площадь — это національный музей, это чешскій пантеонъ. А чешское славное сокольство, въ которомъ плоть укрѣпляется только для того чтобы бодръ и ясенъ былъ духъ, конечно чешскій національный духъ.

Вся страна весь народъ преисполненъ этой любви къ своему славному прошлому, ко всему своему. Прага не только столица, это гордость національная и со всѣхъ концовъ страны везутъ дѣтишекъ изъ народныхъ школъ посмотрѣть Прагу, чтобы каждый будущій гражданинъ чешскій зналъ бы, что у него на родинѣ есть, чѣмъ ему гордиться, за что платить, а можетъ быть и умирать.

Неудивительно, что такой выкованный, сложившійся, одухотворенный любовью къ родинѣ, народъ создалъ себѣ и достойный его государственный строй — конституцію 29 февралля 1920 года.

Въ нее стоитъ вдуматься, всмотрѣться, здѣсь все прочно, обдуманно и честно. Я именно говорю честно и честность эта состоитъ въ томъ, что въ конституціи нѣтъ словъ, которыя бы не осуществлялись въ жизни. Это надо твердо запомнить тѣмъ, которые желаютъ строить новое отечество.

Если въ конституціи проведено строго послѣдовательно начало демократизма, то оно столь же послѣдовательно проводится и всею жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, оно изъ жизни взято и конституціею освящено и закрѣплено.

А выше началъ честнаго демократизма, т. е. дѣйствительнаго равенства всѣхъ и господства дѣйствительнаго большинства въ народѣ, пока человѣчество не придумало, отъ него не могли отказаться, ни новая германская, ни новая польская конституціи. Поэтому и слова первой статьи „Народъ есть единственный источникъ государственной власти въ Ч.-С. Р.“ не украшеніе на фронтонѣ, а правда.

Достаточно обратиться къ закону объ избраніи въ палату депутатовъ и въ Сенатъ, чтобы преклониться передъ тою тщательностью, съ которою оберегаются всѣ голоса всѣхъ партій, которыя не получили, такъ сказать, примѣненіе при выборахъ въ округѣ, были недостаточны для проведенія кандидатовъ, но которые при объединеніи на всю страну все же дадутъ партіи нѣсколько голосовъ. Въ случаѣ столкновенія правительства съ палатами по поводу законопроекта у правительства (ст. 46) имѣется исходъ — обращеніе къ референдуму. Чтобы представительство народное не прерывалось на время роспуска па-

латъ образованъ (ст. 54) особый комитетъ изъ состава обѣихъ палатъ. Честный демократизмъ, особенно выгодно отличающій новый строй отъ прежняго, проявляется и въ высшей степени бережномъ отношеніи къ національнымъ меньшинствамъ.

Если въ конституціи проведены начала строгой охраны личныхъ правъ гражданина, то это настолько осуществляется, что недавно, какъ сообщали газеты, соціалистическая партія полагала обратиться черезъ здѣшнюю коммунистическую партію въ Москву, съ просьбою установить въ совѣтской республикѣ такія условія жизни для соціалистовъ, какія существуютъ въ Чехо-Словакіи для коммунистовъ.

Я говорю, что чехи построили свой государственный строй прочно.

Съ какою осмотрительностью люди допускаются къ участію въ управленіи страною! Въ палатѣ депутатовъ могутъ засѣдать только лица, достигшіе 30 лѣтняго возраста, а въ Сенатѣ 45 л.; составители конституціи не побоялись упрековъ со стороны новыхъ вѣяній, которыя утверждаютъ, что хорошее есть уже аристократическое, что въ настоящей демократіи все среднее, а потому въ 20 лѣтъ человѣкъ долженъ и законодательствовать и управлять и судить.

Какъ смотрятъ высоко на обязанности гражданина: ему предоставляютъ право выбора въ палаты; это не его частное право, это необходимо для государства, а потому это не только право, но и обязанность и за уклоненіе отъ нея штрафъ до 5000 кронъ или тюремное заключеніе до 1 мѣсяца.

Созданы двѣ палаты: одна изъ нихъ, верхняя, очень часто превращается изъ махового колеса, выравнивающаго движеніе, въ тормазъ. Но законъ такъ подробно предусмотрѣлъ сроки разсмотрѣнія и „залеживанія“ и измѣненій законопроектовъ, что ничего подобнаго здѣсь быть не можетъ.

Можно бы было указать на замѣчательную постановку финансоваго дѣла, на прекрасные законы объ аграрной реформѣ, но для всего этого въ статьѣ нѣтъ мѣста.

Одинъ только выводъ: необходимо кромѣ школьнаго образованія еще предметное обученіе по всему строю чешскаго народа и только тогда наша студенческая молодежь возвратится на родину готовою для строительства у себя дома и не забудетъ всѣхъ неисчерпаемыхъ духовныхъ богатствъ гостепріимной страны.

С. Гогель.

Душа Праги *).

Говорить о Прагѣ, это говорить о непостижимомъ и трудно опредѣляемомъ свойствѣ каждаго мѣста, которое древніе римляне называли Genius loci, — геній мѣста, это говорить о чемъ-то неуловимомъ, хотя явно присущемъ, о чемъ-то незримомъ и все же почти осязательномъ, говорить о душѣ города.

Вы видѣли много городовъ Европы. Вамъ приходилось бывать въ разныхъ пунктахъ земного шара. И, вѣроятно, вы замѣтили, что каждое мѣсто, каждый городъ, каждая улица и переулокъ имѣютъ свой особенный характеръ, свои особыя черты, какъ каждому человѣку свойственны свои особенныя очертанія лица. И вотъ именно въ этомъ и заключается душа города, въ этихъ особыхъ очертаніяхъ городского лика. Душа города витаетъ надъ его домами, дворцами и храмами, душа города опредѣляется характеромъ его обывателей, душа города живетъ на улицахъ, на бульварахъ, на фабрикахъ, въ озаренныхъ электричествомъ магазинахъ и скверахъ.

Трудно называть обыкновенно то, что намъ кажется самымъ близкимъ и осязательнымъ. И душа города, которую каждый чувствуетъ, видитъ, съ которой мы сжились — неуловима для нашей мысли, закрыта нашимъ очамъ. Душа города, какъ душа человѣческая. Она источникъ жизни, причина всѣхъ причинъ, скрытая отъ тѣлесныхъ очей. Мы съ нею живемъ и умираемъ. Городъ можетъ потерять свою душу, стать пустымъ и безжизненнымъ; есть и мертвые города. Есть и города, которые перемѣнили свой характеръ, получили новую душу; есть города, которые мертвыми и родились. Поэтому душа города есть совокупность всѣхъ частицъ, творящихъ городъ какъ таковой. Исторія города, стиль его зданій, дворцовъ, храмовъ и фабрикъ, его населеніе, его національныя и соціальныя настроенія — вотъ истинная душа города.

---

*) „Душа Праги“ лекція чешскаго писателя д-ра Франтишка Кубка, прочитанная въ Прагѣ русскимъ студентамъ.

Редакція.

Душа Праги опредѣляется ея исторіей. Прага является однимъ изъ стариннѣйшихъ городовъ Европы. Надо вернуться въ темноту средневѣковья, чтобы найти первыя свѣдѣнія объ этомъ маленькомъ деревянномъ городкѣ въ самомъ сердцѣ Чехіи, надъ рѣкой Волтавой, которая собираетъ свои воды изъ гранитныхъ горъ Шумавскихъ и всей южной Чехіи, чтобы, омывъ подножія княжескаго города Праги, броситься въ объятія широкой Лабы, рѣки коварной и невѣрной, уносящей воды славянскаго народа къ германской низинѣ.

Благодаря своему положенію на берегахъ прекрасной рѣки, Прага являлась удобнымъ мѣстомъ для постройки дворцовъ и градовъ, для учрежденія сильной, центральной княжеской власти.

Первымъ населеннымъ мѣстомъ города Праги былъ миѳическій Вышеградъ, та скала надъ Волтавой, гдѣ теперь стоитъ соборъ Св. Петра и Павла, гдѣ надъ рѣкой съ ея новой промышленной жизнью нынѣ торчатъ остатки бывшихъ австрійскихъ фортовъ и казематовъ. Здѣсь, въ Вышеградѣ, въ тихомъ саду, куда доносится гулъ современной столичной жизни, теперь находится кладбище всѣхъ великихъ сыновъ чешскаго народа. Вышеградъ, — послѣдній апофеозъ чешскихъ великановъ. Двѣ бѣлыя соборныя башни высятся на южномъ горизонтѣ, какъ два готическихъ пальца, указывающихъ христіанамъ путь отъ земли къ небу. По народнымъ разсказамъ, княжной Либушей, миѳической прематерью чешскаго народа на этомъ мѣстѣ былъ учрежденъ первый градъ чешскихъ князей. Отсюда вышли первые князья Чехіи Пржемысловцы, сыновья Либуши и хлѣбопашца Пржемысла. Крестьянинъ Пржемыслъ по сказкѣ былъ первымъ княземъ Чехіи. Въ этомъ чешскій народъ видитъ символъ своей исторіи. Чехи хлѣбопашцы, крестьяне, видѣли въ теченіи своей древней исторіи въ крестьянствѣ идеалъ жизни.

Противъ Вышеграда на западной сторонѣ теперешняго города были, по разсказамъ чешскихъ хроникъ, густые лѣса. Передъ своей смертью Либуша пригласила къ себѣ весь свой дворъ и въ экстатическомъ видѣніи пророчествовала, что на этой сторонѣ Волтавы возникнетъ великій и знаменитый городъ, которому дала названіе „Прага“, оттого, что рѣка здѣсь дѣлаетъ могучіе пороги, по чешски „праги.“

Либуша въ чешской исторической сказкѣ называется прематерью города Праги. Если Вы будете въ Національномъ чешскомъ театрѣ на оперѣ Сметаны „Либуша“, вы увидите и услышите нашу народную былину, воплощенную въ грандіозные музыкальные ритмы. Въ ней Либуша, въ пророческомъ

предвидѣніи, вѣщаетъ будущность Праги, кровавую и славную, униженную и освобожденную, Прагу, встающую во мглѣ грядущихъ дней!

Къ Прагѣ, — первое названіе нынѣшнихъ Градчанъ, тогда дѣйствительно приковывались всѣ чаянія и надежды Чешскаго народа.

И поэтому въ миѳѣ объ основательницѣ его, предсказавшей великую будущность нашему народу, таятся великіе идеалы.

Вокругъ Праги—Градчанъ возникла въ XI-омъ вѣкѣ столица княжества, а позже королевства Чешскаго. Нѣмецкіе купцы, приглашенные чешскими князьями, пріучили народъ къ торговлѣ и значеніе Праги настолько выросло, что народъ самъ покорился ей, какъ головѣ всей націи. Постепенно исчезли всѣ мелкія княжества въ Чехіи и Моравіи и, несмотря на долгія междусобья, Прага стала всеобще признанной политической и національной столицей.

Средніе вѣка считаютъ Прагу однимъ изъ самыхъ главныхъ центровъ европейской культуры. Чешскій народъ во главѣ съ чешскимъ королемъ сталъ частью Римской имперіи. Чешскій король, какъ курфюрстъ имперіи римско-нѣмецкой націи, сталъ типичнымъ королемъ западнаго средневѣковья. Чехія воспринимала культуру Запада и сама участвовала въ этой культурѣ въ значительной мѣрѣ.

Романскій и готическій вѣка оставили свои слѣды въ Прагѣ. Рыцарство процвѣтало. Турниры и поединки рыцарей были любимымъ занятіемъ аристократіи, воспитанной по традиціямъ французскаго и нѣмецкаго рыцарства. Прагу сдѣлали каменной твердыней.

XII и XIII вѣка видѣли полный расцвѣтъ этой средневѣковой Праги.

Много нѣмецкихъ элементовъ проникло тогда въ Прагу. Рыцарство и купечество онѣмечилось или же было сплошь чисто нѣмецкимъ.

Короли, которые старались подражать остальнымъ монархамъ Римской имперіи, черезчуръ щедро покровительствовали этимъ пришельцамъ и тѣмъ самимъ породили причины къ протесту и волненіямъ среди чешской аристократіи. Но большая часть населенія все-же оставалась чешской. Прага расширялась и уже въ XIII вѣкѣ перебросилась и на другой берегъ Волтавы, гдѣ возникло такъ навываемое „Старое Мѣсто.“

Въ XIV вѣкѣ наступаетъ прекраснѣйшій періодъ Праги. Король Карлъ IV, римскій императоръ, статуя котораго сто-

итъ передъ зданіемъ Клементинума, положилъ основаніе нашей современной Прагѣ. Онъ же заложилъ фундаментъ собора св. Вита на Градчанахъ (1344 г.), этого чуда готической архитектуры; онъ-же основалъ и мостъ Карла, который соединяетъ „Старое Мѣсто“ съ Малой Страной, этотъ историческій мостъ, единственный по своей красотѣ и старинѣ въ средней Европѣ. Въ 1348 г. Карлъ основалъ Пражскій университетъ. Король Карлъ воспитывался въ Парижѣ, но никогда онъ не забывалъ, что происходитъ отъ крови чешскаго крестьянина Пржемысла, любилъ свой народъ любовью для среднихъ вѣковъ почти непонятной. Онъ весь свой жизненный идеалъ видѣлъ въ томъ, чтобы не только Прагу сдѣлать похожей на Парижъ, но чтобы и весь блескъ римскаго императора разлился бы по дворцамъ и храмамъ его столицы, гдѣ онъ для сыновъ чешскаго народа учредилъ свой Пражскій Латинскій университетъ, а для короны св. Вячеслава построилъ близъ Праги Карловъ Тынъ.

„Новое мѣсто“ Пражское разрослось благодаря торговлѣ, служившей источникомъ матеріальнаго благополучія его обывателей.

Надъ „Старомѣстской“ площадью съ начала XV вѣка гордо возвышается соборъ Тына, этотъ старый памятникъ съ двумя башнями, стоящій противъ старой ратуши.

Въ Италіи начиналось „Возрожденіе“.—„Воскресшіе Боги“, какъ это въ „Леонардо да Винчи“ сказалъ Мережковскій, воскресли, въ душахъ сѣверныхъ славянъ и въ мистическихъ настроеніяхъ религіознаго короля. Тогда въ Прагѣ былъ Петрарка, который убѣждалъ могучаго короля Чехіи перейти въ Римъ и основать новую панитальянскую имперію. Но Карлъ пожелалъ остаться въ Прагѣ и украшать свой любимый городъ постройками небывалой красоты. Великій французскій архитекторъ, Матвѣй изъ Арраса строилъ соборъ съ фресками, которыя исторія искусства назвала типичной живописью средневѣковья; расписалъ стѣны дворцовъ и храмовъ чешскій мастеръ Дитрихъ Пражскій. Карлъ былъ основателемъ соборовъ св. Вита на Пражскомъ градѣ, св. Генриха, вблизи Вацлавской площади, св. Стефана въ Новомъ Градѣ, св. Карла недалеко отъ Вышеграда. Отъ Карла начинается и исторія извѣстнаго монастыря и храма Эмаузъ.

Въ XV вѣкѣ надъ трупомъ Карла IV разразилась Чешская революція. Эта трагическая революція духа, которая вспыхнула въ Прагѣ, захватила весь западный міръ и вылилась, впослѣдствіи, въ 30 лѣтнюю войну. Гуссистское движеніе, которое было преддверіемъ реформаціи, началось въ Прагѣ. Въ самой серединѣ стараго города, недалеко отъ Клементинума нахо-

дится небольшая площадь, такъ называемая Виѳлеемская, гдѣ проповѣдывалъ народу правду Божію ІоаннъПредтеча реформаціи Янъ Гусъ. Тамъ, въ одномъ изъ домовъ, сохранился порталъ древняго домика, въ которомъ жилъэтотъ вдохновитель Чешскаго народа во всѣхъ его бѣдахъ, въ страданіяхъ и бояхъ, въ которыхъ Чехи побѣждали не силой физической, а силой моральной. Янъ Гусъ, котораго Римскій Папа присудилъ къ смерти на кострѣ, сталъ для Чехіи неугасаемымъ огнемъ, въ которомъ Чехи горѣли и горятъ до сихъ поръ.

Начались Гусситскія Войны; эта побѣдоносная религіозная революція, первая національная революція въ Европѣ, въ которой Чехи стали первыми проповѣдниками націонализма. Выбросивъ изъ Церкви латынь, изъ городовъ — чужестранцевъ-нѣмцевъ, Чехія загорѣлась пожарами, и въ этихъ пожарахъ родился національный духъ Чеховъ. Какъ и всякая революція, гусситская революція кончилась междоусобной войной и реакціей.

Окончательной побѣды не добились ни римская партія, ни гусситы, но Чешскій народъ пробудился отъ средневѣковаго сна и зажегъ надъ своими головами солнце правды.

Гербъ Чехословацкой Республики несетъ, какъ девизъ, слова Яна Гусса: Pravda vítězí (правда побѣждаетъ).

Съ 1526 года правили Габсбурги. Первыхъ Габсбурговъ избралъ самъ народъ. Послѣ короткаго, но славнаго періода королей изъ польской крови, Ягеллоновъ, которымъ Прага благодарна за постройку башни надъ мостомъ Карла, Прашной Браны (1475 г.) и Владиславскаго зала въ Градчанахъ, аристократія призвала варяговъ — Габсбурговъ. Съ Габсбургами пришли въ Прагу монахи — іезуиты, защитники католицизма. Іезуитизмъ нашелъ въ Прагѣ благопріятную почву, взбудораженную религіозными распрями, и коварные и хитрые іезуиты сдѣлали изъ протестантской Праги гнѣздо контръ-реформаціи.

При первомъ Габсбургѣ построенъ Клементинумъ (въ XVI вѣкѣ) и университетъ получилъ двойное названіе — „Карлово-Фердинандовъ."

При третьемъ Габсбургѣ Рудольфѣ II, Прага опять разцвѣла новой красотой. Пышный и роскошный дворъ богатаго императора, который въ Прагѣ занимался астрологіей и алхиміей, привлекалъ въ Прагу самыхъ выдающихся представителей современныхъ ему гуманитарныхъ наукъ. Кеплеръ, Тихо-де Браге жили при дворѣ золотого императора, весь городъ наполнился художниками и астрологами, алхимиками, аристократами и авантюристами, и истинный гуманизмъ умиралъ именно въ Прагѣ. Король Рудольфъ сошелъ съ ума въ Прагѣ, датскій астрономъ Тихо-де Браге похороненъ въ Тынѣ... Испанская, итальянская и нѣмецкая аристократія нахлынула въ періодъ 1576 г — 1618 г. къ международному двору; богатые дворяне

строили свои собственные дворцы подъ Градчанами и Малая Страна приняла съ этихъ поръ видъ чисто аристократическаго города храмовъ и дворцовъ.

На пражскомъ градѣ началась 23 Мая 1618 г. тридцатилѣтняя война. Тамъ чешская аристократія возстала противъ Габсбурговъ. 8 Ноября 1618 г. произошла битва на Бѣлой Горѣ, за Прагой. Если смотрѣть съ башни на Петржинѣ, можно увидѣть въ большомъ саду на бѣлой вершинѣ, поросшей липами, зданіе лѣтняго дворца „Звѣзда.“ Тамъ въ 5 часовъ вечера 8 Ноября 1620 г. послѣдніе солдаты протестанскихъ войскъ пали подъ ударами мечей католическихъ наемныхъ нѣмецкихъ войскъ Габсбурга Фердинанда. Іезуитскій монахъ несъ передъ войсками стягъ Божьей Матери, которой Фердинандъ молился о побѣдѣ надъ еретиками — чешскими бунтарями!

Въ этотъ день кончилась исторія самостоятельной Праги. Іезуиты торжествовали. Въ Прагѣ строились храмы іезуитовъ и дворцы — барокко испанско-нѣмецко-итальянской аристократіи, которая за свою помощь Фердинанду получила почти всю Чехію въ наслѣдственную аренду. Въ это время въ Прагу вошла душа контръ-реформаціи. Всѣ Пражскія зданія въ стилѣ барокко относятся къ этому времени униженія Чехіи.

На готическій соборъ поставлены крыши башенъ барокко и если посмотрѣть на соборъ въ Градчанахъ, можно увидѣть, что онъ является сочетаніемъ самаго славнаго и самаго несчастнаго времени исторіи Чехіи: — на готику Великаго отца Праги Карла, посажена зеленая шапка іезуитства!

Въ 1621 г. на Старопражской площади, передъ ратушей, казнена вся чешская аристократія, казнена, мечомъ, висѣлицей и колесомъ. Подъ барабанный бой на Тыну стоялъ послѣдній ректоръ свободнаго университета и плакалъ слезами отчаянія. На площади было все въ крови, подъ руками палачей умерла гордость Чехіи, и этого Чехи Габсбургамъ никогда не простили и не простятъ!

На этотъ-же Старопражскій рынокъ въ 1918 г. пришелъ первый президентъ республики, чтобы поклониться тѣнямъ отомщенныхъ мертвецовъ!

Въ Прагѣ на Карловомъ Мосту въ 1648 г. кончилась тридцатилѣтняя война.

Въ XVIII вѣкѣ врагъ былъ у Праги 3 раза: — въ 1741 г. и 1744 г., въ войнѣ за австрійское наслѣдство, а въ 1757 г. передъ Прагой стоялъ Фридрихъ Прусскій и бомбардировалъ Пражскіе памятники и крѣпости. Въ 1866 г. въ Прагѣ снова были прусскія войска; въ Прагѣ же 23 Августа 1866 г. Бисмаркъ заключилъ миръ съ Францемъ Іосифомъ. 28 Октября 1918 года въ Прагѣ произошла революція и въ Декабрѣ того же года на

Вильсоновъ вокзалъ пріѣхалъ первый президентъ республики, профессоръ Пражскаго Университета, докторъ Томашъ Массарикъ.

Снова университетъ переименовывается въ Карловъ университетъ, а надъ королевскимъ градомъ развѣвается флагъ свободы, какъ о томъ пророчествовала прамать Либуша.

Прагу построила исторія и потому въ Прагѣ нѣтъ одного стиля, какъ, напримѣръ, въ готическомъ Нюренбергѣ. Прага, какъ всякій городъ, въ которомъ всегда пульсируетъ жизнь, построена въ разныхъ стиляхъ отъ древней строгой романской архитектуры до новѣйшихъ стилей послѣдняго времени.

Самый старинный романскій памятникъ Праги находится на правой сторонѣ Градчанской панорамы. Рядомъ съ соборомъ св. Вита стоитъ высокая, изъ бѣлыхъ камней, церковь св. Георгія, гдѣ похоронена бабушка Св. Вячеслава — Св. Людмила, славянская святая строгой жизни и національнаго героизма. Эти двѣ бѣлыя башни церкви Св. Георгія (1150 г.) мягкими треугольниками врѣзаются въ вечернее небо надъ Прагой.

Старинным готическимъ стилемъ построенъ соборъ Св. Вита, работа французскаго архитектора Матвѣя изъ Арраса, постройку котораго продолжалъ чешскій мастеръ Петръ Перлежъ въ XIV вѣкѣ.

Соборъ Св. Вита содержитъ самое дорогое сердцу націи. Въ серединѣ собора находятся могилы чешскихъ королей, императоръ Карлъ IV похороненъ за алтаремъ; въ часовнѣ Св. Вячеслава лежитъ корона Св. Вячеслава,—корона чешскихъ королей, мечъ и шлемъ Св. Вячеслава и его мощи. Грандіознымъ полетомъ готическаго мистицизма къ высокимъ башнямъ стремятся ребра купола, прекрасные окна впускаютъ въ тишину народнаго святилища желтовато-золотые лучи... Въ этомъ храмѣ происходила коронація чешскихъ королей, въ этомъ храмѣ какъ бы сосредоточена вся исторія и надежды чешскаго народа.

Вокругъ храма тянется могучій фасадъ пражскаго града, гдѣ находятся залъ Совѣта, рѣдкій памятникъ старины — грандіозный залъ короля Владислава, нѣмецкій и испанскій залы, а также вся западная часть работы архитектора Скамоцци 1614 года, часовня и 440 комнатъ, перенесшіе всѣ перемѣны времени и вкуса.

Готика была первымъ стилемъ этого Града.

Готическіе соборы Тына, Эмаузъ, Страгова, этого монастыря близъ Петржина, гдѣ находится богатѣйшая библіотека и галлерея, готическіе башни надъ мостомъ Карла, готическая Прашна Брана — все говоритъ о глубокой старинѣ, когда средніе вѣка переходили въ Ренессансъ.

Золотомъ и пышнымъ орнаментомъ блесталъ духъ этого

времени, но все же онъ не смогъ удовлетвориться своимъ воздушнымъ, пронзающимъ небо, сномъ о царствѣ Божіемъ.

Въ готическомъ же стилѣ построена и главная часть пражской ратуши. Тамъ, гдѣ находится часовня св. Лаврентія, есть архитектура XIV вѣка, остальныя же части и часы относятся къ XV и XVI вв. 1475 годъ былъ годомъ основанія старинной башни ратуши, но постройка всей ратуши длилась до 1884 года.

Совершенно другая Прага — Прага контръ-реформаціи, Прага Барокко. Дворцы на Малой Странѣ, храмъ св. Николая, храмъ іезуитскихъ монаховъ св. Игнатія, храмъ св. Климента, итальянская капела, храмъ св. Яна у Эмаузъ, дворцы аристократіи на Градчанахъ — все это памятники Барокко, этого темнаго и намъ непонятнаго времени католической контръ-реформаціи, дикихъ фантазій фанатическихъ монаховъ, времени галюцинацій и привидѣній, такъ ярко выразившимся въ торжественномъ настроеніи картинъ, крученныхъ колонъ, круглыхъ и высокихъ куполовъ и въ дико переплетенныхъ золотыхъ орнаментахъ оконъ и порталовъ.

Прага, городъ Яна Гуса, городъ, изъ котораго въ Европу разлилась реформація, получила самыя красивыя зданія времени реакціи, какъ-будто исторія хотѣла посмѣяться надъ отчаяніемъ народа, который возсталъ противъ Рима, — на землѣ, орошенной кровью протестантовъ, воздвигнуты монументы католицизма!

Прага, старая Прага, имѣетъ характеръ города Барокко и если вы хоть разъ посмотрите на города сѣверной Италіи напримѣръ, Венецію, вы будете поражены, какъ все тамъ напомнитъ Прагу! Тѣже узкія улички, даже улицы съ каналами, какъ въ Пражской Венеціи у Карлова моста, тѣ-же храмы съ великолѣпными фасадами, сѣрые порталы съ колоннами и башни съ мѣдными крышами. Въ Прагѣ художники учатся духу Барокко. Въ Прагѣ же находится и нѣжный памятникъ Итальянскаго Возрожденія. На высотахъ лѣваго берега Волтавы стоитъ замокъ Бельведеръ 1538 года, замокъ, въ которомъ умерла послѣдняя королева крови Ягелоновъ, супруга перваго Габсбурга. Идеальный стиль итальянскаго Ренессанса, видъ похожій на проспекты лавровыхъ садовъ средней Италіи.

Новая Прага построила національный театръ на берегахъ Волтавы, національный музей на пл. св. Вячеслава громадные банки на Пржикопѣ, на Вацлавской площади, зданіе Рудольфина (теперь Парламентъ); Прага-Модернъ видна въ бетонныхъ постройкахъ торговыхъ дворцовъ, въ зданіяхъ Коруны, Гвезды, въ театрѣ на Виноградахъ, въ зданіяхъ университета на Карловой и Альбертовой площадяхъ.

Самый любимый домъ чешскаго народа — Національный

Театръ, Народни Дивадло. Онъ построенъ на добровольныя пожертвованія чешскаго крестьянина, рабочаго и интеллигента во время 1881—1883 г. г.

Какъ видите Прага строилась на протяженіи всей исторіи равномѣрно. Каждый вѣкъ, каждая эпоха оставила на площадяхъ и улицахъ Праги свой каменный слѣдъ. Прага разросталась. Медленно населялись ея окрестности и къ концу XIV в., въ пору промышленнаго разцвѣта Западной Европы, въ Прагѣ возникли фабричныя предмѣстья, заводы Смихова, Карлина, Либня и Голешовицъ. Прямые и широкіе бульвары вели уже по линейкѣ архитектора, а не по фантазіи обывателя. Трубы заводовъ высятся надъ Прагой, соединяя дымомъ небо съ землей, и звонъ желѣзныхъ молотовъ гудитъ отъ утра и до вечера. Прага, еще подъ австрійскимъ владычествомъ, стала центромъ торговли, промышленности и спорта. Передъ стѣнами готическаго собора св. Вита на Летнѣ лежатъ зеленыя площадки спортивныхъ клубовъ, скачки и автомобильныя гонки шумятъ въ ущельяхъ, гдѣ 100 лѣтъ назадъ былъ густой лѣсъ. На окраинѣ Праги зеленѣетъ Kralovska Obora и красивый садъ ведетъ до самой Волтавы, берега которой украсились богатыми виллами.

Послѣдніе 50 лѣтъ въ Прагѣ особенно ярко запылалъ духъ свободы. Здѣсь производилась великая работа чешскихъ славянофиловъ съ докторомъ К. П. Крамаржемъ, здѣсь возникъ чешскій и славянскій Соколъ, здѣсь воспитывалъ молодежь проф. Т. Г. Массарикъ.

Безпомощно долженъ былъ смотрѣть на этотъ національный подъемъ австрійскій губернаторъ. Еще были въ Прагѣ черные и желтые флаги австрійскаго дома, еще изрѣдка жила во дворцахъ нѣмецкая аристократія, еще было сильно своимъ вліяніемъ пражское нѣмецкое и еврейское купечество, и полиція была принуждена служить нѣмецкому духу Австріи. На Пражскомъ градѣ было пусто и скучно, трава росла на королевскихъ площадяхъ, Прага еще спала подъ мракомъ насилія, но сильно и могуче пробуждался въ душѣ Праги яркій и героическій духъ національнзма. Нѣмцы убывали. Все меньше и меньше слышался нѣмецкій языкъ на улицахъ и въ день, когда разразилась предвѣстница міровой войны, война Балканская, побѣда была уже на нашей сторонѣ:—Прага и вся Чехословакія созрѣли къ новой свободѣ, созрѣли къ тому, чтобы снова взять въ свои руки правленіе своихъ дѣлъ. Прага, грустная и угрюмая могила былой славы, разцвѣтала алыми розами народныхъ возстаній. Чехія тогда крѣпко вѣрила въ Россію и ждала оттуда, изъ Кремля и Кіева, помощи противъ своихъ нелюбимыхъ хозяевъ. Прага и Москва жили въ постоянномъ общеніи, черезъ голову жандармовъ и губернаторовъ. Прага стала союзниче-

скимъ городомъ, городомъ Антанты еще передъ войной. Чехи приглашали французовъ, англичанъ и русскихъ, они жили только надеждой, что черезъ будущую войну они войдутъ подъ тріумфальную арку свободы. Прага въ неволѣ была грустной невѣстой, ожидающей своего жениха, который такъ долго не рѣшался прійти. Душа Праги плакала во дворцахъ, въ пустующемъ градѣ, въ садахъ замковъ, куда не ступала нога, гдѣ отцвѣтали розы, на которыя никто не могъ смотрѣть... Но эта душа жила надеждой, что близокъ день и откроется градъ, откроются дворцы и сады и сыны Праги будутъ полными хозяевами ея. Вся Чехословакія жила этой надеждой, и не одной надеждой и грезами, но и работой подготовлялась почва къ моменту отчаянной борьбы. Единая мысль одушевляла всѣхъ — Прага должна стать головой самостоятельнаго государства Чеховъ и Словаковъ.

Переворотъ совершился. Прага стала столицей новаго государства. Въ ея старую душу полились новые лучи свободы! Прага помолодѣла, помолодѣла съ октября 1918 года! Въ пустой и грустный градъ королей вошелъ президентъ Чехословацкой республики, во дворецъ Габсбурговъ народная воля послала своего избранника, въ концертномъ залѣ Рудольфина засѣдаетъ чехословацкій парламентъ, во дворцахъ аристократіи принимаютъ послы иностранныхъ державъ своихъ гостей, съ темныхъ фасадовъ развѣваются трехцвѣтныя знамена!

Шумъ жизни наполнилъ улицы стараго Барокко, бьетъ ключомъ работа въ королевскомъ дворцѣ, въ домахъ испанскихъ и нѣмецкихъ дворянъ; надъ средневѣковыми башнями весною, лѣтомъ и осенью рѣютъ аэропланы, соединяющіе Прагу съ Варшавой, Парижемъ и Страсбургомъ. Прагу наполнили иностранцы, но не какъ завоеватели, а какъ торговцы и представители своихъ державъ. Демократія — это лозунгъ новой Праги. Но душа новой Праги не покойна. Чехія со многихъ сторонъ окружена вражескимъ элементомъ, завоевываетъ каждый шагъ своего прогресса и, не располагая большою физической силой, она сильна своимъ національнымъ порывомъ, демократическими убѣжденіями и тѣсной связью интеллигенціи съ народомъ. Большинство горожанъ Праги во второмъ или третьемъ поколѣніи происходитъ изъ крестьянской среды и этимъ уже чешская интеллигенція разрѣшила вопросъ объ отношеніи къ народу и поэтому въ Чехіи возможны самыя трудныя реформы, поэтому чешская интеллигенція любитъ отказывать себѣ въ разныхъ преимуществахъ въ пользу рабочаго и крестьянина.

Война еще не окончена. Еще рождается новый міръ изъ дыма и крови міровой войны и навстрѣчу этому новому міру новая Прага протягиваетъ крылья своего молодого порыва.

Русскіе пришли въ Прагу не какъ завоеватели въ міровой войнѣ, какъ того Чехія ожидала въ 1915, 16 и 17 г. г.; они пришли какъ эмигранты, но не забыто, что, главнымъ образомъ, русская кровь, пролитая на равнинахъ Галиціи и Польши, приготовила Чехіи пути къ ея возрожденію!

Вы, русскіе, пришли къ намъ, меньшому славянскому брату, въ своемъ несчастьи, и это еще болѣе дорого намъ! Мы взрощены съ вами, восточные братья, въ различныхъ условіяхъ историческаго развитія. Душа Праги родилась въ эволюціи западной культуры, у васъ въ сердцѣ — Византія и Востокъ! Совершенно противоположный характеръ нашъ и нашихъ городовъ и вашъ и вашихъ городовъ, но одно у насъ общее, это — наше славянское происхожденіе и великая, прекрасная мечта о Россіи, покровительницѣ славянъ, о Великой Россіи будущихъ дней! Можетъ быть мы, чехи, крѣпче и сильнѣе надѣялись на Россію, чѣмъ вы сами! Для насъ Россія — это начало и конецъ нашего существованія!

И теперь, когда вы живете между нами, намъ кажется прекраснымъ и святымъ помогать вамъ и тѣмъ самымъ служить Россіи. Вы, надѣюсь, скоро возвратитесь на родину, вы будете разсказывать о Прагѣ вашимъ семьямъ и, позже вашимъ сыновьямъ. Вы будете вспоминать о насъ и о нашей землѣ — не забудьте тогда самое главное: въ разныхъ вѣкахъ разную исторію имѣла Прага. Были несчастья, была скорбь, были дни солнечные и дни отчаянія и паденья, но всегда, во всѣ времена беззавѣтно любила Россію душа Праги...

Д-ръ Фр. Кубка.

Прага. 20 февраля 1922 г.

„Студенческое Общество Славянскаго Единенія.“

Очеркъ.

1921-ый годъ будетъ несомнѣнно знаменательной датой въ жизни русскаго эмиграціоннаго студенчества. Въ этомъ году большей части русскаго студенчества удалось вернуться къ своимъ занятіямъ, столь жестоко прерваннымъ въ Россіи. Послѣ долгихъ мѣсяцевъ странствованій, тяжелыхъ разочарованій, лишеній и бѣдствій, — со всѣхъ уголковъ свѣта, изъ далекой Африки, Бизерты и Туниса, изъ грязныхъ переулковъ Галаты, „бѣженскихъ лагерей“, — стало собираться русское студенчество на гостепріимный зовъ Чехо-Словацкаго народа въ центръ Славянства, въ Золотую Прагу. Многое было за это время пережито, многое передумано. Знойной ночью, въ палаткахъ, подъ ревъ шакаловъ, — чуть-ли не на краю Сахары, и во время мучительныхъ и безплодныхъ поисковъ работы по узкимъ улицамъ Константинополя, и въ лагеряхъ интернированныхъ красноармейцевъ, думало свою думу русское студенчество. Что случилось? Почему пришлось оставить Родину? Почему погибла Россія? И что надо дѣлать, чтобы спасти ее? Кто наши враги и кто наши друзья? И вотъ, въ этотъ періодъ тяжелой умственной работы, разочарованій и короткихъ надеждъ, пришло приглашеніе ѣхать въ Чехо-Словакію продолжать свое образованіе. Оно поразило всѣхъ. Почему маленькая Чехо-Словакія приглашаетъ русскихъ студентовъ? Вѣдь есть-же большая, культурная Франція, могущественная Англія, Германія, гдѣ такъ много университетовъ, Италія и т. д. Почему же такую большую жертву несетъ молодая, сравнительно маленькая, Чехо-Словакія? И невольно пришелъ отвѣтъ:

Вѣдь тамъ наши братья по крови — славяне!

Значитъ, не одни грубыя матеріальныя чувства, меркантильныя выгоды — факторы, довлѣющіе въ нашемъ мірѣ.

Есть еще братскія узы духа и крови, есть еще въ мірѣ любовь.

Значитъ, съ нами можно не только торговать, но можно насъ и любить. И въ эту тяжелую минуту, въ минуту горести, когда познаются друзья и враги, мы почувствовали всю глубину, оказываемой намъ братьями — славянами помощи. Сразу возникъ въ студенчествѣ особенный интересъ къ славянамъ и къ Славянству и съ горестью пришлось сознаться, что многіе изъ насъ не достаточно знаютъ славянство.

Можетъ быть еще держится въ головѣ „споръ западниковъ со славянофилами," Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ, но больше ничего. А интересъ къ славянству возрасталъ. Когда студенчеству по дорогѣ въ Чехо-Словакію пришлось проѣзжать черезъ рядъ славянскихъ странъ, болѣе чѣмъ когда-либо стало ясно, что много есть узъ, связующихъ насъ со славянствомъ. У насъ общій языкъ, общіе обычаи, пѣсни и нравы.

Увидя, какъ велико въ славянскихъ странахъ, и особенно въ Чехіи, національное самосознаніе—какъ гордятся они тѣмъ, что они — славяне, и сколько мощи, сколько вѣры въ будущее они вкладываютъ въ эти слова, мы почувствовали себя среди братьевъ!

И вотъ 14 ноября 1921 г. въ Прагѣ — когда улеглось первое волненіе послѣ пріѣзда, иниціативной группой студенчества былъ поднять вопросъ о созданіи „Русскаго Славянскаго Общества".

И какъ была велика радость иниціаторовъ, когда послѣ совѣщанія съ рядомъ студентовъ, ранѣе жившихъ въ Прагѣ, они узнали, что эта мысль уже не новая. Еще осенью 1919 года въ Загребѣ происходилъ первый съѣздъ Славянской молодежи, на которомъ присутствовали представители юго-славянской, Чехо-Словацкой и польской учащейся молодежи. Съѣздъ принялъ рядъ пунктовъ, на которыхъ должна будетъ базироваться будущая совмѣстная работа славянскаго студенчества, изъ которыхъ наиболѣе интересные:

1) Прохожденіе курсовъ университета и высшихъ учебн. завед. въ различныхъ славянскихъ странахъ.

2) Устройство славянскихъ читаленъ и библіотекъ, цѣлью которыхъ является ознакомленіе студентовъ съ жизнью и взаимоотношеніями славянства.

3) Путешествіе и побывка студентовъ во время каникулъ въ славянскихъ земляхъ для лучшаго ознакомленія съ различными славянскими народами.

4) Образованіе славянскихъ кружковъ и информаціонныхъ центровъ въ мѣстахъ концентрированія учащейся молодежи.

Далѣе, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1921 г., состоялась II конференція славянскаго студенчества, на которой присутствовали чехословаки, югославяне, русскіе, лужицкіе сербы, карпатороссы и украинцы.

Послѣ ряда рефератовъ была принята нижеслѣдующая резолюція въ двухъ частяхъ.

I. Создать при Центральномъ Союзѣ Чехословацкаго Студенчества (U S Č S) славянскій комитетъ, который-бы находился въ контактѣ со всѣми славянскими комиссіями въ остальныхъ славянскихъ университетскихъ центрахъ и подготовилъ бы слѣдующій съѣздъ славянскаго студенчества.

Во II части говорилось о необходимости возможно скорѣйшаго возстановленія новой, демократической Россіи, которая должна стать оплотомъ въ стремленіи къ объединенію всѣхъ славянскихъ народовъ въ одно цѣлое въ видѣ великой федераціи всего славянства для установленія мира и порядка въ Европѣ.

Когда эти резолюціи стали извѣстны иниціативной группѣ, она почувствовала, что дѣло начато и надо его продолжать.

И съ необыкновенной энергіей, преодолѣвая рядъ препятствій, несмотря на клеветническіе выпады со всѣхъ сторонъ, на обвиненіе въ шовинизмѣ,—принялись за осуществленіе своей мечты. И какъ это не странно, этой иниціативной группѣ удалось сдѣлать то, что было поручено Славянскому Комитету при U. S. Č. S., а также и съѣздомъ русскихъ студентовъ бюро О. Р. Э. С. О. Сперва на собранія иниціативной группы стали приходить карпатороссы, далѣе галичане, болгары — и вотъ, наконецъ, 11 Декабря состоялось Иниціативное Собраніе, въ которомъ участвовали представители чехо-словацкаго, югославянскаго, русскаго, лужицко-сербскаго, польскаго, карпаторусскаго, галицкорусскаго и украинскаго студенчества, и на этомъ то собраніи и было образовано „Студенческое Общество Славянскаго Единенія."

Нельзя умолчать здѣсь о тѣхъ печальныхъ недоразумѣніяхъ, которыя имѣли мѣсто на этомъ собраніи. Украинцы, считая для себя непріемлемыми слова устава, въ коихъ говорилось о возстановленіи новой Россіи, покинули собраніе и не пожелали образовать своей секціи.

Ушли также, по нѣсколько инымъ, тактическимъ, причинамъ и представители польскаго студенчества.

Съ чувствомъ великой боли и сожалѣнія приходится писать о взаимныхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ въ средѣ славянской молодежи, но надо твердо надѣяться, что, съ теченіемъ времени, пройдутъ эти разногласія, имѣющія несомнѣнно политическій характеръ, и славянская семья будетъ единой.

Собраніе постановило разбиться по секціямъ и приступить къ ближайшей организаціи ихъ. Совѣтъ Общества, избранный на общемъ собраніи секцій, будетъ руководить работой. Каждая секція, въ предѣлахъ строго ограниченныхъ уставомъ, имѣетъ полную автономность. Въ принятомъ уставѣ цѣли и задачи Общества опредѣлились такимъ образомъ:

1) Объединеніе студентовъ славянъ на почвѣ великой идеи Всеславянскаго единенія.

2) Пропаганду идей Всеславянскаго единенія.

3) Подготовку дѣятельныхъ, знающихъ и государственно мыслящихъ работниковъ для дѣла всеславянскаго единенія и строительства новой Россіи, носительницы общеславянскихъ идеаловъ.

4) Изученіе исторіи, культуры и національнаго быта славянъ.

Но не только этими сухими параграфами исчерпываются цѣли и задачи Общества и особенно для русской секціи. Русская секція уже приступила къ практическимъ работамъ. Образованы комиссіи лекціонно-экскурсіонная, театральная, редакціонная, секція изученія и преподаванія русской исторіи, литературы и языка. Циклъ лекцій по славянскому вопросу открылъ проф. Вергунъ. Обѣщаны лекціи д-ра Крамаржа, проф. Францева, Ястребова и прив. доц. Панаса.

Наряду съ этимъ устраиваются экскурсіи по Прагѣ, а въ лѣтнее время предполагается поѣздка въ славянскія страны, въ глубь Чехіи, въ Карпатскую Русь.

Литературно-художественная комиссія обсуждаетъ вопросы объ изданіи ряда брошюръ и журналовъ, посвященныхъ идеѣ Всеславянства, а также устройствѣ ряда вечеровъ, гдѣ предполагается возможно полно представить русскую музыку, пѣніе и искусство. Устроены и ведутся съ большимъ успѣхомъ лекціи для карпатороссовъ. Окончена и конструкція Русской Секціи. Утвержденъ наказъ. Правленіе сконструировалось въ лицѣ: В. П. Жагмена — Предсѣдателя Секціи, С. В. Шпанова — тов. Предсѣдателя Секціи, А. А. Хитькова — Казначея, Г. М. Медвѣдскаго и Б. Ф. Лаго — секретарей и А. П. Жагмена, В. И. Ильинскаго, М. А. Прокофьева и К. Н. Платонова — членовъ Совѣта Секціи.

Въ ближайшее время состоится окончательное утвержденіе Устава Общества и выборы Центральнаго Совѣта. Пока времен. Центральный Совѣтъ работаетъ подъ предсѣдательствомъ студента-чеха Копецкаго, Предсѣдателя Заграничной Комиссіи Центральнаго Союза Чехо-Словацкаго Студенчества.

Въ наши дни, когда Россія, провалившаяся въ міровую пропасть, тщетно ищетъ путей возрожденія, когда русская ин-

теллигенція, съ одной стороны, пытается производить очередную „Смѣну Вѣхъ“, а съ другой, переродить свою идеологію— невольно вспоминаются мысли и слова нашихъ писателей и философовъ, касающіяся грядущихъ судебъ Россіи. Вѣдь и Вл. Соловьевъ и Достоевскій своимъ пророческимъ чутьемъ предвидѣли и всю глубину паденія Россіи и всю святость его, какъ міровой жертвы, и возрожденія ея къ новой жизни. Судьба Россіи, судьбы нашего народа, совмѣстившаго въ себѣ всѣ положительныя и всѣ отрицательныя свойства великаго славянскаго народа — вотъ-то, что занимало умы всѣхъ писателей 60 и 70-хъ годовъ и особенно тѣхъ, кто предчувствовалъ тотъ ужасъ, невольными свидѣтелями котораго являемся мы. Они предчувствовали такъ-же, что однимъ изъ путей возрожденія явится обращеніе Россіи къ спасительному союзу славянскихъ народовъ во имя продолженія борьбы за право Любви во всемъ мірѣ. Только славяне, а не другія расы, зараженныя матеріализмомъ въ крайней его степени, поймутъ Россію и ея роль въ историческомъ процессѣ всего міра.

И тотъ „красный націонализмъ и имперіализмъ“, который сейчасъ такъ развивается въ Россіи, является лишь характернымъ искаженіемъ основной правильной мысли — Россія должна спасти міръ! И теперь, когда раздробленная русская интеллигенція, путаясь въ партійныхъ узахъ и спорахъ, старается перестроить свои ряды, русская молодежь отрывается отъ нея, ища новыхъ словъ, новыхъ горизонтовъ.

Вопросъ о возрожденіи Славянства является очереднымъ и насущнымъ. И русская молодежь, особенно живущая въ славянскихъ странахъ, потянулась къ этой идеѣ. Для удовлетворенія этой тяги, для разрѣшенія ряда вопросовъ и образовано „Студенческое О-во Славянскаго Единенія“. Въ близкомъ единеніи съ представителями другихъ славянскихъ народностей, въ рядѣ культурныхъ собесѣдованій и споровъ, въ разборѣ произведеній русскихъ и славянскихъ писателей, во внимательномъ изученіи исторіи и быта славянъ, мы, освобожденные отъ старыхъ партійныхъ шоръ, должны найти новое міровоззрѣніе, то, которое помогло бы намъ выйти на дорогу спасенія и возрожденія Россіи.

Съ твердой вѣрой въ правоту своего дѣла, съ искреннимъ желаніемъ выполнить все, что задумано, вступаетъ русское студенчество на новый путь. Ждемъ и вѣримъ, что образуются и въ другихъ мѣстахъ скопленія русскихъ студентовъ Союзы и Общества съ подобными идеями, ибо мы твердо вѣримъ, что если Славянство безъ Россіи — невозможно, ибо Россія его символъ, то и Россія безъ Славянства будетъ очень долго искать путь своего возрожденія.

Б. Л.

Скромная годовщина.

Январь, если бы не безконечныя „ёлки“ и вечера въ началѣ его и не 12-е число — день св. Татьяны, прошелъ бы почти никѣмъ изъ студентовъ не замѣченный.

Между тѣмъ этотъ мѣсяцъ заслуживаетъ бо́льшаго вниманія. Съ этимъ мѣсяцемъ связана судьба не одной сотни, сейчасъ находящихся въ Прагѣ, студентовъ.

Правда, немногіе изъ нихъ помнятъ январь 1921 года. Одни потому, что еще не знали о томъ, что происходило тогда въ небольшихъ комнатахъ Русскаго Лицея въ Константинополѣ, другіе потому, что не хотѣли этого знать.

Тѣмъ сильнѣе хочется вспомнить то, что уже прошло, но что все же никогда не слѣдуетъ забывать.

Въ январѣ 1921 года зародился въ Константинополѣ Союзъ Русскихъ Студентовъ.

Какъ сейчасъ помню первыя сходки студентовъ на чужбинѣ. Было тяжело смотрѣть на этихъ людей, приходившихъ съ разныхъ концовъ грязнаго международнаго вертепа въ маленькую полутемную комнатушку Лицея, освѣщенную двумя-тремя стеариновыми свѣчами, послѣ тяжелыхъ, подчасъ унизительныхъ, дневныхъ трудовъ, чтобы совмѣстно съ другими, себѣ подобными страдальцами, организовать студенческую семью, которой судьба дала возможность разростись въ одинъ изъ самыхъ мощныхъ союзовъ студентовъ.

Сама жизнь выдвигала вопросъ о созданіи подобнаго союза. Большинству, во всякомъ случаѣ, изъ его учредителей было ясно, что, вернувшееся бы при другихъ обстоятельствахъ въ свои высшія школы, студенчество должно приложить и на чужбинѣ максимумъ энергіи и труда, чтобы найти болѣе подходящіе для своего званія и образованія пути существованія.

Такимъ образомъ, задачи и цѣли Союза говорили ясно, что онъ жизнеспособенъ.

Надо было только его поставить на правильныя рельсы, а у власти — способныхъ и энергичныхъ людей.

И это сдѣлало студенчество тогда, въ январѣ 1921 года. Дѣло было начато рѣшительно, смѣло.

Но не богатъ молодой Союзъ былъ числомъ своихъ членовъ — 40, 50 человѣкъ. Сперва неохотно, сказали бы мы, недовѣрчиво шли студенты въ его ряды. Да и не удивительно: Богъ знаетъ, сколько различныхъ союзовъ открывалось въ то время, въ потерявшемъ уже давно свою поэтичность и сказочность Константинополѣ, и также неожиданно умирали, съ неизвѣстно куда скрывшимися учредителями вмѣстѣ съ общественной кассой. Но съ теченіемъ времени и его ряды стали пополняться все новыми и новыми членами, пока общее ихъ число не возросло до громадной цифры 1700 человѣкъ.

Мы позволимъ себѣ опустить подробности внутренняго развитія Союза и остановимся на болѣе интересныхъ сторонахъ его жизни.

Очень тяжело вспоминать о самой тяжелой, выпавшей на его долю, борьбѣ — за свое общественное бытіе. Тяжело не потому, что и пишущему эти строки приходилось подолгу вмѣстѣ съ другими студентами простаивать у пороговъ кабинетовъ сильныхъ міра сего, не потому, что нужно было всякій пустякъ вымаливать чуть ли не именемъ Бога и не потому даже, что иногда приходилось выслушивать различныя „ласки“, вродѣ того, что „много васъ тутъ всякихъ студентовъ“, — а потому, что краска жгучаго стыда выступаетъ на щекахъ при воспоминаніи о тѣхъ „русскихъ“ людяхъ, которые, „обремененные“ своими дѣлишками, увлеченные погоней за легкой наживой, борьбой за теплыя мѣста и поѣдаемые взаимной мелкопартійной грызней и дрязгами, — не замѣчали, какъ гибнетъ русская молодежь и какъ постепенно она опускается на вонючее дно Константинополя.

Но это было, къ стыду нашему, такъ. Не легко было раскачать нашу пресловутую „общественность“, заставить ее, наконецъ, бросить свой взглядъ на наше студенчество и протянуть ему руку помощи.

Только два, замѣтьте себѣ два, на весь русскій Константинополь человѣка изъ среды общественныхъ дѣятелей, сразу поняли свой долгъ по отношенію къ русской молодежи. Никогда студенчество не должно забывать ихъ имена, какъ людей, которые первыми пошли къ нему навстрѣчу. Это были — чл. Гл. Ком. В. З. С. Г. П. Шпилевой и предс. Ком. С. Г. П. П. Юреневъ. Нѣсколько позже къ нимъ присоединила свой голосъ и поддержку А. В. Жекулина.

Но не лучше дѣло обстояло и съ иностранцами. Правда, отъ нихъ и нельзя было ожидать какой-либо помощи, т. к. вся культурная Западная Европа уже давно отвернулась отъ людей, боровшихся за культуру и свободу. Конечно, одно дѣло говорить

красивыя слова, а другое осуществлять ихъ на дѣлѣ. Европа предпочла первое, и поэтому излишне было и надѣяться на ея помощь.

Только представители американскаго народа, какъ всегда, благородно и чутко отнеслись къ нуждамъ русскаго студенчества и, чѣмъ только могли, ему помогали.

Вотъ въ немногихъ словахъ та обстановка, въ которой приходилось дѣлать первые шаги молодому Союзу. Какъ видите, не легкое это было дѣло, но энергія и настойчивое стремленіе снова войти въ двери высшихъ школъ творили чудеса.

И вотъ, наконецъ, сдѣланъ крупный шагъ въ этомъ направленіи, и студенчество находитъ тѣхъ, съ кѣмъ давно оно разсталось — родную и близкую русскую профессуру.

Вотъ, поистинѣ, люди, которые, несмотря ни на свои личныя невзгоды, лишенія и страданія, въ благородномъ своемъ сердце сохранили и пронесли черезъ всѣ бури и скитанія горячую любовь къ родной наукѣ и не менѣе родному студенчеству.

Какъ сейчасъ помню мою первую трогательную встрѣчу, все въ томъ же кабинетѣ Г. П. Шпилевого, съ проф. С. К. Гогелемъ и его первую фразу: „Наконецъ-то профессоръ нашелъ студента!“ Но въ тотъ вечеръ и студенты нашли своихъ учителей.

Потомъ встрѣчи съ проф. Н. Н. Салтыковымъ, Н. Н. Алексѣевымъ и, наконецъ, съ предс. Акад. Гр. проф. В. А. Юревичемъ.

Тогда во весь ростъ былъ выдвинутъ вопросъ о продолженіи образованія студентами. Сперва думали наладить школу въ Константинополѣ, но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ обстановкой и принимая во вниманіе нулевое значеніе этого города въ культурномъ отношеніи, пришлось скоро оставить подобную мысль и ограничиться открытіемъ краткихъ повторительныхъ общеобразовательныхъ курсовъ.

Однако, и профессурѣ и студенчеству было ясно, что это не является достиженіемъ намѣченной цѣли и всѣ начали искать новыхъ возможностей.

На Зап. Европу, какъ мы уже сказали, нельзя было надѣяться, но еще меньше можно было надѣяться на русскіе общественные круги.

И вотъ зарождается мысль о возможности получить помощь отъ единственныхъ друзей Россіи — славянъ, и въ частности, отъ наиболѣе культурной славянской страны — Чехіи.

Въ это время ближе другихъ стоявшимъ къ студенческимъ дѣламъ былъ проф. А. А. Копыловъ, завѣдывавшій курсами иностранныхъ языковъ. Совмѣстно съ Правленіемъ Союза онъ и осуществляетъ эту идею, отправляя въ Прагу проф. А. С. Ломшакову соотвѣтствующее письмо.

Русская профессура и студенчество, показавшіе всей разрозненной и ссорящейся эмигрантской Руси рѣдкую въ наши дни сплоченность и единеніе, доказали на дѣлѣ, къ чему можетъ повести подобная дружная работа. Результаты ея мы можемъ безъ конца наблюдать здѣсь, въ Прагѣ.

Если велика заслуга проф. Копылова передъ студенчествомъ, то какъ можно назвать заслугу передъ будущей Россіей того человѣка, который, получивъ указанное письмо, не спряталъ его въ карманъ, какъ принято дѣлать въ подобныхъ случаяхъ, а приложилъ колоссальныя усилія воли и труда, чтобы добиться осуществленія не только просимаго въ немъ, но и значительно бо̀льшаго? Мы, во всякомъ случаѣ, затрудняемся найти соотвѣтствующія наименованія для подобнаго, небывалаго въ современной эмигрантской жизни, поступка этого человѣка.

И это былъ профессоръ Алексѣй Степановичъ Ломшаковъ.

Онъ, съ немногими изъ своихъ знакомыхъ и друзей, совершилъ чудо, давшее возможность многимъ сотнямъ русскихъ студентовъ продолжить свое образованіе въ нормальныхъ условіяхъ жизни.

Въ Константинополѣ, тѣмъ временемъ, волновались, мечтали о будущемъ — вѣдь мало кто зналъ, въ какія вѣрныя и любящія руки попало ихъ дѣло.

Наконецъ, заговорили. Сперва въ правленіи Союза, потомъ и въ студенческой массѣ объ открывающихся возможностяхъ. Теперь уже много нашлось желающихъ вступить въ ряды Союза. Иногда цѣлыя очереди стояли у входа въ канцелярію.

Но вотъ мечта превратилась въ дѣйствительность. Пришла, наконецъ, радостная вѣсть: Чехія согласилась принять тысячу русскихъ студентовъ.

Что было вслѣдъ за этимъ, всѣ бывшіе въ Константинополѣ, отлично помнятъ. Поэтому мы опускаемъ весь этотъ періодъ жизни Союза. Скажемъ только, что единственно совмѣстными усиліями профессуры и студенчества можно было такъ успѣшно провести ту гигантскую работу, какую пришлось сдѣлать за это время въ Константинополѣ.

Благородный чешскій народъ исполнилъ свой долгъ, сдѣлалъ то, что не сдѣлалъ бы ни одинъ другой народъ — принялъ, обогрѣлъ и окружилъ симпатіями небольшой, но самый цѣнный и дорогой осколокъ будущей Россіи — молодую интеллигенцію.

И если Москва—сердце славянства—всегда болѣзненно чутко отзывалась на всѣ несчастія своихъ братьевъ, то Прага — голова славянства не менѣе чутко отнеслась къ горю сыновъ великой Россіи. Маленькая Чехія, сильная своимъ духомъ, запечатлѣла на дѣлѣ свои симпатіи къ нашей Родинѣ.

Сейчасъ въ Прагѣ находится свыше 1600 студентовъ, ко-

торые почти всѣ зачислены въ высшія школы. Кажется, отъ нихъ требуется одно — учиться.

Намъ же кажется, что нѣтъ.

Мы бы хотѣли, чтобы студенчество всегда — и на лекціяхъ, и за обѣдомъ, и на вечерахъ, въ вихрѣ танцевъ, — всюду, гдѣ только возможно, вспоминало о другихъ, о тѣхъ, кто оказался менѣе счастливымъ, чѣмъ они, о тѣхъ, кто остался продавать пончики и чистить обувь на мокрыхъ, грязныхъ и гнилыхъ улицахъ Константинополя. Именно Константинополя, т. к. нигдѣ въ Европѣ нѣтъ худшаго города, чѣмъ эта поистинѣ международная яма.

Вы же, вырвавшіеся изъ отвратительной тины Константинополя, сами все пережившіе, это хорошо знаете.

Здѣсь же находится ваша родная, благородная профессура. Мы знаемъ, что послѣдняя часто думаетъ объ оставшихся.

Думайте и вы. Имъ не деньги нужны. Имъ нужно то, чего вы и сами не такъ давно хотѣли — увидѣть Золотую Прагу, гдѣ такъ ослѣпительно сверкаютъ огни образованія и культуры.

Они, вѣдь, надѣются на васъ и не должны они въ этомъ быть обмануты.

Помните, что только славянскій міръ пойметъ ваши просьбы, ваше горе и ваши чаянія.

Однажды уже совершилось чудо.

Вѣруйте, что оно совершится вторично.

Только надо вѣровать искренно и пламенно, и ваша вѣра совершитъ это чудо.

Славянство не умерло, оно живетъ, т. к., хотя почти и перестало биться его могучее сердце, но живетъ его голова, его мудрый разумъ.

Сергѣй Водовъ.

Обзоръ Академической жизни въ Прагѣ.

Въ маѣ 1921 года по мысли профессора Алексѣя Степановича Ломшакова въ г. Прагѣ былъ организованъ „Союзъ Русскихъ Инженеровъ въ Чехословацкой Республикѣ", цѣлью котораго было содѣйствіе русскимъ инженерамъ, причемъ членами этого союза могли быть всѣ инженеры, работавшіе въ Россіи. Вскорѣ послѣ Пасхи въ Политехническомъ Институтѣ было созвано Учредительное собраніе союза, на которомъ былъ выработанъ уставъ и выбрано правленіе для проведеніе его въ жизнь. Предсѣдателемъ былъ избранъ А. С. Ломшаковъ и тов. предсѣдателя инж. Н. М. Леонтьевъ. Въ это время было получено изъ Константинополя отъ проф. Копылова письмо съ просьбой помочь 250 студентамъ-техникамъ старшихъ курсовъ.

Союзъ Р. И. поднялъ вопросъ о принятіи ихъ на иждивѣніе чешской промышленности для продолженія образованія и добился благопріятныхъ результатовъ, но вскорѣ было получено письмо отъ Константинопольскаго культурно-просвѣтительнаго отдѣла Союза городовъ съ просьбой о помощи уже не 250, а 1000 студентамъ, притомъ разныхъ факультетовъ. Стало ясно, что рѣшеніе этого вопроса возможно только при правительственной поддержкѣ.

Тогда, по иниціативѣ проф, А. С. Ломшакова и инж. Н. М. Леонтьева, собрано было совѣщаніе на которомъ положено существованіе особаго Комитета, состоящаго нынѣ изъ слѣдующихъ лицъ:

ПРЕЗИДІУМЪ:

Предсѣдатель: Проф. Д-ръ Викторъ Фельберъ.

Товар. предсѣдателя: Инж. дир. Францъ Ганушъ.
„ Проф А. С. Ломшаковъ.
„ Полк. Фр. Шипъ, дир. Легіобанка.

Секретарь: Инженеръ Бог. Кабелячъ.

ФИНАНСОВОЙ ОТДѢЛЪ:

Предсѣдатель: Главн. дир. Д-ръ Вилемъ Поспишилъ.
Тов. предсѣдателя: Дир. Ферд. Чуберка.

Члены:

Консулъ Блажекъ, представитель Мин. И. Д.
Проф. І. Кабелка. „ „ „
Пом. дир. Ф. Герольдъ, Сельск.-хоз. кред. банкъ.
„ „ Др. В. Нессель, Пражскій уверный банкъ.
„ „ М. Пелда, Живностенскій банкъ.
Проф. Др. К. Кадлецъ представ. университета.
Инж. І. Петржикъ представитель политехникума.
„ Іос. Лизнаръ, членъ городской управы.
Проф. Н. В. Ястребовъ, представитель рус. профессуры.
Дир. Громадко, Инж. Дмитріевскій } Общество инженеровъ.

Предсѣд. нар. рады Прокупекъ представ. Аграріевъ
Референтъ Др. Герольдъ.

АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ:

Предсѣдатель А. С. Ломшаковъ.
Тов. предсѣд. В. Д. Вареновъ.
Секретарь А. И. Глазуновъ.

Члены:

Проф. Кабелка
„ Др. Пекло
„ „ Кадержавекъ
„ Н. В. Ястребовъ
Инж. Б. Кабелячъ
„ Н. Леонтьевъ
Инж. А. Глазуновъ
Іос. Шкворъ
Проф. Францевъ
Студ. Худоба
Студ. Лихтнеръ
Dr. Kosmerka
Студ. Н. Дороѳеевъ
Студ. А. Кононовъ.
Проф. Др. Доминъ.
„ „ Шульцъ.
„ „ Поливка.
Г-жа М. Червена.
„ Е. Ломшакова.
„ О. Зноемска.
„ О. Жекулина.
Полк. И. Ваврохъ.
Инж. Величкинъ.
Студ. Волдржихъ.
„ Копецкій.
Проф. Косинскій.
Студ. С. Кравченко

Референтъ проф. Др. Ф. Кадержавекъ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:

Предсѣдатель проф. А. С. Ломшаковъ.
Референтъ проф. В. Д. Вареновъ.

Члены:

Пр. А. А. Копыловъ	Проф. В. Брандтъ.
„ В. А. Юревичъ	„ С. К. Шиндлеръ.
„ Н. В. Ястребовъ	„ П. И. Новгородцевъ,
„ Г. Г. Кривошеинъ	„ С. Г. Гогель.

Секретарь С. П Чистосердовъ.

Отдѣленіе въ Брно.

Ректоръ Проф. Др. И. Новакъ
„ Др. Бабакъ
Инж. Черелакъ
Проф. Др. Блаха
Инж. Сафоновъ

Отдѣленіе въ Братиславѣ.

Ректоръ проф. Др. А. Ратхъ
Проректоръ „ Хр. Гынекъ.
Проф. „ От. Земмеръ.
Д-ръ „ Балла.
Редакторъ Бог. Павлу.
Дир.-Ривиз. Кр. Кр. др. Зирпсъ.
Проф. Евг. Мокроусовъ.
Др. М. Иванка.
Др. Ф. Гоудекъ.

Въ дѣлѣ отысканія зданій самымъ энергичнымъ и рьянымъ оказался членъ Комитета инж. Кабелячъ. Онъ 10 дней буквально бѣгалъ съ инж. Леонтьевымъ по учрежденіямъ и управленіямъ и, наконецъ, получилъ два большія зданія — Svobodarna и Chudobinec.

Зданія были найдены, кредиты открыты и дальнѣйшая работа, главнымъ образомъ по ремонту зданій, была сдѣлана инж. Леонтьевымъ. 1 августа организаціоннымъ Комитетомъ былъ полученъ Chudobinec, но только къ октябрю онъ былъ вполнѣ готовъ. Въ немъ предполагали помѣстить 300—350 студентовъ, тамъ-же были отведены комнаты подъ канцелярію и столовую. Въ это время, въ связи съ положеніемъ въ Венгріи, была объявлена мобилизація и около 70 русскихъ студентовъ, жившихъ до того въ казармахъ, а такъ-же 12 украинскихъ и 80 чешскихъ студентовъ пришлось срочно вселить въ Chudobinec. Для дальнѣйшаго руководства к ъ хозяйственно-администр. частью, такъ и академической, въ качествѣ профессора завѣдывающаго студенческими дѣлами, былъ вызванъ проф. В. Д. Варенова, причемъ проф. В. Д. Варенову было поручено, кромѣ организаціи и руководства административно-хозяйственной части, еще и академическія стороны техническихъ отдѣленій, а проф. П. И. Новгородцеву организація академической работы гуманитарныхъ факультетовъ.

25 октября пріѣхала 1-ая группа Константинопольскихъ студентовъ, помѣщенная цѣликомъ въ Chudobinec, 8-го ноября — 2-ая группа, помѣщенная въ Svobodarna и т. д. и т. д., пока не прибыло въ Чехословакію около 1600 русскихъ студентовъ, и и всѣ они получили не только кровъ и ѣду, но все, рѣши-

тельно все, что нужно для человѣческаго существованія, не считая самаго главнаго — возможности учиться. Столъ, помѣщеніе, одежда, письменныя принадлежности и даже 50 Кč. карманныхъ денегъ, вотъ то, что Чешскій народъ даетъ русскимъ студентамъ и во всемъ этомъ огромномъ, небываломъ дѣлѣ помощи, исключительную роль сыгралъ союзъ Р. И. съ Алексѣемъ Степановичемъ Ломшаковымъ во главѣ. Въ краткомъ обзорѣ трудно даже въ общихъ чертахъ обрисовать ту огромную работу, которую сдѣлалъ Алексѣй Степановичъ.

За недостаткомъ мѣста весьма затруднительно вкратцѣ сказать объ отношеніи чешскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей. Чешская профессура, министры, представители партій, банковыхъ и промышленныхъ круговъ и частныя лица вносили свое содѣйствіе и знанія въ братскомъ дѣлѣ помощи русскимъ студентамъ и можно смѣло сказать, что этого русское студенчество никогда не забудетъ!

Въ настоящій моментъ прибыли и размѣщены по Высшимъ Школамъ Чехословакіи около 1600 студентовъ. Главная масса имѣетъ средній возрастъ — 25 лѣтъ, 3 студента — 18 лѣтъ и 2 — 41 года.

Собственно на Прагу приходится около 1500 человѣкъ, остальные размѣщены въ городахъ Брно, Пшибрамъ и Братиславъ. На частныхъ квартирахъ живутъ 548 человѣкъ.

По курсамъ студенты распредѣляются:

1-ый курсъ — 940 чел.
2-ой „ — 200 „
3-ій и 4-ый „ — 460 „

Согласно таблицы распредѣленія по секціямъ къ 1 января 1922 года было:

Химико-Технолог.	Спеціальн. наукъ.	Инженер.-строит.	Экономич.	Архитект.	Агрономич.	Лѣсная.	Философ.	Естеств.	Медицин.	Горная.	Электро-Механич.	Юридич.	Ветеринар.
140	37	137	206	50	179	42	44	29	166	45	316	150	4

Всѣ студенты, принятые на попеченіе Комитета, распредѣлены по спеціальнымъ отдѣленіямъ въ Карловомъ Университетѣ, Высшей Технической Школѣ и Коммерческомъ Институтѣ въ Прагѣ, а частью въ Университетѣ въ Брно, въ Горномъ Институтѣ въ Пшибрамѣ и въ Университетѣ въ Братиславѣ.

Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ занятія ведутся на чешскомъ языкѣ и для скорѣйшаго усвоенія русскими, организовано усиленное преподаваніе чешскаго языка. Для пополненія пробѣловъ и возстановленія забытаго, организовано русскими профес-

сорами преподаваніе элементарныхъ курсовъ по нѣкоторымъ предметамъ средне-учебныхъ заведеній, а также математики и техническихъ наукъ по курсу чешскихъ высшихъ школъ, а чешскими профессорами — повторительныхъ курсовъ по нѣкоторымъ предметамъ высшихъ школъ.

Наряду съ этимъ организованы высшіе русскіе дополнительные курсы по предметамъ, относящимся къ государственной и экономической жизни Россіи.

Всѣми дѣлами студентовъ въ данное время вѣдаетъ Комитетъ по обезпеченію образованія Русскихъ студентовъ и Автономная Учебная Коллегія; первый — матеріальной помощью, вторая всѣми академическими нуждами.

Обѣ эти организаціи работаютъ въ связи съ „Союзомъ русскихъ академическихъ организацій заграницей“ и пользуются неизмѣнной поддержкой Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Ч. С. Р. въ особенности же въ лицѣ Министра Др. В. И. Гирса.

Учебная Коллегія, положеніе которой было утверждено еще 6 Сентября, состоитъ изъ 64 человѣкъ, изъ которыхъ — 20 — лица, оставленныя для приготовленія къ профессорскому званію.

За время своего существованія Учебной Коллегіей организованы высшіе русскіе дополнительные курсы со слѣдующими отдѣленіями: 1) юридико-экономическое, 2) агрономическое, 3) медицинское, 4) историко-филологическое, 5) механическое, 6) физико-химическое, 7) Архитектурное и 8) Инженерно-строительное, а также Русскій Институтъ, положеніе о которомъ уже утверждено и торжественное открытіе котораго послѣдуетъ въ ближайшее время.

Русскій Институтъ въ Прагѣ учреждается въ цѣляхъ сближенія Россіи съ Чехословакіей и распространенія въ Чехословакіи свѣдѣній о Россіи, русской культурѣ и результатахъ текущихъ работъ русскихъ ученыхъ и писателей. Членами института состоятъ приглашенные въ его составъ русскіе ученые, писатели и представители различныхъ областей знанія.

Къ осуществленію задачъ Института привлекаются также, на правахъ членовъ, и чешскіе дѣятели въ различныхъ областяхъ знанія. При Институтѣ состоятъ лекторы и преподаватели, содѣйствующіе осуществленію его задачъ. Лекціи читаются на чешскомъ и русскомъ языкахъ и слушаніе ихъ безплатно. Кромѣ Русскаго Института и Дополнительныхъ Курсовъ, Учебная Коллегія совмѣстно съ Правленіемъ Союза Академическихъ организацій выработала положеніе и программу:

1) Коммерческо-Бухгалтерскихъ курсовъ (2-хъ годичные) и 2) Русскаго Высшаго Педагогическаго Института.

Такова въ настоящее время организація помощи русскимъ студентамъ въ Чехословакіи.

Необходимо добавить, что недавно передъ Лигой Націй поставленъ вопросъ объ обезпеченіи еще 9000 русскихъ студентовъ, разбросанныхъ чуть-ли не по всѣмъ странамъ земли.

Прилагаемая таблица сухимъ языкомъ цифръ краснорѣчиво говоритъ, сколько еще русскихъ студентовъ разбросано по самымъ удаленнымъ уголкамъ Европы, Азіи и Африки.

ТАБЛИЦА
распредѣленія по странамъ русскаго эмигрантскаго студенчества.

На 23 дек. 1921 г.

Названіе страны	Число студентовъ	Число учащихся въ высш. уч. зав. въ наст. время
Болгарія	3100*)	55
Германія	2000	500
Юго-Славія	2000	700
Константинополь	700	-
Чехо-Словакія	1600	1600
Польша	1000	100
Франція	450	70
Тунисъ	600	-
Египетъ	300**)	-
Австрія	200	60
Греція	190	-
Румынія	150	-
Латвія	100	25
Корсика	10	-
Всего	12400	3140

Особенно тяжелыя условія жизни студентовъ въ Африкѣ (Тунисъ и Бизерта), а съ предполагаемымъ разселеніемъ ихъ по фермамъ, за прекращеніемъ выдачи французами пайка, жизнь русскаго студента въ Африкѣ станетъ еще тяжелѣе, почему Правленіемъ Союза Академическихъ Организацій въ началѣ февраля и были командированы профессора У. Д. Жиляевъ и Л. К Художиловъ въ Тунисъ для точной регистраціи, провѣрки академическихъ правъ и возможнаго вывоза студентовъ изъ Африки. Рѣшеніе этого вопроса, поставленнаго въ первую очередь, находится, однако, въ зависимости отъ того, дастъ-ли Лига Націй необходимые кредиты или нѣтъ.

С. С.

Прага.

*) Въ показанное число вошли Галлиполійскіе студенты, прибывшіе въ Болгарію въ количествѣ около 2000 человѣкъ.

**) Въ число 300 входятъ 100 чел. съ острова Кипра.

Рѣчь профессора А. С. Ломшакова,

произнесенная 25 іюля 1921 г. на организаціонномъ засѣданіи Комитета*).

Господинъ Предсѣдательствующій въ настоящемъ высокомъ Собраніи президентъ Шкодовыхъ Заводовъ Шимонекъ указалъ уже въ своемъ вступительномъ словѣ на высоко гуманитарную внѣполитическую цѣль, для планомѣрнаго достиженія которой призывается Чешская общественность и содѣйствіе Правительства Чехословацкой Республики.

Свыше 1000 молодыхъ жизней выброшено съ нормальнаго жизненнаго пути и брошено въ пучину бѣдствій физическихъ, усугубляемыхъ страданіями интелектуальными, сознаніемъ безсилія, перспективами въ борьбѣ за полуголодное, а то и прямо голодное, существованіе растратить послѣднія свои душевныя силы, послѣднюю надежду стать человѣкомъ.

Особенно тяжко и мучительно сознаніе, что прерванное образованіе не можетъ закончиться, что въ годину безумныхъ испытаній, постигшихъ измученную родину, на пути возможности сдѣлаться для нея полезнымъ гражданиномъ, стоитъ лишь матеріальная преграда: нѣтъ средствъ, нѣтъ разрѣшенія на въѣздъ въ страну, гдѣ продолженіе образованія было бы возможно.

Свыше тысячи студентовъ лишь въ Цареградскомъ районѣ. Великое счастье ожидаетъ этихъ, пока еще несчастныхъ юношей: нашелся откликъ въ родственной странѣ. Школа Чешскаго Высокаго Ученія Техническаго въ Прагѣ и Пражскій Карловскій Университетъ на сдѣланное къ нимъ обращеніе откликнулись съ полной готовностью спасти русское студенчество — принять его въ свои стѣны.

Присутствующіе здѣсь представители Университета Чешскаго и Чешскаго Высокаго Ученія Техническаго не откажутъ въ болѣе подробномъ освѣщеніи даннаго вопроса, я же упомяну лишь,

---

*) Ниже помѣщенная рѣчь проф. А. С. Ломшакова, произнесенная на засѣданіи Комитета 25 іюля 1921 г. ярко характеризуетъ одинъ изъ важныхъ моментовъ въ организаціи помощи русскимъ студентамъ.

что въ размѣщеніи техниковъ никакихъ препятствій не встрѣчается, что же касается университета, то, согласно мнѣнію сената университета, студенты всѣхъ факультетовъ могутъ быть размѣщены за исключеніемъ юристовъ и медиковъ, которыхъ, по мнѣнію сената, слѣдовало бы направить въ Брно.

Наше обращеніе къ господамъ Министрамъ Народнаго Просвѣщенія и Военному, Замѣстителю Министра Иностранныхъ Дѣлъ д-ру Гирса о поддержаніи нашего дѣла было встрѣчено съ ихъ стороны также въ высокой степени благожелательно.

Первое основное условіе для благопріятнаго разрѣшенія поставленной задачи имѣется на лицо: высшія школы Чехо-словацкой Республики въ состояніи при имѣющемся въ ихъ наличіи аудиторій, лабораторій и прочихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій принять въ число своихъ студентовъ до 1000 русскихъ юношей и дѣвушекъ, жаждущихъ образованія, но безсильно бьющихся въ изысканіи къ этому средствъ.

Согласно полученной мною 23/VII телеграммы изъ Константинополя отъ Культурно-просвѣтительнаго отдѣла Союза городовъ непосредственно въ Константинополѣ находятся 700 учащихся — мужскаго и женскаго пола, при чемъ на спеціалистовъ, включая въ таковыхъ агрономовъ и медиковъ, приходится половина общаго числа. Подробные именные списки согласно этой телеграммы высылаются почтой.

О распредѣленіи по спеціальностямъ приблизительно можно судить по даннымъ, полученныхъ мною отъ Союза Русскихъ Студентовъ въ Константинополѣ, въ составѣ котораго изъ 429 человѣкъ было: универсантовъ — 38 процентовъ, изъ нихъ юристовъ 20 процентовъ и медиковъ 5 процентовъ; техниковъ 38 процентовъ, экономистовъ 15 процентовъ, агрономовъ и лѣсниковъ вмѣстѣ 9 процентовъ, а именно:

Спеціальность		Изъ нихъ владѣютъ языками: Франц.	Нѣмец.	Англійс.
Юристовъ	87	35	25	7
Механиковъ	67	22	20	2
Экономистовъ	67	24	13	4
Математиковъ	37	14	8	2
Химиковъ	32	7	5	1
Агрономовъ	31	2	2	—
Медиковъ	19	5	5	1
Горн. Институт.	15	11	1	1
Электриковъ	14	5	7	2
Путейцевъ	11	2	5	2
Филологовъ	11	2	2	—
Естественниковъ	9	3	2	—
Металлурговъ	7	—	—	—
Кораблестроителей	5	1	1	—

Изящныхъ иск.	5	1	—	—
Мелліораторовъ	3	2	—	—
Лѣсоводовъ	3	1	2	—
Археологовъ	3	—	—	—
Ветеринаровъ	2	1	—	—
Богослововъ	1	—	—	—
Межевиковъ	1	—	1	—
Востоковѣдовъ	1	—	1	—
	429	138	100	11

Изъ нихъ владѣютъ	польскимъ языкомъ	16
	сербскимъ „	2
	итальянск. „	2
	румынскимъ „	2
	шведскимъ „	2
	болгарскимъ „	1
Постоянную квартиру имѣютъ		68
„	интелектуальную работу имѣютъ	12
„	физическую работу имѣютъ	28
обезпечены средствами существованія		—
независимо отъ заработка		7

Культурно-просвѣтительный отдѣлъ Союза Городовъ считаетъ, что всего будетъ 1000 студентовъ и студентокъ. Эту цифру я и положилъ въ основу при своихъ обращеніяхъ и эту цифру ходатайствую имѣть въ виду при обсужденіи въ настоящемъ собраніи поставленнаго вопроса.

Какъ я уже сказалъ, первый основной шагъ, безъ котораго дальнѣйшее благопріятное рѣшеніе вопроса было бы невозможнымъ,—сдѣланъ. Но необходимы за этимъ и дальнѣйшія дѣйствія. Господинъ Предсѣдательствующій эти необходимыя дѣйствія уже указалъ: необходима поддержка общества и Государства. Необходимо помнить, что среди студентовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, вѣроятно, большинство прервало свое ученіе вслѣдствіе призыва на войну въ періодъ 1914-1917 годовъ. Остальные прервали ученіе въ 1919-1920 годахъ.

Обнищалое умственно, разбитое нравственно, голодное, безъ крова и одежды, студенчество тѣмъ не менѣе не потеряло желаніе продолжать образованіе", говоритъ Союзъ Студентовъ въ своемъ ко мнѣ обращеніи. Надъ этими словами необходимо остановиться и съ глубокимъ вниманіемъ, бережно, съ душою открытою для благого дѣла, вдуматься въ нихъ.

Возможно ли оставить это „обнищалое умственно, разбитое нравственно, голодное" юношество безъ матеріальной и интеллектуальной поддержки, хотя бы и открывъ имъ широко двери школъ высшей науки? Способно ли это юношество въ данный моментъ одновременно учиться и добывать своимъ трудомъ свое пропитаніе? На эти вопросы можетъ быть только одинъ отвѣтъ: Безъ матеріальной и интеллектуальной поддерж-

ки открытіе доступа въ университетъ и Школу Чешскаго Высокаго Ученія Техническаго для огромной массы учащихся будетъ шагомъ безплоднымъ.

Необходимо прежде всего этому „нравственно разбитому, изголодавшемуся юношеству“ дать почувствовать подъ ногами дѣйствительную почву, воспринять сознаніе, что сегодняшній и завтрашній день для него обезпеченъ, что онъ не одинокъ и не выброшенъ на произволъ судьбы. „Необезпеченное матеріально, ночуя въ баняхъ, кофейняхъ, на улицѣ, полуодѣтое, поѣдаемое насѣкомыми, давимое мыслью о заработкѣ, неувѣренное въ завтрашнемъ днѣ, принужденное жить случайной работой, несоотвѣтствующей интеллектуальному уровню, студенчество фактически не можетъ посѣщать лекцій и вести занятія“, сообщается въ томъ же обращеніи Союза Студентовъ.

Необходимо обезпечить существованіе, помочь втянуться въ работу, пріобрѣсти вновь навыкъ къ ученію, что могло бы быть достигнуто организаціей, по крайней мѣрѣ, въ теченіи перваго семестра, дополнительныхъ курсовъ, (главнымъ образомъ для техниковъ) составленіемъ библіотеки изъ русскихъ и чешскихъ учебниковъ и требованіемъ отъ учащихся дисциплинированности и подчиненія контролю надъ ихъ занятіями.

Схема организаціи Комитета для проведенія въ жизнь поставленныхъ задачъ представляется Обществу Русскихъ Инженеровъ и Техниковъ въ Чехословацкой Республикѣ, принявшему на себя подготовительныя организаціонныя функціи въ слѣдующемъ видѣ:

Задачи Комитета:

Цѣлью созданія спеціальнаго Комитета въ составѣ представителей отъ законодательныхъ Палатъ, Парламента и Сената, Министерствъ, высшихъ учебныхъ заведеній, Университета, Школы высокаго ученія техническаго, отъ промышлености, торговли, банковъ, сельскаго хозяйства, прессы и лицъ, приглашаемыхъ персонально, является:

Забота о представленіи возможности русскимъ студентамъ въ приблизительномъ количествѣ въ 1000 человѣкъ, находящимся въ Царьградѣ, Галлиполи, Греціи и др. странахъ, доступа въ Чешскія Высшія Школы соотвѣтственно выбранной ими спеціальности.

и 2) забота о матеріальной и интеллектуальной поддержкѣ означенныхъ студентовъ во время прохожденія ими учебныхъ заведеній.

Пути выполненія Комитетомъ поставленныхъ задачъ:

Для выполненія поставленныхъ цѣлей Комитетъ обращает-

ся за подержкой, какъ къ Законодательнымъ и Правительственнымъ учрежденіямъ такъ и къ частнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Помощь со стороны государства могла бы выявиться: 1) въ разрѣшеніи высшимъ учебнымъ заведеніямъ принять, по принадлежности, въ число постоянныхъ слушателей русскихъ студентовъ по представляемымъ спискамъ, 2) дать распоряженія Чехословацкимъ Консулатамъ о дачѣ визъ, 3) предоставить для устройства студенческихъ общежитій необходимыя къ тому помѣщенія, 4) ассигновать изъ государственныхъ средствъ суммы, необходимыя на содержаніе студентовъ, 5) предоставить высшимъ Школамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ то найдутъ желательнымъ, учреждать курсы по дополнительнымъ предметамъ на русскомъ языкѣ, 6) предоставить безплатный проѣздъ студентамъ при слѣдованіи по ж. д. Чехословацкой Республики отъ границъ до мѣста назначенія, 7) обратиться съ просьбой къ посланнику Югославіи въ Прагѣ, объ облегченіи въ полученіи транзитныхъ визъ для рускихъ студентовъ и студентокъ, направляющихся въ Чехословацкую Республику.

Поддержка со стороны промышленныхъ, финансовыхъ, сельско-хозяйственныхъ (аграрныхъ) круговъ и общественныхъ организацій могла бы выявиться:

1) въ матеріальной помощи: денежной, жизненными продуктами, платьемъ, бѣльемъ, обувью, предоставленіемъ помѣщеній.

2) въ предоставленіи въ каникулярное время практическихъ занятій соотвѣтственно спеціальности учащихся на фабрикахъ, заводахъ, въ банкахъ, въ торговыхъ предпріятіяхъ, экономіяхъ, городскихъ управленіяхъ и пр.

Эти практическія занятія могутъ быть платными или безплатными въ зависимости отъ характера, правилъ и традицій тѣхъ учрежденій, въ которые будутъ направляться практиканты.

Органы Комитета:

А) Общее Собраніе, устанавливающее лишь общія основанія и директивы.

Б) Исполнительные органы:

1) Отдѣлъ по Финансовымъ дѣламъ. На отдѣлъ по Финансовымъ дѣламъ возлагается: а) изысканіе необходимыхъ средствъ, б) распоряженіе кредитами и в) контроль за израсходованіемъ.

2) Отдѣлъ по Хозяйственно-Техническимъ дѣламъ, въ свою очередь распадающійся на подъотдѣлы: учебный и хозяйственный, съ возложеніемъ на нихъ соотвѣтственно административныхъ, учебно-воспитательныхъ и хозяйственныхъ (забота о помѣщеніи, пропитаніи, одеждѣ и пр.) функцій.

Взаимная связь и ходъ дѣлъ изображены на особо представленномъ графикѣ.

Къ этому имѣю лишь добавить, что Общество Русскихъ

Инженеровъ и Техниковъ въ Чехословацкой Республикѣ, включающее въ себя инженеровъ, какъ русскихъ, такъ и чеховъ и поставившее одною изъ своихъ цѣлей объединеніе техническихъ силъ для возрожденія промышленной жизни Россіи при содѣйствіи Чехословакіи, признало поставленный вопросъ вопросомъ исключительной важности и постановило предоставить всѣ свои интеллектуальныя силы для планомѣрной и активной работы и въ случаѣ, если бы сегодня образующійся Комитетъ или Государственные органы пожелали привлечь Общество къ работѣ, дѣйствовать не только солидарно, но и подчиняясь въ данномъ вопросѣ директивамъ упомянутыхъ учрежденій.

Позволяю закончить свое изложеніе констатированіемъ глубокаго сердечнаго отклика, которымъ было встрѣчено обращеніе наше и къ предсѣдателямъ законодательныхъ палатъ и членамъ парламента и Сената — лидерамъ всѣхъ партій — къ господамъ Министрамъ Иностранныхъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Военному, къ Ректорамъ Пражскаго Университета и Чешскаго Высокаго Ученія Техническаго, къ г. г. Замѣстителямъ Старосты г. Праги, къ промышленнымъ, финансовымъ и сельско-хозяйственнымъ кругамъ и организаціямъ, къ Чешскому Красному Кресту и къ отдѣльнымъ представителямъ Чешской Общественности.

За этотъ неизмѣнно встрѣчаемый нами откликъ, за желаніе прійти намъ на помощь, такъ ярко выраженное сегодня самымъ фактомъ Вашего присутствія здѣсь, на организаціонномъ собраніи Комитета, мы, присутствующіе здѣсь русскіе, въ лицѣ настоящаго высокаго собранія, приносимъ чешской общественности глубокій поклонъ и восклицаемъ „Да здравствуетъ Чешскій народъ!“.

Американская Методистская Миссія въ Чехо-Словакіи.

По техническимъ соображеніямъ редакція не можетъ напечатать обзора дѣятельности и задачъ Методистской Миссіи въ Европѣ и въ частности въ Чехо-Словакіи и помѣщаетъ только краткое интервью нашего сотрудника съ Директоромъ Общественнаго Отдѣла Методистской Миссіи въ Чехо-Словакіи м-мъ Вилькенсономъ.

Главной задачей Методистской Миссіи является, въ особенности для русскаго студенчества, созданіе такихъ условій, въ которыхъ молодая душа могла бы гармонически развиваться, гдѣ человѣкъ, пережившій катастрофы и всевозможныя потрясенія, могъ бы дѣйствительно почувствовать себя культурнымъ человѣкомъ. Все это является только дополняющимъ къ тому, что даетъ Комитетъ по обезпеченію образованія русскимъ студентамъ.

По мнѣнію мистера Вилькенсона, каждый человѣкъ долженъ найти Бога, независимо отъ того, какіе обряды онъ исполняетъ, лишь бы въ душѣ онъ сохранилъ зачатки стремленія къ красотѣ и добру, сознаніе необходимости внутренняго самоочищенія.

Все что есть въ студенческой средѣ цѣннаго, духовнаго и творящаго, Миссія всѣми своими силами и средствами будетъ широко и активно поддерживать.

На русской учащейся молодежи, по мнѣнію м-ра Вилькенсона, лежитъ огромнѣйшая задача. Она, какъ никто, должна намѣтить тѣ контуры будущей новой Россіи, гдѣ ей придется приложить весь свой опытъ, знаніе и душу.

Если русская зарубежная молодежь не сумѣетъ этого выполнить, то тѣмъ самымъ она покажетъ свое безсиліе и неспособность къ будущему строительству.

Но мистеръ Вилькенсонъ вѣритъ, что этого не можетъ быть.

Все, что ушло изъ Россіи и не хотѣло примириться съ рабствомъ и насиліемъ, уже само въ себѣ носитъ зачатокъ новаго.

Россіи, по мнѣнію Вилькенсона, принадлежитъ великое будущее во всемъ мірѣ.

Нація, пережившая великую войну, революцію и гражданскую войну, переживающая въ настояще время голодъ, холодъ

и много другихъ бѣдъ, тѣмъ самымъ выковываетъ, какъ въ эмиграціи, такъ и въ глубинѣ Россіи, новый типъ человѣка, новую волю и приспособляемость.

Американцы, присмотрѣвшись къ русскимъ за рубежомъ, видятъ, что этой націи принадлежитъ дѣйствительно великое и почетное мѣсто среди всѣхъ другихъ націй.

Изъ-за далекаго океана американскій человѣкъ, высококультурный и безусловно таящій въ душѣ своей то новое духовное, чего нѣтъ въ душѣ европейца, видитъ въ русскомъ человѣкѣ своего собрата, въ глубинахъ котораго хранится безцѣнный духовный кладъ.

Въ заключеніе мистеръ Вилькенсонъ высказалъ весьма цѣнный для насъ взглядъ на Славянство.

Славянство, по его мнѣнію, должно прежде всего слиться въ одно цѣлое, возродиться и внести въ общую міровую исторію свою особую Славянскую долю культуры, которая у него безусловно имѣется.

Споры и дробленія самого Славянства не приведутъ его къ восхожденію на высшую ступень, и н и к т о въ мірѣ не поможетъ Славянству стать на ноги, кромѣ него самого.

Въ слѣдующей книгѣ редакція напечатаетъ подробный обзоръ дѣятельности Методистской Миссіи и ея дальнѣйшія задачи, что весьма интересно для ознакомленія съ людьми Новаго Свѣта, сумѣвшими, какъ никто изъ европейцевъ, подойти къ великому русскому горю.

И.

Карпатскіе соколы.

(Очеркъ Карпаторусской поэзіи.)

Среди стихотворцевъ Карпатской Руси, „Предъ“ и „Подкарпатской,“ пишущихъ на русскомъ литературномъ языкѣ, насчитывали до сихъ поръ два поколѣнія: первое самъ пок. Иванъ Франко окрестилъ „ласточками,“ ко второму привилось названіе „жаворонковъ.“ Третье, нынѣшнее поколѣніе, иначе и назвать нельзя, какъ карпатскими „соколами,“ ихъ „боевые полеты,“ вполнѣ оправдываютъ это названіе.

Такое впечатлѣніе производитъ ознакомленіе съ плодами музы нынѣшнихъ галицко-русскихъ поэтовъ, сборниками стихотвореній В. Р. Ваврика: „Трембита,“ Н. Г. Климкова „Карпаторусскія Думы“ и со стихотвореніями И. А. Лабенскаго, печатавшимися въ Омскомъ „Карпаторусскомъ Сло-вѣ“ и др.

Первой „ласточкой“ были „Червонно-русскіе Отзвуки“, изданные львовскимъ студенческимъ обществомъ „Другъ“ въ 1901 г. Значеніе литературнаго событія придалъ имъ тогда И. Я. Франко. Онъ поторопился отмѣтить появленіе этого сборника характерной кличкой „Московска Ластівка“ (въ украинскомъ Літературномъ Вістникѣ), выразивъ надежду, что „одна ласточка не дѣлаетъ весны.“ Каково же было его смущеніе, когда вскорѣ „зарѣяли“ и другія ласточки. Престарѣлый академикъ А. Н. Пыпинъ, историкъ Славянскихъ литературъ и русской этнографіи, благословилъ въ своемъ отзывѣ о Червонорусскихъ отзвукахъ въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1901 г. новое направленіе галицко-русской поэзіи. Привѣтствовалъ его въ своей статьѣ, посвященной этой книжкѣ, и чуткій В. В. Розановъ въ „Нов. Времени.“ Борьбу „ласточекъ“ съ „рутенщиной“ и заскорузлостью двухлойяльнаго „Галичанина“ отмѣчаетъ и К. И. Арабажинъ въ своемъ очеркѣ, посвященномъ галицко-русскому литературному движенію, въ Ефроновскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ.

Къ началу XX столѣтія „ласточки“ обзавелись уже своимъ органомъ печати. Недолговѣчнымъ было, правда, „Живое Слово“ Ю. А. Яворскаго, просуществовавшее въ Львовѣ только нѣсколько мѣсяцевъ. Оно должно было замѣнить „Бесѣду“ О. А. Мончаловскаго, гдѣ „ласточки“ впервые выступили на литера-

турное поприще. Ю. А. Яворскій былъ вскорѣ, послѣ побѣды „молодыхъ," избранъ редакторомъ „Литературно-научныхъ сборниковъ Галицко-русской Матицы."

Одинъ изъ стаи „ласточекъ" началъ въ Вѣнѣ издавать „Славянскій Вѣкъ," продержавшійся пять лѣтъ. М. Ф. Гл́ушкевичъ, выпустившій вскорѣ свои „Мелодіи," предпринялъ съ И. С. Свѣнцицкимъ во Львовѣ издательство журнала „Живая Мысль," гдѣ радикальное направленіе „ласточекъ" получило дальнѣйшее развитіе.

„Ласточки" писали и „пѣли" на русскомъ литературномъ языкѣ для тѣхъ Галичанъ, Буковинцевъ и тогдашнихъ Угроросовъ, которые отъ теоретическаго сознанія національно-культурнаго единства русскаго народа „отъ Карпатъ до Камчатки" послѣдовательно перешли къ практическому осуществленію своего самосознанія, пріобщившись къ общерусской литературѣ.

Къ поколѣнію „ласточекъ" принадлежали и д-ръ Д. А. Марковъ, выступившій въ Вѣнскомъ парламентѣ въ 1907 г. съ политической рѣчью на русскомъ литературномъ языкѣ, авторъ смѣлыхъ „Писемъ публициста" и Н. П. Глѣбовицкій, издавшій 2 тома разсказовъ.

Углубленіе движенія „ласточекъ" выпало на долю новаго поколѣнія „карпатскихъ жаворонковъ." Кличка карпатскихъ жаворонковъ связана съ труппой галицкорусской молодежи, пріѣзжавшей въ 1911 г въ Россію подъ руководствомъ В. А. Галушки и О. О. Гецева для ознакомленія столичной русской публики съ произведеніями старой галицко-русской литературы: „Подгорянами" И. Е Гушалевича, „Капраломъ Тимко." И. Г. Наумовича, стихотвореніями В. Ѳ. Луцика и др. Но къ „жаворонкамъ" слѣдуетъ причислить все поколѣніе на грани второго десятилѣтія XX вѣка, такъ какъ все оно проникнуто одной идеей — распространенія русскаго литературнаго языка не только среди интеллигенціи по обоимъ склонамъ Карпатскихъ горъ, но и подъ крестьянскими стрѣхами!

Знаменами „жаворонковъ" являются „Грамматика русскаго литературнаго языка" С. Ю. Бендасюка и „маршъ русскихъ студентовъ" И. И. Цероха. Грамматика Бендасюка имѣла для этого поколѣнія такое же историческое значеніе, какое пріобрѣла въ 60-годахъ прошлаго столѣтія книжка Б. А. Дѣдицкаго: „Въ одинъ часъ научиться малороссу по великорусски!" Маршъ же русскихъ студентовъ И. И. Цероха своей бойкой, хотя и трудной мелодіей, вытѣснилъ постепенно тягучій гимнъ „весны народовъ" — „Миръ вамъ братья" И. Е. Гушалевича.

И. И. Церохъ сталъ издавать „Голосъ Народа" въ Львовѣ и вмѣстѣ съ С. А. Лабенскимъ, избраннымъ вскорѣ редакторомъ

„Прикарпатской Руси“, вынесъ всю тяжесть борьбы „новокурсниковъ“ съ „подновленной рутенщиной“ д-ра Н. П Глѣбовицкаго, покрывавшаго свой новый „двухлоялизмъ“ въ „Галичанинѣ“ уже русскимъ литературнымъ языкомъ. Крайнее лѣвое крыло карпатскихъ „жаворонковъ“ послѣ „перекраски И. С. Свѣнцицкаго, прекратившаго „Живую Мысль,“ въ 1906 г., пыталось создать отдѣльный органъ въ „Новой Жизни“ (Львовъ 1909), но попытки и К. М. Вальницкаго и И. А. Голинатаго не встрѣтили тогда достаточной поддержки среди карпаторусскаго студенчества. Идеологію соціалистическаго направленія въ Галцкой Руси создавалъ покойный З. И. Мохнацкій.

Къ поколѣнію „жаворонковъ“ нужно причислить и талантливыхъ А. А. Филиппповскаго, І. Я. Луцыка и И. Г. Боруха, переправившихся на новое поприще дѣятельности за океанъ, къ карпаторусскимъ эмигрантамъ въ Америкѣ.

Идеологъ карпатскихъ „жаворонковъ“, С. Ю. Бендасюкъ, долженъ былъ искупить свое рвеніе въ распространеніи русскаго литературнаго языка среди простонародья Прикарпатья болѣе продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ, чѣмъ это ранѣе выпадало на долю „ласточекъ“. Съ нимъ вмѣстѣ еще въ 1912 г. были посажены въ австрійскую тюрьму В. А. Колдра и два молодыхъ священника—звѣрски потомъ австрійцами разстрѣлянный о. Максимъ Сандовичъ и И. Гудима.

Польскій судъ присяжныхъ засѣдателей вынесъ имъ въ 1914 г. оправдательный приговоръ. Это своеобразное проявленіе „славянофильства“ среди польскихъ общественныхъ дѣятелей въ высшей степени испугало вѣнскіе правительственные круги. Оно послужило немалымъ аргументомъ для объявленія „предупредительной“ войны тевтонства славянству, какъ это выяснилось изъ дальнѣйшихъ политическихъ процессовъ въ Вѣнѣ, (противъ д-ра Д. А. Маркова, д-ра Богатырца, д-ра Булика, д-ра Гассая и многочисленныхъ ихъ сотоварищей.)

Съ началомъ міровой войны въ Галиціи выступаютъ на сцену „карпатскіе сокола“. Стремленіе галицко-русскихъ свободолюбцевъ получить въ 1914 году разрѣшеніе отъ высшаго русскаго командованія на сформированіе особыхъ „карпаторусскихъ дружинъ“ (по образцу чехо-словацкихъ) не встрѣтило пониманія ни въ главной ставкѣ, ни въ Петроградѣ. Особенно ревностно настаивавшій на этомъ галицкорусскій дѣятель былъ съ „почетомъ“ высланъ изъ только что освобожденной его родины, а, прибывъ въ Петроградъ, столкнулся съ угрозой ссылки въ Сибирь. Но это стремленіе не заглохло и особенно ярко проявилось оно среди галицко-русскихъ „курсантовъ,“ пріѣхавшихъ въ Петроградъ для пополненія своего образованія по спеціально русскимъ предметамъ.

Галицко-русская молодежь принялась въ 1916 г. въ Петроградѣ за изданіе журнала „На Новомъ Пути“. Во главѣ

издательства сталъ д-ръ А. В. Копыстянскій, авторъ книжки „Галицкая Русь прежде и нынѣ“, изданной об-вомъ ревнителей историческаго просвѣщенія въ Петроградѣ въ 1907 г. (псевдонимъ — „Очевидецъ“), впослѣдствіи предсѣдатель-Карпато-русскаго Центральнаго Комитета въ Омскѣ и издатель „Карпаторусскаго Слова“. Кромѣ него въ изданіи участвовали молодой ученый А. И. Генсерскій, поэты Н. Г. Климковъ и И. А. Лабенскій, публицистъ И. П. Чернѣй и др.

Вся эта молодежь готова была составить ядро карпато-русскихъ добровольческихъ дружинъ и кровью запечатлѣть преданность идеѣ. — Издававшаяся тогда во Львовѣ „Прикарпатская Русь“ Ю. А Яворскаго была лишена возможности отражать эти настроенія на своихъ столбцахъ. Круги, близкіе въ то время къ бывшему военному генералъ-губернатору Галиціи, гр. Г. А. Бобринскому, находили, что формированіе особыхъ карпаторусскихъ добровольческихъ дружинъ внесло бы національный элементъ въ россійскую армію, основанную на государственной базѣ, и могло бы создать нежелательный прецедентъ. Въ виду того и поѣздка предсѣдателя Галицкорусскаго Народнаго Совѣта д-ра В. Ѳ. Дудыкевича съ И. И. Церохомъ, горячимъ сторонникомъ созданія дружинъ, въ Холмъ, въ ставку Западнаго фронта, и поѣздки въ Главную Ставку не увѣнчались успѣхомъ. Карпаторусскіе военные отряды не смогли организоваться и послѣ революціи, при Временномъ Правительствѣ Керенскаго, когда о нихъ хлопоталъ предсѣдатель Галицко-русскаго Бѣженскаго Совѣта въ Кіевѣ, проф. Ю. А. Яворскій.

Только генералъ Л. Г. Корниловъ въ 1918 г. и адмиралъ А. В. Колчакъ въ 1919 г. поняли значеніе особыхъ карпаторусскихъ боевыхъ отрядовъ и согласились на формированіе ихъ изъ карпаторусскихъ бѣженцевъ и военноплѣнныхъ, какъ въ Донской области, такъ и въ Сибири.

Въ связи съ созданіемъ этихъ боевыхъ отрядовъ и возникаетъ особый родъ карпаторусской поэзіи, дружиннаго пѣснотворчества „карпаторусскихъ соколовъ.“ Судьбы этихъ отрядовъ описаны В. А. Саврукомъ въ американско-русскомъ календарѣ „Правда“ на 1922 г. (г. Олифантъ, Пенсильванія) и С. С. Пыжемъ. Стихотворенія „соколовъ“ разбросаны въ „Карпаторусскомъ Словѣ“ (Омскъ 1918 и 1919), выходившемъ подъ редакціей И. А. Лабенскаго и въ „Карпаторусскомъ Добровольцѣ“, выходившемъ при арміи генерала Деникина въ Ростовѣ н.-Д. подъ редакціей В. Р. Ваврика, а раньше въ „Призывѣ“, органѣ карпаторусской народной организаціи въ Ростовѣ н.-Д., издававшемся подъ редакціей И. И. Цероха.

Характеръ этой поэзіи — боевая лирика. Она преобладаетъ и въ сборникѣ „Карпаторусскія Думы“, Н. Г. Климкова, появившемся въ 1918 г. въ Ростовѣ на Дону и въ сборникѣ В. Р.

Ваврика, вышедшемъ въ Ужгородѣ въ 1921 г. подъ заглавіемъ „Пѣсни — Русь — Трембита.“

Муза поэтовъ, пережившихъ тяготу боевыхъ походовъ, особенно легендарнаго „Ледяного Похода“ Корнилова на Кубани, конечно, отличается отъ музы карпаторусскихъ Тиртеевъ, взывавшихъ къ борьбѣ за народные идеалы въ мирной обстановкѣ. Въ стихахъ, напримѣръ, В. Р. Ваврика слышатся нотки старыхъ галицкорусскихъ дружинныхъ баяновъ. Огонь древняго пѣвца Митусы, рѣшившаго своими пѣснопѣніями участь Перемышля въ XII вѣкѣ, автора Слова о полку Игоревѣ, которымъ, по мнѣнію многихъ изслѣдователей, былъ галичанинъ, или тѣхъ дружинныхъ пѣвцовъ, которые сопровождали полки Игнатія Рябца, поспѣвшихъ на помощь Димитрію Донскому на Куликово Поле.

Въ прологѣ В. Р. Ваврикъ взываетъ:

Я жажду, чтобы пѣсни мои
Всѣхъ русскихъ сердца всколыхнули,
Чтобы русскіе всѣ на мои
Родные Карпаты взглянули...

Я въ бури и вихри проникъ
Разящаго громомъ раската,
И тайну однажды постигъ
Я пѣсенъ сѣдого Карпата...

Подобными настроеніями проникнуто большинство стихотвореній карпаторусскихъ „соколовъ.“ У Н. Г. Климкова преобладаетъ гражданскій элементъ, у В. Р. Ваврика элегическій. Но и въ элегіяхъ замѣтенъ національный фонъ, который придаетъ его стихамъ „краевое“ своеобразіе. Такъ, напримѣръ, опираясь на мнѣніе одного ученаго изслѣдователя русскихъ былинъ, доказывавшаго, что въ богатырѣ Святогорѣ русскій народъ олицетворилъ свою исконную національную колыбель—Карпатскій горный кряжъ, В. Р. Ваврикъ даетъ слѣдующую элегію: „Грусть Карпатъ.“

Тьма въ Карпатахъ. Дремлетъ боръ,
Плещетъ Ужъ уныло,
Грустенъ ходитъ Святогоръ,
Все ему постыло.

Всю честную старину
Новизна смѣнила,
И не вьется въ вышину
Дымъ паникадила.

Не поетъ Дажбогу хоръ
И не тѣ дѣвчата;
Опечаленъ Святогоръ
И грустятъ Карпаты.

Еле-еле плещетъ Ужъ
Мутною волною,
А надъ нимъ повисла глушь
Черной пеленою...

Описываетъ ли карпаторусскій соколъ степной курганъ, гдѣ полегла „русская слава“, прощается ли онъ съ милой, вездѣ передъ глазами стоитъ этотъ богатырь — Святогоръ, этотъ сѣдой Карпатъ, борьба за „русскій обликъ“ котораго велась шесть столѣтій.

Среди поколѣнія карпаторусскихъ „соколовъ“, пишущихъ прозою, выдаются своими философскими очерками И. И. Сѣрко-Билинскій, тонкими аллегоріями Д. И. Яблонскій, И. Ковердань, не говоря о В. А. Саврукѣ, стяжавшемъ себѣ популярность своими корреспонденціями въ американской „Прикарпатской Руси,“ календарѣ „Правды“ и др. изданіяхъ. А. Ю. Геровскаго, Д. И. Вислоцкаго, д-ра А. И. Гагатко и Ю. М. Цурковича, надо скорѣе причислить къ поколѣнію, „жаворонковъ.“

Историческія событія заставили всѣ три поколѣнія — карпаторусскихъ „ласточекъ“, „жаворонковъ“ и „соколовъ“, разлетѣвшихся, было, по всему міру, снова собраться вблизи своихъ родныхъ Карпатскихъ горъ, чтобы продолжать національную работу. Есть попытки внести въ ихъ сборную стаю плевелы розни и мелкихъ сваръ. Надо, однако, надѣяться что эти „обстрѣлянныя“ птицы на чужіе „повабные“ посвисты не поддадутся. Въ ихъ единеніи залогъ ихъ будущаго успѣха. Каковы бы ни были ихъ расхожденія по соціальнымъ вопросамъ, здоровый инстинктъ самосохраненія сможетъ подсказать имъ, что прежде всего долженъ быть разрѣшенъ національный вопросъ и что въ ихъ національной спайкѣ ключъ къ ближайшимъ достиженіямъ на литературномъ и культурномъ поприщѣ.

Д. В — нъ.

Прага.

Докторъ К. П. Крамаржъ. Русскій кризисъ. Прага 1921 г.

Обширный трудъ д-ра Крамаржа является чрезвычайно глубокимъ изслѣдованіемъ современной русской проблемы. Трудно было ожидать не отъ русскаго такой глубины и проникновенія. Книгу нужно прочесть не только каждому интеллигентному славянину, но и каждому русскому, ибо и намъ, на многое откроются глаза. Авторъ тщательно изучилъ не только современныя событія—революцію, но и далекое прошлое, причины, приведшія къ революціи, и факторы, придавшіе ей столь грозный, разрушительный характеръ. Это изученіе доступно было автору благодаря его давнишнему близкому и всестороннему знакомству съ Россіей и съ многими ея выдающимися общественными и государственными дѣятелями. Основной причиной онъ считаетъ вѣковой абсолютизмъ, который убилъ въ передовой части народа, въ русской интеллигенціи, всякую возможность развитія чувства государственности, подавляя въ ней малѣйшую попытку къ самодѣятельности и отбросивъ ее въ міръ безпочвенныхъ грезъ и фантазій. Кружковщина, духовное сектантство характеризовали ея жизнь. Безконечные отвлеченные, безплодные разговоры были ея занятіемъ втеченіе десятилѣтій. И когда судьба призывала ее къ работѣ, то дальше разсужденій она пойти не могла. Эти свойства нашей интеллигенціи осложнились ея увлеченіемъ соціалистическими теоріями, которыя она приняла въ найболѣе крайнихъ формахъ. Столь же пагубно было вліяніе абсолютизма на народныя массы. Въ нихъ не было воспитано чувство патріотизма, гражданственности, сознаніе своихъ правъ и обязанностей. Какъ все это сказалось, когда внѣшнія путы спали, мы знаемъ.

Авторъ доказываетъ неизбѣжность революціи и неизбѣжность тѣхъ формъ, которыя она приняла, а также неизбѣжность и большевизма въ Россіи. Переходя къ послѣдней эпохѣ, къ эпохѣ совѣтской власти, онъ подробно анализируетъ развитіе процесса во всѣхъ областяхъ русской жизни. Но, рисуя картину общаго разрушенія, онъ видитъ также признаки, свидѣтельствующіе о продолженіи русскимъ народомъ своей духовной болѣзни и видитъ тѣ пути, которыми Россія выйдетъ къ свѣту Онъ указываетъ какъ постепенно интеллигенція освобождается отъ власти безпочвенныхъ теорій и какъ въ народѣ, сквозь неслыханное огрубеніе нравовъ, пробивается настойчивая тоска по порядку, основанному на правдѣ. Это выражается, въ частности, въ возрожденіи сильнаго религіознаго чувства. Въ крестьянствѣ, не смотря на фактическій захватъ чужой собственности, проснулось чувство правовое. Рабочіе, въ свою очередь, поняли значеніе интеллигентскаго труда и капитала. Все это является залогомъ возрожденія. Въ заключительной части книги авторъ намѣчаетъ схему будущей политической и экономической структуры русскаго государства, при которой его части, покончивъ съ прежней централизаціей, могли бы свободно развиваться. Вся книга проникнута глубокой любовью къ Россіи и вѣрой въ ея будущность.

„Всей душой," заключаетъ авторъ свою книгу, „вѣрю, что Россія будетъ жить."

Книга переведена на русскій языкъ и вскорѣ поступитъ въ продажу по удешевленной цѣнѣ.

Ю. Р.

В. Амфитеатровъ. Очерки исторіи русской литературы. Славянское Издательство. Прага. 1922 г.

Тщательно изданный, на хорошей бумагѣ съ четкимъ шрифтомъ, томъ является цѣннымъ вкладомъ въ нашу зарубежную библіотеку. Задачи „Очерковъ“ — не стать учебникомъ, но, какъ говоритъ самъ авторъ, „рядомъ критическихъ характеристикъ творчества нашихъ геніальныхъ писателей напомнить оторванной отъ Отечества эмигрантской массѣ о великихъ культурныхъ цѣнностяхъ, таящихся въ родной литературѣ и быть полезнымъ пособіемъ для изученія литературы въ школѣ,“

Особенно цѣнны главы XVII и XVIII — художественная проза и поэзія съ 1905 г. по 1915 г., — такъ какъ объ этомъ періодѣ мы имѣли такъ мало критическихъ обобщеній.

„ЗВЕНО“. Ежемѣсячный Академическій и литературный журналъ № 1, Январь 1922 г. Изданіе Союза Россійскихъ студентовъ въ Германіи. Берлинъ.

Привѣтствуя выходъ студенческаго журнала, нельзя не замѣтить, что именно студенческаго творчества въ журналѣ, къ сожалѣнію, мало.

Журналъ изданъ просто и аккуратно.

Н. Б.

Въ Прагѣ „организовалось“ Объединеніе Молодыхъ поэтовъ — подъ почетнымъ предсѣдательствомъ С. К. Маковскаго, задачей „объединеніе“ является:

а) Сближеніе молодыхъ поэтовъ.
б) Изученіе стихотворной рѣчи, ритма, музыки стиха, стилей и новаго словотворчества.
в) Интимные вечера: чтеніе и критика молодыхъ авторовъ.
д) Обзоръ новыхъ вѣяній и школъ поэзіи въ Россіи и заграницей.
е) Философія лирики, доклады, рефераты и лекціи.
ж) Новые пути въ поэзіи.

Лицъ интересующихся данными вопросами просятъ адресоваться въ редакцію сборника „МЛАДОРУСЬ“.

Личные переговоры съ редакторомъ и секретаремъ тамъ-же.

Въ Из-вѣ „Наша Рѣчь“ выходятъ слѣдующія новыя книги:

Сергѣй Маковскій — „Силуэты русскихъ художниковъ“.
Его же „Русская религіозная живопись“.
„ „ „Современная живопись“.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По многимъ соображеніямъ въ I-й кн. сборника не удалось выполнить задуманнаго плана въ цѣломъ отдѣла Славяновѣдѣнія.

Задачей отдѣла Славяновѣдѣнія будетъ:

1) Ознакомленіе читателей съ образцами произведеній славянскихъ поэтовъ и беллетристовъ.

2) Библіографическіе указатели новой славянской литературы и ученыхъ трудовъ.

3) Указаніе книгъ, относящихся къ изученію Славянства, его исторіи, быта, взаимоотношеній и пр.

4) Періодическое ознакомленіе съ новыми Славянскими литературными и научными произведеніями.

5) Помѣщеніе статей русскихъ и чешскихъ ученыхъ и писателей по разнымъ вопросамъ Славянскаго міра.

***

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны на одной сторонѣ листа.

Матеріалы, поступающіе безъ указанія источниковъ, а также безъ подписи и адреса автора печататься не будутъ.

Редакція обращается ко всѣмъ русскимъ издательствамъ, и книгопрадавцамъ, присылать въ редакцію Сборника свои изданія для отзыва, съ просьбой взамѣнъ чего будетъ высылаться сборникъ.

***

Всѣ русскіе культурные центры за границей, какъ-то общества, кружки и всякаго рода культурно-просвѣтительныя и духовныя организаціи, редакція проситъ дать свои адреса для личной переписки.

***

Лицъ, желающихъ корреспондировать съ мѣстъ, редакція проситъ прислать свои условія.

Редакція.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Готовится къ печати II книга сборника

МЛАДОРУСЬ.

Будутъ даны образцы классической чешской литературы.

Принимаетъ:

Редакторъ:	среда 12—1 суббота 11—1	Секретарь редакціи:	понедѣльникъ 12—1 четвергъ 11—1

Редакторъ В. Ильинскій.
Секретарь С. Савиновъ.

Русскій
книжный магазинъ „Наша Рѣчь“ Книгоиздательство
Praha II, Kateřinská 40. Tshécoslovaquie.

Вышла въ свѣтъ новая книга:
„АРТИСТЫ МОСКОВСКАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО ТЕАТРА ЗА РУБЕЖОМЪ.“
Сборникъ подъ редакціей Сергѣя Маковскаго.

Содержаніе: С. К. Маковскій: Отъ редактора. С. Бертенсонъ. Московскій Художественный Театръ. М. Германова: Нашъ Театръ. Е Краснопольская: Константинъ Сергѣевичъ Станиславскій. „Три секунды“ (В. И. Немировичъ-Данченко). О. Книппер-Чехова: Изъ моихъ воспоминаній о Художественномъ Театрѣ и объ А. П. Чеховѣ. В. Качаловъ: Мое знакомство съ Художественнымъ Театромъ. Е. Чириковъ: Какъ я сдѣлался драматургомъ. С. Маковскій: Гамлетъ-Качаловъ. В. Кадашевъ-Амфитеатровъ: Братья Карамазовы.

* * *

Въ книгѣ помѣщены: Портретъ Станиславскаго въ трехцвѣтной репродукціи картины Сѣрова, портреты Немировича-Данченко и всѣхъ артистовъ Художественнаго Театра за рубежомъ.

Цѣна безъ пересылки и упаковки: въ Чехо-Словакіи 40 Кр. ч., въ Германіи 60 мар., во Франціи 10 франковъ, въ Америкѣ 1½ долл.— Деньги можно пересылать на текущій счетъ — „Наша Рѣчь“ въ Прагѣ черезъ банки: Legiobanka въ Прагѣ, въ Banque de Credit de Prague (filialka), въ Бѣлградѣ и Софіи. Tchechoslovakischer Bankverein. Berlin W. 9 Potsdamer Platz 3.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ГАЗЕТЪ:

„...Очень изящна и хорошо изданная книга производитъ трогательное, чарующее впечатлѣніе. Содержаніе этой цѣнной и прекрасной книги далеко шире ее заглавія...“

...Несомнѣнно, что эта книга займетъ почетное мѣсто въ литературѣ о Художественномъ Театрѣ и объ его достиженіяхъ дастъ изслѣдователямъ исторіи этого театра цѣнный матеріалъ для пониманія его создателей... “(Голосъ Россіи“ 25 Декабря. Л. Немановъ).

...„Какой-то теплотой, бережливой святостью исполнены всѣ статьи этой книги...“

„... Внѣшне книга выглядитъ прекрасно, въ простой изящной обложкѣ, на хорошей бумагѣ, съ большимъ количествомъ снимковъ артистовъ въ наиболѣе характерныхъ роляхъ и съ удачно воспроизведенными портретами К. С. Станиславскаго и Вл. И. Немировича-Данченко...“ (Руль 8 Января 1922 г.)

„... Отъ всего сборника вѣетъ роднымъ духомъ: Россія... Чеховъ... что-то русское задушевное глядитъ на насъ съ каждой страницы..“ Москва... въ Москву, въМоскву... („Послѣднія Новости“ 18 Января)

Требуйте каталогъ № 7.

Банкъ Чехословацкихъ легіонеровъ.

ПРАГА II.

Телеграф. адресъ: Легіобанка. Телефоны: № 6580, 7105, 7106, 7107, 7993.

АКЦІОНЕРНЫЙ КАПИТАЛЪ Кч. 70,000.000

ЗАПАСНЫЙ КАПИТАЛЪ Кч. 18,000,000

Производитъ всякаго рода банковскія и промышленныя транскакціи. Вклады. Переводы заграницу.

ОТДѢЛЕНІЯ: Братислава, Брно, Пльзень, Пиштяны, Колинъ, Духцовъ, Нове Мѣсто надъ Вагомъ.

Собственный морской пароходъ „Легіе“.

Международное транспортное Акціон. общество

„БОГЕМІЯ“.

Въ Прагѣ I. (Чехословакія).

Jakubská 5.

Телефонъ № 1562, 4888, 9555.
Адр. для телеграммъ: „Bohemisped.“
A B C — Codes 5th s 6th used.
20 собственныхъ отдѣленій.

Транспорты и страховка всякаго товара во всѣхъ частяхъ земного шара.

Славянское Издательство въ Прагѣ.

Акц. О-во.

Главная контора и складъ:

Прага-Смиховъ, Пржемыслова ул. 16. Телефонъ 17-08.

I. ТИПОГРАФСКІЙ ОТДѢЛЪ

Книгоиздательство.

Печатаніе книгъ, журналовъ, газетъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

Исполненіе всевозможныхъ типографскихъ акцидентныхъ работъ.

II. ЛИТОГРАФСКІЙ ОТДѢЛЪ

Исполненіе многоцвѣтныхъ, рельефныхъ и транспарантныхъ плакатовъ и рекламъ. Иконопись.

Художественныя этикеты и обертки для шоколада, конфектъ, парфюмеріи и т. д.

III. ЭКСПЕДИЦІОННЫЙ ОТДѢЛЪ

Распространеніе книгъ, журналовъ, газетъ и рекламъ во всѣхъ странахъ.

Собственныя хромо-литографія и типографія.
Доступныя цѣны, изящное и аккурашное исполненіе.

Смѣты и образцы по требованію.

Slovanské nakladatelství v Praze,

akc. spol.

Praha—Smíchov, Přemyslova ul. 16. — Telefon 17.08.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Наша обязанность. *В. Ильинскій* 5
Изъ книги „Вѣнецъ скорби“. Стихи. *В. Ильинскій* . . . 9
Такъ будетъ. Стихи. *Богодаръ Туркестанцевъ* 13
Сонеты. *Е. Недзѣльскій* 14
На лобномъ мѣстѣ. Стихи. *Д. Вергунъ* 15
Искуситель. Очеркъ. *Ал. Гришинъ* 16
Три конуса. Новелла. *Ю. Миролюбовъ* 19
Дикія розы. Стихи. *Ю. Миролюбовъ* 22
Случайно. Разсказъ. *Н. Снѣсарева-Казакова* 23
Письмо. Разсказъ. *С. Савиновъ* 28
Побѣгъ изъ плѣна ген. Корнилова черезъ Карпаты. Очеркъ. *В. Ваврикъ* 32
Къ столѣтію „Славіи“. *Д. В.* 38
О прозрѣніяхъ Достоевскаго. Статья. *Е. Чириковъ* 41
Завѣты Московскаго Университета. *П. Новгородцевъ* . . 47
Человѣческая мудрость и Премудрость Божія. Статья. Прив.-доц. *Г. В. Флоровскій* 50
Чему можетъ поучиться русская молодежь у Чеховъ. Статья. *С. Гогель* 63
Душа Праги. Очеркъ. *Ф. Кубка* 76
Студенческое О-во Славянскаго Единенія. Статья. *Б. Л.* . . 77
Скромная годовщина. *С. Водовъ* 82
Обзоръ академической жизни въ Прагѣ. *С. С.* 87
Рѣчь проф. А. С. Ломшакова. 93
Методистская миссія въ Чехословакіи. *И.* 99
Критика и библіографія.
Карпатскіе соколы. *Д. В.* 101
Д-ръ К. П. Крамаржъ. Русскій кризисъ. *Ю. Р.* 107
В. Амфитеатровъ. Очерки исторіи русской литературы. *Н. Б.* 108
„Звено“. Ежемѣс. акад. и литерат. журналъ 108
Отъ редакціи 109
Объявленія 110

Представители по распространенію сборника.

Америка.	Russian National Book Store, Inc. 5. Columbus Circle Suite 318-319.
Бельгія Книгоиздательство „Новости Иностранной Литературы". Эсне Льежъ.	Esneux — Bèlgique, 11, Sous les Roches. 11.
Бессарабія Кн. магазинъ "Образованіе" (Эдукація).	Librarìa „Educatìa", Chisinau, str. Aleksandru cel Bun N 110, casa Doncev.
Болгарія. Кн. магазинъ „Златолира".	Édition, Librairie „Zlatolyra", Bulgarie-Sofia, rue Legne 39.
Германія. Кн. магазинъ „Москва". Генрихъ Заксъ.	Russische Buchhandlung „Moskwa" H. Sachs, Berlin S. W. 48. Wilhelmstrasse 20.
Италія. Кн. магазинъ „Слово".	Libreria Russa „Slovo". Roma, 18 Piazza del Popolo, 18.
Латвія. Кн. магазинъ Г. Бѣлинькій.	Riga—Suworowa celà 8. ds. , Kast. N 23 . Latwie.
Литва Ковно. Кн. магазинъ М. Львовичъ.	Kowno — Litwa, Laisvesaleia N 50 Mtakinin
Польша. Кн. магазинъ „Вѣкъ Культуры". Варшава.	Warszawa, ul. Nowy Swiat 62.
Турція. Кн. магазинъ „Культура". Константинополь.	Librarie Russe „Culture", Constantinople, 441. Grand' rue de Pèra 451.
Греція. Афины. Книжный магазинъ Г. Кауфманъ.	Hermann Kauffmann Athènes (Grèce).
Сербія (Югославія). Кн. магазинъ Стефановичъ. Бѣлградъ.	Belgrad, Poenkareovà ul. 36. S. H. S.
Франція. Парижъ. Кн магазинъ.	Société de Presse, de Publicité et d'Editions. Paris. 72. rue d'Anjou.
Швейцарія. Лозанна. Ком. Бюро А. А. Кистеръ.	Lausanne, 22, Petit Chêne 22.
Дальній Востокъ. Кн. маг. Н. П. Дукельскаго. Шанхай.	Shanghai, 41, Kiangse Road.
И. Я. Чуринъ и К-о. Харбинъ.	Harbin.
И. Я. Чуринъ и К-о. Преемники А. В. Касьяновъ и К-о. Владивостокъ.	Wladivostok.
Чехословакія. Кн. маг. „Наша Рѣчь".	Praha II., Kateřinská čis. 40.
Кн. магазинъ Отто.	Praha II., Karlovo nam. 34

Въ изданіи сборника **МЛАДОРУСЬ** принимаетъ участіе Русская Секція Студенческаго Общества Славянскаго Единенія.

ЦѢНА **12** чеш. кронъ.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.M5
kn.1

1130.